

Н. С. ЛЪСКОВЪ

ПОЛНОЕ
СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ

ИЗДАНИЕ А. П. МАРИСА

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

<http://rcin.org.pl>

LIBRARY OF THE
POLISH ACADEMY OF SCIENCES
CRACOW

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ
Н. С. ЛѢСКОВА.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ приложеніемъ портрета Лѣскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1902 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издание А. Ф. МАРКСА.
1902.

Н. С. ДУСКОВА

Типограф А. Ф. Маркса, Измайл. пр., № 29.

ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИКЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Мы плыли по Ладожскому озеру отъ острова Коневца къ Валааму и на пути зашли по корабельной надобности въ пристань къ Корелѣ. Здѣсь многіе изъ насъ полюбопытствовали сойти на берегъ и съѣздили на добрыхъ чухонскихъ лошадкахъ въ пустынный городокъ. Затѣмъ капитанъ изготавился продолжать путь, и мы снова отплыли.

Послѣ посѣщенія Корелы, весьма естественно, что рѣчь зашла объ этомъ бѣдномъ, хотя и чрезвычайно старомъ русскомъ поселкѣ, грустнѣе котораго трудно что-нибудь выдумать. На суднѣ всѣ раздѣляли это мнѣніе, и одинъ изъ пассажировъ, человѣкъ склонный къ философскимъ обобщеніямъ и политической шутливости, замѣтилъ, что онъ никакъ не можетъ понять: для чего это неудобныхъ въ Петербургѣ людей принято отправлять куда-нибудь въ болѣе или менѣе отдаленныя мѣста, отчего, конечно, происходитъ убытокъ казнѣ на ихъ провозъ, тогда какъ тутъ же, вблизи столицы, есть на Ладожскомъ берегу такое превосходное мѣсто, какъ Корела, гдѣ любое вольномысліе и свободомысліе не могутъ устоять передъ апатіею населенія и ужасною скукою гнетущей, скупой природы.

— Я увѣренъ,—сказалъ этотъ путникъ:—что въ настоящемъ случаѣ непременно виновата рутина, или въ крайнемъ случаѣ, можетъ-быть, недостатокъ подлежащихъ свѣдѣній.

Кто-то, часто здѣсь путешествующій, отвѣтилъ на это, что будто и здѣсь разновременно жилали какіе-то изгнанники, но только всѣ они недолго будто выдерживали.

— Одинъ молодецъ изъ семинаристовъ сюда за грубость въ дьячки былъ присланъ (этого рода ссылки я уже и понять не могъ). Такъ прѣхавши сюда, онъ долго храбрился и все надѣялся какое-то судбище поднять; а потомъ, какъ запыль, такъ до того пыль, что совсѣмъ съ ума сошелъ и послалъ такую просьбу, чтобы его лучше какъ можно скорѣе велѣли «разстрѣлять, или въ солдаты отдать, а за неспособностью повѣсить».

— Какая же на это послѣдовала резолюція?

— М... н... не знаю право; только онъ все равно этой резолюціи не дождался: самовольно повѣсился.

— И прекрасно сдѣлать,—откликнулся философъ.

— Прекрасно?—переспросилъ рассказчикъ, очевидно купецъ и притомъ человѣкъ солидный и религіозный.

— А что же? по крайней мѣрѣ умеръ и концы въ воду.

— Какъ же концы въ воду-съ? А на томъ свѣтѣ что ему будетъ? Самоубійцы, вѣдь они цѣлый вѣкъ будутъ мучиться. За нихъ даже и молиться никто не можетъ.

Философъ ядовито улыбулся, но ничего не отвѣтилъ, но зато и противъ него, и противъ купца выступилъ новый оппонентъ, неожиданно вступившійся за дьячка, совершившаго надъ собою смертную казнь безъ разрѣшенія начальства.

Это былъ новый пассажиръ, который ни для кого изъ насъ незамѣтно присѣлъ съ Коневца. Онъ до сихъ поръ молчалъ, и на него никто не обращалъ никакого вниманія, но теперь всѣ на него оглянулись и, вѣроятно, всѣ подивились: какъ онъ могъ до сихъ поръ оставаться незамѣченнымъ. Это былъ человѣкъ огромнаго роста, съ смуглымъ, открытымъ лицомъ и густыми, волнистыми волосами свинцоваго цвѣта: такъ странно отливала его просѣдь. Онъ былъ одѣтъ въ послушничьемъ подрясникѣ, съ широкимъ монастырскимъ ременнымъ поясомъ и въ высокомъ, черномъ суконномъ колпачкѣ. Послушникъ онъ былъ, или постриженный монахъ — этого отгадать было невозможно, потому что монахи Ладожскихъ острововъ не только въ путешествіяхъ, но и на самыхъ островахъ не всегда надѣваютъ камлавки, а въ сельской простотѣ ограничиваются колпачками. Этому новому нашему спутнику, оказавшемуся впоследствии чрезвычайно интереснымъ человѣкомъ, по виду можно было дать съ небольшимъ лѣтъ за пятьдесятъ; но

онъ былъ въ полномъ смыслѣ слова богатырь, и притомъ типическій, простодушный, добрый русскій богатырь, напоминающій дѣдушку Илью Муромца въ прекрасной картинѣ Верещагина и въ поэмѣ графа А. К. Толстого. Казалось, что ему бы не въ ряскѣ ходить, а сидѣть бы ему на «чубаромъ» да ѣздить въ лаптищахъ по лѣсу и лѣниво нюхать, какъ «смолой и земляникой пахнетъ темный боръ».

Но, при всемъ этомъ добромъ простодушии, немного надо было наблюдательности, чтобы видѣть въ немъ человѣка много видѣваго и, что называется, «бывалаго». Онъ держался смѣло, самоувѣренно, хотя и безъ непріятной развязности, и заговорилъ пріятнымъ басомъ съ повадкою:

— Это все ничего не значить, — началъ онъ, лѣниво и мягко выпуская слово за словомъ изъ-подъ густыхъ, вверхъ по-гузарски закрученныхъ сѣдыхъ усовъ. — Я, что вы насчетъ того свѣта для самоубійцевъ говорите, что они будто никогда не простятся, не приѣмлю. И что за нихъ будто некому молиться—это тоже пустяки, потому что есть такой человѣкъ, который все ихъ положеніе самымъ легкимъ манеромъ очень просто можетъ поправить.

Его спросили: кто же это такой человѣкъ, который вѣдаетъ и исправляетъ дѣла самоубійцъ послѣ ихъ смерти?

— А вотъ кто-съ, — отвѣчалъ богатырь-черноризецъ:— есть въ московской епархіи въ одномъ селѣ попникъ,—прегорчающій пьяница, котораго чуть было не разстригли,—такъ онъ ими орудуетъ.

— Какъ же вамъ это извѣстно?

— А помилуйте-съ, это не я одинъ знаю, а всѣ въ московскомъ округѣ про то знаютъ, потому что это дѣло шло черезъ самого высокопреосвященнаго митрополита Филарета.

Вышла маленькая пауза, и кто-то сказалъ, что все это довольно сомнительно.

Черноризецъ нимаго не обидѣлся этимъ замѣчаніемъ и отвѣчалъ:

— Да-съ, оно по первому взгляду такъ-съ, сомнительно-съ. И что тутъ удивительнаго, что оно намъ сомнительнымъ кажется, когда даже сами его высокопреосвященство долго этому не вѣрили, а потомъ, получивъ вѣрныя тому доказательства, увидали, что нельзя этому не вѣрить, и повѣрили.

Пассажиры пристали къ иноку съ просьбою разсказать

эту дивную исторію, и онъ отъ этого не отказался и началъ слѣдующее:

— Повѣствуютъ такъ, что пишеть будто бы разъ одинъ благочинный высокопреосвященному владыкѣ, что будто бы, говорить, такъ и такъ, этотъ попикъ ужасная пьяница, — пьетъ вино и въ приходѣ не годится. И оно, это донесеніе, по одной сущности было справедливо. Владыко и велѣли прислать къ нимъ этого попика въ Москву. Посмотрѣли на него и видять, что, дѣйствительно, этотъ попикъ запивашка, и рѣшили, что быть ему безъ мѣста. Попикъ огорчился и даже пересталъ пить, и все убивается и оплакиваетъ: «до чего, думаетъ, я себя довелъ, и что мнѣ теперь больше дѣлать, какъ не руки на себя наложить? Это одно, говорить, мнѣ только и осталось: тогда, по крайней мѣрѣ, владыко сжалятся надъ моею несчастною семьею и дочери жениха дадутъ, чтобы онъ на мое мѣсто заступилъ и семью мою питалъ». Вотъ и хорошо: такъ онъ порѣшилъ настоятельно себя кончить и день къ тому опредѣлили, но только какъ былъ онъ человѣкъ доброй души, то подумалъ: «хорошо же; умереть-то я, положимъ, умру, а вѣдь я не скотина: я не безъ души, — куда потомъ моя душа пойдетъ?» И сталъ онъ отъ этого часу еще больше скорбѣть. Ну, хорошо: скорбить онъ и скорбить, а владыко рѣшили, что быть ему за его пьянство безъ мѣста, и легли однажды послѣ трапезы на диванчикъ съ книжкой отдохнуть и заснули. Ну, хорошо: заснули они или этакъ только воздремали, какъ вдругъ видять, будто къ нимъ въ келію двери отворяются. Они и окликнули: «кто тамъ?» потому что думали, будто служка имъ про кого-нибудь доложить пришелъ; анъ, вмѣсто служки, смотрять — входитъ старецъ, добрый-предобрый, и владыко его сейчасъ узнали, что это преподобный Сергій.

Владыко и говорятъ:

— Ты ли это, пресвятой отче Сергіе?

А угодникъ отвѣчаетъ:

— Я, рабъ Божій Филаретъ.

Владыко спрашиваютъ:

— Что же твоей чистотѣ угодно отъ моего недостойнства?

А святой Сергій отвѣчаетъ:

— Милости хочу.

— Кому же повелишь явить ее?

А угодникъ и наименовалъ того попка, что за пьянство мѣста лишень, и самъ удалился; а владыко проснулись и думаютъ: «къ чему это причестъ: простой это сонъ, или мечтаніе, или духоводительное видѣніе?» И стали они размышлять и, какъ мужъ ума во всемъ свѣтѣ именитаго, находятъ, что это простой сонъ, потому что статочное ли дѣло, что святой Сергій, постникъ и добраго, строгаго житія блюститель, ходатайствовалъ объ іереѣ слабомъ, творящемъ житіе съ небреженіемъ. Ну-съ, хорошо: разсудили такъ его высокопреосвященство и оставили все это дѣло естественному онаго теченію, какъ было начато, а сами провели время, какъ имъ надлежало, и отошли опять въ должный часъ ко сну. Но только что они снова опочили, какъ снова видѣніе, и такое, что великій духъ владыки еще въ большее смятеніе повергло. Можете вообразить: грохотъ... такой странный грохотъ, что ничѣмъ его невозможно выразить... Скачуть... числа имъ нѣтъ сколько рыцарей... несутся, всѣ въ зеленомъ убранствѣ, лапы и перья, и кони, что лвы вороные, а впереди ихъ горделивый стратопедархъ въ такомъ же уборѣ, и куда помахнетъ темнымъ знаменемъ, туда всѣ и скачуть, а на знамени змѣй. Владыко не знаютъ, къ чему этотъ поѣздъ, а оный горделивецъ командуетъ: «терзайте, говорить, ихъ: теперь нѣтъ ихъ молитвенника», и проскакалъ мимо; а за симъ стратопедархомъ — его воины, а за ними, какъ стая весеннихъ гусей топчихъ, потянулись скучныя тѣни и все киваютъ владыкѣ грустно и жалостно, и все сквозь плачь тихо стонутъ: «отпусти его! — онъ одинъ за насъ молится». Владыко, какъ изволили встать, сейчасъ посылаютъ за пьянымъ попкомъ и разспрашиваютъ: какъ и за кого онъ молится? А попъ по бѣдности духовной весь передъ святителемъ растерялся и говорить: «я, владыко, какъ положено, совершаю». И насилу его высокопреосвященство добился, что онъ повинился: «виноватъ, говорить, въ одномъ, что самъ, слабость душевную имѣя и отъ отчаянія думая, что лучше жизни себѣ лишить, я всегда на святой проскомидіи за безъ покаянія скончавшихся и руки на ся наложившихъ молюсь...» Ну, тутъ владыко и поняли, что то за тѣни предъ нимъ въ видѣніи какъ тощіе гуси плывц, и не восхотѣли радовать тѣхъ демоновъ, что впереди ихъ спѣшили съ губительствомъ, и благословили попка: «стунай,

изволили сказать, и къ тому не согрѣшай, а за кого молился — молись», и опять его на мѣсто отправили. Такъ вотъ онъ, этакій человѣкъ, всегда таковымъ людямъ, что жизни боренія не переносятъ, можетъ быть полезенъ, ибо онъ уже отъ дерзости своего призванія не отступить и все будетъ за нихъ Создателю докучать, и Тотъ долженъ будетъ ихъ простить.

— Почему же «долженъ»?

— А потому, что «толцываете»; вѣдь это отъ Него же самого повелѣно, такъ вѣдь уже это не перемѣнится же-съ.

— А скажите, пожалуйста, кромѣ этого московскаго священника, за самоубійца развѣ никто не молится.

— А не знаю, право, какъ вамъ на это что доложить? Не слѣдуетъ, говорятъ, будто бы за нихъ Бога просить, потому что они самоуправцы, а впрочемъ, можетъ-быть, иные, сего не понимая, и о нихъ молятся. На Троицу, не то на Духовъ день, однако, кажется, даже всѣмъ позволено за нихъ молиться. Тогда и молитвы такія особенныя читаются. Чудесныя молитвы, чувствительныя; кажется, всегда бы ихъ слушалъ.

— А ихъ нельзя развѣ читать въ другіе дни?

— Не знаю-съ. Объ этомъ надо спросить у кого-нибудь изъ начитанныхъ: тѣ, думается, должны бы знать; да какъ мнѣ это ни къ чему, такъ и не доводилось объ этомъ говорить.

— А въ служеніи вы не замѣчали, чтобы эти молитвы когда-нибудь повторялись?

— Нѣтъ-съ, не замѣчалъ; да вы, впрочемъ, на мои слова въ этомъ не полагайтесь, потому что вѣдь я у службы рѣдко бываю.

— Отчего же это?

— Занятія мои мнѣ не позволяютъ.

— Вы іеромонахъ, или іеродіаконъ?

— Нѣтъ, я еще просто въ рясофорѣ.

— Все же вѣдь уже это, значитъ, вы инокъ?

— Н... да-съ; вообще это такъ почитаютъ

— Почитать-то почитаютъ,—отозвался на это купецъ:—но только изъ рясофора-то еще можно и въ солдаты лобъ забрить.

Богатырь-черноризецъ нимало этимъ замѣчаніемъ не обидѣлся, а только пораздумалъ немножко и отвѣчалъ:

— Да, можно, и, говорятъ, бывали такіе случаи; но только я уже старъ: пятьдесятъ третій годъ живу, да и мнѣ военная служба не въ диковину.

— Развѣ вы служили въ военной службѣ?

— Служилъ-съ.

— Что же, ты изъ ундеровъ, что ли? — снова спросилъ его купецъ.

— Нѣтъ, не изъ ундеровъ.

— Такъ кто же: солдатъ или вахтеръ, или помазокъ—чей возокъ?

— Нѣтъ, не угадали: но только я настоящій военный при полковыхъ дѣлахъ былъ почти съ самаго дѣтства.

— Значитъ, кантонистъ?—сердась добивался купецъ.

— Опять же нѣтъ.

— Такъ прахъ же тебя разбереть, кто же ты такой?

— Я конэсеръ.

— Что-о-о тако-о-е?

— Я конэсеръ-съ, конэсеръ, или, какъ простонароднѣе выразить, я въ лошадяхъ знатокъ и при ремонтерахъ состоялъ для ихъ руководствованія.

— Вотъ какъ!

— Да-съ, не одну тысячу коней отобралъ и отъѣздилъ. Такихъ звѣрей отучалъ, каковые, напримѣръ, бывають, что встаетъ на дыбы да со всего духу навзничъ бросается и сейчасъ съдоку съдѣльной лукою можетъ грудь проломить, а со мной этого ни одна не могла.

— Какъ же вы такихъ умирляли?

— Я... я очень просто, потому что я къ этому отъ природы своей особенное дарованіе получилъ. Я какъ вскочу, сейчасъ, бывало, не дамъ лошади опомниться, лѣвою рукою ее со всей силы за ухо да въ сторону, а правую кулакомъ между ушей по башкѣ, да зубами страшно на нее заскриплю, такъ у нея, у иной, даже инда мозгъ изо-лба въ ноздряхъ вмѣстѣ съ кровью покажется,—она и усмирѣть.

— Ну, а потомъ?

— Потомъ сойдешь, оглядишь, дашь ей въ глаза себѣ полюбаваться, чтобы въ памяти у нея хорошее воображеніе осталось, да потомъ сядешь опять и поѣдешь.

— И лошадь послѣ этого смирно идетъ?

— Смирно пойдетъ, потому лошадь умна, она чувствуетъ, какой человѣкъ съ ней обращается и какихъ онъ насчетъ

ея мыслей. Меня, напримѣръ, лошадь въ этомъ разсужденіи всякая любила и чувствовала. Въ Москвѣ, въ манежѣ, одинъ конь былъ, совсѣмъ у всѣхъ наѣздниковъ отъ рукъ отбился и изучилъ, профанъ, такую манеру, чтобы за колѣни сѣдока ѣсть. Просто, какъ чортъ, схватить зубищами, такъ всю колѣнную чанку и выщелушить. Отъ него много людей погибло. Тогда въ Москву англичанинъ Рарей пріѣзжалъ, — «бѣшенный усмиритель» онъ назывался, — такъ она, эта подлая лошадь, даже и его чуть не съѣла, а въ позоръ она его все-таки привела; но онъ тѣмъ отъ нея только и уцѣлѣлъ, что, говорятъ, стальной наколѣвникъ имѣлъ, такъ что она его хотя и ѣла за ногу, но не могла прокусить и сбросила, а то бы ему смерть; а я ее направилъ какъ должно.

— Разскажите, пожалуйста, какъ же вы это сдѣлали?

— Съ Божіею помощію-сь, потому что, повторяю вамъ, я къ этому даръ имѣю. Мистеръ Рарей этотъ, что называется «бѣшенный укротитель», и прочіе, которые за этого коня брались, все искусство противу его злобности въ поводахъ держали, чтобы не допустить ему ни на ту, ни на другую сторону банкой мотнуть; а я совсѣмъ противное тому средство избобрѣлъ: я, какъ только англичанинъ Рарей отъ этой лошади отказался, говорю: «ничего, говорю: — это самое пустое, потому что этотъ конь ничего больше, какъ бѣсомъ одержимъ». Англичанинъ этого не можетъ постичь, а я постигну и помогу. Начальство согласилось. Тогда я говорю: «выведите его за Драгомиловскую заставу!» Вывели. Хорошо-сь; свели мы его въ поводьяхъ въ лошину къ Филямъ, гдѣ лѣтомъ господа на дачахъ живутъ. Я вижу: тутъ мѣсто просторное и удобное, и давай дѣйствовать. Съѣлъ на него, на этого людоеда, безъ рубахи, босой, въ однѣхъ шароварахъ, да въ картузѣ, а по голому тѣлу имѣлъ тесменный поясокъ отъ святого, храбраго князя Всеволода-Гавріила изъ Новгорода, котораго я за молодечество его сильно уважалъ и въ него вѣрилъ; а на томъ пояскѣ его надпись заткана: *«чести моеи никому не отдамъ»*. Въ рукахъ же у меня не было никакого особаго инструмента, какъ oprичъ въ одной — крѣпкая татарская нагайка съ свинцовымъ головкомъ, въ концѣ такъ не болѣе, яко въ два фунта, а въ другой — простой муравный горшокъ съ жидкимъ тѣстомъ. Ну-сь, усѣлся я, а четверо человекъ тому коню морду поводьями въ разныя стороны

тащутъ, чтобы онъ на котораго нибудь изъ нихъ зубомъ не кинулся. А онъ, бѣсъ, видя, что на него ополчаемся, и ржетъ, и визжитъ, и потѣетъ, и весь отъ злости трусится, сожрать меня хочетъ. Я это вижу и велю конюхамъ: «тащите, говорю, скорѣе съ него, мерзавца, узду долой». Тѣ ушамъ не вѣрятъ, что я имъ такое даю приказаніе, и глаза выпучили. Я говорю: «Что же вы стоите! или не слышите? Что я вамъ приказываю—то вы сейчасъ исполнять должны!» А они отвѣчаютъ: «что ты, Иванъ Северьянычъ (меня въ міру Иванъ Северьянычъ, господинъ Флягинъ, звали): какъ, говорятъ, это можно, что ты велишь узду снять?» Я на нихъ сердиться началъ, потому что наблюдаю и чувствую въ ногахъ, какъ конь отъ ярости бѣсится, и его хорошенько подавилъ въ колѣняхъ, а имъ кричу: «снимай!» Они было еще слово; но тутъ уже и я совсѣмъ разсвирѣгль, да какъ заскриплю зубами—они сейчасъ въ одно мгновеніе узду сдернули, да сами, кто куда видить, бросились бѣжать, а я ему въ ту же минуту сейчасъ первое, чего онъ не ожидалъ, трахъ горшокъ объ лобъ: горшокъ разбилъ, а тѣсто ему и потекло и въ глаза, и въ ноздри. Онъ испужался, думаетъ: «что это такое?» А я скорѣе схватилъ съ головы картузь въ лѣвую руку и прямо имъ коню еще больше на глаза тѣста натираю, а нагайкой его по боку щелкъ... Онъ ёкъ да впередъ, а я его картузомъ по глазамъ тру, чтобы ему совсѣмъ зрѣніе въ глазахъ замутить, а нагайкой еще по другому боку... Да и пошелъ, да и пошелъ его парить. Не даю ему ни продохнуть, ни проглануть, все ему своимъ картузомъ по мордѣ тѣсто размазываю, слѣплю; зубнымъ скрежетомъ въ трепеть привожу, пугаю, а по бокамъ съ обѣихъ сторонъ нагайкой деру, чтобы понималъ, что это не шутка... Онъ это понялъ и не сталъ на одномъ мѣстѣ упорствовать, а ударился меня носить. Носилъ онъ меня, сердечный, носилъ, а я его поролъ да поролъ, такъ что чѣмъ усерднѣе онъ носится, тѣмъ и я для него еще ревностиѣ плетью стараюсь, и, наконецъ, оба мы отъ этой работы стали уставать: у меня плечо ломить и рука не поднимается, да и онъ, смотрю, уже пересталъ коситься и языкъ изо рта вонъ посунулъ. Ну, тутъ я вижу, что онъ пардону просить, поскорѣе съ него сошелъ, протеръ ему глаза, взялъ за вихорь и говорю: «стой, собачье мясо; песья снѣдь!» да какъ дерну его книзу—онъ

па колѣни передо мною и палъ, и съ той поры такой скромникъ сдѣлался, что лучше требовать не надо: и садиться давался, и ѣздилъ, но только скоро издохъ.

— Издохъ однако?

— Издохъ-съ; гордая очень тварь быть, поведеніемъ смирился, но характера своего, видно, не могъ преодолѣть. А господинъ Рарей меня тогда, объ этомъ прослышавъ, къ себѣ въ службу приглашалъ.

— Что же, вы служили у него?

— Нѣтъ-съ.

— Отчего же?

— Да какъ вамъ сказать! Первое дѣло, что я вѣдь былъ конэсеръ и больше къ этой части привыкъ—для выбора, а не для отъѣздки, а ему нужно было только для одного бѣшеннаго усмирительства, а второе, что это съ его стороны, какъ я полагаю, была одна коварная хитрость.

— Какая же?

— Хотѣлъ у меня секретъ взять.

— А вы бы ему продали?

— Да, я бы продалъ.

— Такъ за чѣмъ же дѣло стало?

— Такъ... онъ самъ меня, должно быть, испугался.

— Разскажите, сдѣлайте милость, что это еще за исторія?

— Никакой-съ особенной исторіи не было, а только онъ говорить: «открой мнѣ, братецъ, твой секретъ, — я тебѣ большія деньги дамъ и къ себѣ въ конэсеры возьму». Но какъ я никогда не могъ никого обманывать, то и отвѣчаю: «какой же секретъ?—это глупость». А онъ все съ аглицкой, ученой точки беретъ, и не повѣрилъ; говорить: «ну, если ты не хочешь такъ, въ своемъ видѣ, открыть, то давай съ тобою вмѣстѣ ромъ пить». Послѣ этого мы пили вдвоемъ съ нимъ очень много рому, до того, что онъ покраснѣлся и говорить, какъ умѣлъ: «ну, теперь, молю, открывай, что ты съ конемъ дѣлалъ?» А я отвѣчаю: «вотъ что...» да глинулъ на него какъ можно пострашнѣе и зубами заскрипѣлъ, а какъ горшка съ тѣстомъ на ту пору при себѣ не имѣлъ, то взялъ да для примѣру стаканомъ на него размахнулъ, а онъ вдругъ, это видя, какъ нырнетъ—и спустился подъ столъ, да потомъ какъ шаркнетъ въ двери, да и былъ таковъ, и негдѣ его стало и искать. Такъ съ тѣхъ поръ мы съ нимъ уже и не видались.

— Поэтому вы къ нему и не поступили?

— Поэтому-съ. Да и какъ же поступить, когда онъ съ тѣхъ поръ даже встрѣтить меня опасался? А я бы очень къ нему тогда хотѣлъ, потому что онъ мнѣ, пока мы съ нимъ на ромѣ на этомъ состязались, очень понравился; но вѣрно своего пути не обѣжишь, и надо было другому призванію послѣдовать.

— А вы что же почитаете своимъ призваніемъ?

— А не знаю, право, какъ вамъ сказать... Я вѣдь много что происходилъ; мнѣ доводилось быть-съ и на коняхъ, и подь конями, и въ плѣну былъ, и воевалъ, и самъ людей билъ, и меня увѣчили, такъ что, можетъ-быть, не всякій бы вынесъ.

— А когда же вы въ монастырь пошли?

— Это недавно-съ, всего нѣсколько лѣтъ послѣ всей прошедшей моей жизни.

— И тоже призваніе къ этому почувствовали?

— М... н... н... не знаю, какъ это объяснить... впрочемъ, надо полагать, что имѣлъ-съ.

— Почему же вы это такъ... какъ будто не навѣрное говорите?

— Да потому, что какъ же навѣрное сказать, когда я всей моей обширной протекшей жизненности даже объять не могу?

— Это отчего?

— Оттого-съ, что я многое даже не своею волею дѣлалъ.

— А чьею же?

— По родительскому обѣщанію.

— И что же такое съ вами происходило по родительскому обѣщанію?

— Всю жизнь свою я погибалъ и никакъ не могъ погибнуть.

— Будто такъ?

— Именно такъ-съ.

— Расскажите же намъ, пожалуйста, вашу жизнь.

— Отчего же, что вспомню, то, извольте, могу рассказать, но только я иначе не могу-съ, какъ съ самага первоначала.

— Сдѣлайте одолженіе. Это тѣмъ интереснѣе будетъ.

— Ну, ужъ не знаю-съ, будетъ ли это сколько-нибудь интересно, а извольте слушать.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Бывшій конэсеръ Иванъ Северьянычъ, господинъ Флягинъ, началъ свою повѣсть такъ:

— Я родился въ крѣпостномъ званіи и происхожу изъ дворовыхъ людей графа К. изъ орловской губерніи. Теперь эти имѣнія при молодыхъ господахъ расплылись, но при старомъ графѣ были очень значительны. Въ селѣ Г., гдѣ самъ графъ изволилъ жить, былъ громадный великій домъ, флигеля для пріѣзду, театръ, особая кегельная галерея, псарня, живые медвѣди на столбу сидѣли, оранжереи, сады, свои пѣвчіе концерты пѣли, свои актеры всякія сцены представляли; были свои ткацкія и всякія свои мастерства содержались; но болѣе всего обращалось вниманіе на конный заводъ. Ко всякому дѣлу были приставлены особые люди, но конюшенная часть была еще въ особомъ вниманіи и все равно какъ въ военной службѣ отъ солдата въ прежнія времена кантонистъ происходилъ, чтобы сражаться, такъ и у насъ отъ кучера шель кучеренокъ, чтобы ѣздить, отъ конюха — конюшонокъ, чтобы за лошадьми ходить, а отъ кормового мужика кормовикъ, чтобы съ гумна на ворки кормъ возить. Мой родитель былъ кучеръ Северьянъ, и хотя приходился онъ не изъ самыхъ первыхъ кучеровъ, потому что у насъ ихъ было большое множество; но, однако, онъ шестерикомъ правилъ, и въ царскій проѣздъ одинъ разъ въ седьмомъ номерѣ былъ и старинною синею ассигнаціею жалованъ. Отъ родительницы своей я въ самомъ юномъ сиротствѣ остался и ее не помню, потому какъ я былъ у нея *молитвенный сынъ*, значить, она, долго дѣтей не имѣя, меня себѣ у Бога все выпрашивала, и какъ выпросила, такъ сейчасъ же, меня породивши, и умерла, оттого, что я произшелъ на свѣтъ съ необыкновенною большою головою, такъ что меня поэтому и звали не Иванъ Флягинъ, а просто *Голованъ*. Живучи при отцѣ на кучерскомъ дворѣ, всю жизнь свою я проводилъ на конюшнѣ, и тутъ я постигъ тайну познанія въ животномъ и, можно сказать, возлюбилъ коня, потому что маленькимъ еще на четверенькахъ я у лошадей промежъ ногъ ползалъ и онѣ меня не увѣчили, а подросъ — такъ и совсѣмъ съ ними спознался. Заводъ у насъ былъ отдѣльно, — конюшни отдѣльно, и мы, конюшенные люди, до завода не касались, а получали оттуда готовыхъ воспи-

томковъ и обучали ихъ. У насъ у всякаго кучера съ фореиторомъ были шестеряки и все разныхъ сортовъ: вятки, казанки, калмыки, битюгскіе, донскіе,—все это были изъ приводныхъ коней, которые по ярмаркамъ покупались, а то, разумѣется, больше было своихъ заводскихъ, но про этихъ говорить не стоить, потому что заводскіе кони смиренные и ни сильнаго характера, ни фантази веселой не имѣютъ; а вотъ эти дикари, это ужасные были звѣри. Покупаютъ ихъ, бывало, графъ прямо цѣлыми косяками, какъ есть весь табунъ, дешево, рублей по восьми, по десяти за голову, ну и какъ скоро мы ихъ домой пригонимъ, сейчасъ начинаемъ ихъ школить. Ужасно противляются. Половина даже, бывало, подохнуть, а воспитанію не подаются: стоять на дворѣ—все дивятся и даже отъ стѣнъ шарахаются, а все только на небо, какъ птицы, глазами косятъ. Даже иногда жалость, глядя на него, возьметъ, потому что видишь, что вотъ такъ бы онъ, кажется, сердечный, и улетѣлъ, да крылышекъ у него нѣтъ... И овса или воды изъ корыта ни за что по первоначалу ни пить, ни ѣсть не станеть, и такъ все сохнетъ, сохнетъ, пока изведется совсѣмъ и околѣетъ. Иногда этой траты бываетъ болѣе, какъ на половину того, что купимъ, а особенно изъ киргизскихъ. Ужасно они степенную волю любятъ. Но зато, которые оборкаются и останутся жить, изъ тѣхъ тоже не малое число, учивши, покалѣчить придется, потому что на ихъ дикость одно средство—строгость, но зато уже которые все это воспитаніе и науку вынесутъ, такъ изъ этихъ такая отборность выходитъ, что никогда съ ними никакой заводской лошади не сравнится по ѣздовой добродѣтели.

Родитель мой, Северьянъ Иванычъ, правилъ киргизскимъ шестерикомъ, а когда я подростъ, такъ меня къ нему въ этотъ же шестерикъ фореиторомъ посадили. Лошади были жестокия, не то, что нынѣшнія какія-нибудь кавалерійскія, что для офицеровъ берутъ. Мы этихъ офицерскихъ кофешенками звали потому, что на нихъ нѣтъ никакого удовольствія ѣхать, такъ какъ на нихъ офицеры даже могутъ сидѣть, а тѣ были просто звѣрь, аспидъ и василискъ, все вмѣстѣ: морды эти однѣ чего стоили, или оскаль, либо ножищи, или гривье... ну, то-есть, просто сказать ужастъ! Устали онѣ никогда не знали; не только что восемьдесятъ, а даже сто и сто пятнадцать верстъ изъ деревни до Орла

или назадъ домой такимъ же манеромъ, это имъ, бывало, безъ отдыха нипочемъ сдѣлать. Какъ разнесутся, такъ только гляди, чтобы мимо не пролетѣли. А мнѣ въ ту пору, какъ я на фореиторскую подсѣдльную сѣль, было еще всего одиннадцать лѣтъ и голосъ у меня былъ настоящей такой, какъ по тогдашнему приличію для дворянскихъ фореиторовъ требовалось: самый пронзительный, звонкій и до того продолжительный, что я могъ это «ддиди-и-и-тты-о-о» завести и полчаса этакъ звенѣть; но въ тѣлѣ своемъ силами я еще не могучъ былъ, такъ что дальніе пути не могъ свободно верхомъ переносить и меня еще присѣдывали къ лошади, то-есть къ сѣдлу и къ подругамъ, ко всему ремнями умотаютъ и сдѣлаютъ такъ, что упасть нельзя. Расколотить на смерть и даже не одинъ разъ сомлѣешь и чувство потеряешь, а все въ своей позиціи верхомъ ѣдешь, и опять, наскучивъ мотаться, въ себя придешь. Должность не легкая, за дорогу, бывало, нѣсколько разъ такіа перемѣны происходятъ, то ослабѣешь, то исправьшися, а дома отъ сѣдла совсѣмъ уже какъ неживого отрѣшати, положить и стануть давать хрѣнъ нюхать; ну, а потомъ привыкъ и все это нипочемъ сдѣлалось; еще, бывало, ѣдешь да все норовишь какого-нибудь встрѣчнаго мужика кнутомъ по рубашѣ вытунуть. Это фореиторское озорство уже извѣстно. Вотъ этакъ мы разъ и ѣдемъ съ графомъ въ гости. Погода лѣтняя, прекрасная, и графъ сидять съ собакою въ открытой коляскѣ, батюшка четверней править, а я впереди задуваю, а дорога тутъ съ большака свертываетъ и идетъ особый поворотъ верстъ на пятнадцать къ монастырю, который называется П... пѹстынь. Дорожку эту монахи справили, чтобы заманчивѣе къ нимъ ѣздить было: преестественно, тамъ на казенной дорогѣ нечисть и ракиты, одни корявые прутья торчатъ; а у монаховъ къ пѹстынѣ дорожка въ чистотѣ, разметена вся и подчищена и по краямъ сажеными березками обросла и отъ тѣхъ березъ такая зелень и духъ, а вдаль полевой видъ обширный... Словомъ сказать,—столь хорошо, что вотъ такъ бы при всемъ этомъ и вскрикнуть, а кричать, разумѣется, безъ пути нельзя, такъ я и держусь, скачу; но только вдругъ на третьей или четвертой верстѣ не доѣзжая монастыря, стало этакъ клонить подо взволочекъ и вдругъ я завидѣлъ тутъ впереди себя малую точку... что-то ползеть

по дорогѣ, какъ ежикъ. Я обрадовался этому случаю и изо всей силы затащилъ «ддд-и-и-и-т-т-т-ы-о-о», и съ версту все это звучать и до того разгорѣлся, что какъ стали мы нагонять парный возъ, на кого я кричалъ-то, я и сталь въ стременахъ подниматься и вижу, что человекъ лежитъ на сѣнѣ на возу и какъ его вѣрно пріятно на свѣжемъ повѣтріи солнышкомъ пригрѣло, то онъ, ничего не опасаяся, крѣико-прекрѣико спитъ, такъ сладко вверхъ спиною раскинулся и даже руки врозь разложилъ, точно возъ обнимаетъ. Я вижу, что уже онъ не свернетъ, взялъ въ сторону, да поровнявшись съ нимъ, стоя на стременахъ, впервые тогда заскрипѣлъ зубами, да какъ полосну его во всю мочь вдоль спины кнутомъ. Его лошади какъ подхватятъ съ возомъ подъ гору, а онъ сразу какъ взметнется, старенькій атакой, вотъ въ такомъ, какъ я нонѣ, въ послушничьемъ колпачкѣ и лицо какое-то такое жалкое, какъ у старой бабы, да весь перепуганный и слезы текутъ, и ну виться на сѣнѣ, словно пескаръ на сковородѣ, да вдругъ не разобралъ вѣрно съ просонья гдѣ край, да кувиркъ съ воза подъ колесо и въ пыли-то и поползъ... въ вожжи ногами замотался... Мнѣ и отцу моему, да и самому графу сначала это смѣшно показалось, какъ онъ кувиркнулся, а тутъ вижу я, что лошади внизу у моста зацѣпили колесомъ за надобу и стали, а онъ не поднимается и не ворочается... Ближе подѣхали, а гляжу онъ весь сѣрый въ пыли и на лицѣ даже носе не значится, а только трещина и изъ нея кровь... Графъ велѣли остановиться, сошли, посмотрѣли и говорятъ «убить». Погрозились мнѣ дома за это выпоротъ и велѣли скорѣй въ монастырь ѣхать. Оттуда людей послали на мостъ, а графъ тамъ съ игуменомъ переговорили и по осени отъ насъ туда въ дары цѣлый обозъ пошелъ съ овсомъ и съ мукою и съ сушеными карасями, а меня отецъ кнутомъ въ монастырь за сараемъ по штанамъ продралъ, но настояще пороть не стали, потому что мнѣ, по моей должности, сейчасъ опять верхомъ надо было садиться. Тѣмъ это дѣло и кончилось, но въ эту же самую ночь приходитъ ко мнѣ въ видѣніи этотъ монахъ, котораго я засѣкъ, и опять какъ баба плачетъ. Я говорю:

— Чего тебѣ отъ меня надо? пошелъ прочь!

А онъ отвѣчаетъ:

— Ты, говорить, меня безъ покаянія жизни рѣшилъ.

— Ну, мало чего нѣтъ,—отвѣчаю:—что же мнѣ теперь съ тобой дѣлать? Вѣдь я это не нарочно. Да и чѣмъ, говорю, тебѣ теперь худо? Умеръ ты и все кончено.

— Конечно-то,—говорить:—это, дѣйствительно, такъ, и я тебѣ очень за это благодаренъ, а теперь я пришелъ отъ твоей родной матери сказать тебѣ, что знаешь ли ты, что ты у нея *моленный сынъ*?

— Какъ же,—говорю:—слышала я про это, бабушка Феодосья мнѣ про это не разъ сказывала.

— А знаешь ли,—говорить:—ты еще и то, что ты *сынъ обѣщанный*?

— Какъ это такъ?

— А такъ,—говорить:—что ты Богу обѣщанъ.

— Кто же меня Ему обѣщаль?

— Мать твоя.

— Ну, такъ пускай же,—говорю:—она сама придетъ мнѣ про это скажетъ, а то ты, можетъ-быть, это выдумалъ.

— Нѣтъ, я,—говорить:—не выдумывала, а ей придти нельзя.

— Почему?

— Такъ,—говорить:—потому, что у насъ здѣсь не то, что у васъ на землѣ: здѣшніе не всѣ говорятъ и не всѣ ходятъ, а кто чѣмъ одаренъ, тотъ то и дѣлаетъ. А если ты хочешь, говорить, такъ и тебѣ дамъ знаменіе въ удостовѣреніе.

— Хочу,—отвѣчаю:—только какое же знаменіе?

— А вотъ,—говорить:—тебѣ знаменіе, что будешь ты много разъ погибать и ни разу не погибнешь, пока придетъ твоя настоящая погибель и ты тогда вспомнишь материно обѣщаніе за тебя и пойдешь въ чернецы.

— Чудесно,—отвѣчаю:—согласенъ и ожидаю.

Онъ и скрылся, а я проснулся и про все это позабылъ и не чаю того, что всѣ эти погибели сейчасъ по ряду и начнутся. Но только черезъ нѣкоторое время поѣхали мы съ графомъ и съ графинею въ Воронежъ,—къ новоявленнымъ мощамъ маленькую графиньку косолапую на исцѣленіе туда везли,—и остановились въ елецкомъ уѣздѣ, въ селѣ Крутомъ, лошадей кормить, я и опять подъ колодой уснулъ, и вижу опять идетъ тотъ монашекъ, котораго я рѣшилъ, и говорить:

— Слушай, Голованька, мнѣ тебя жаль, просись скорѣй у гоеподъ въ монастырь,—они тебя пустятъ.

Я отвѣчаю:—Это съ какой стати?

А онъ говорить:

— Ну, гляди, сколько ты иначе зла претерпишь.

Думаю, ладно; надо тебѣ что-нибудь каркать, когда я тебя убилъ, и съ этимъ встать, запрягъ съ отцомъ лошадей и выѣзжаемъ, а гора здѣсь прекрутая-крутица и сбоку обрывъ, въ которомъ тогда не вѣсть что народу погибало. Графъ и говорить:

— Смотри, Голованъ, осторожнѣе.

А я на это ловокъ былъ и хоть всажки отъ дышловыхъ, которымъ надо спускаться, въ рукахъ у кучера, но я много умѣлъ отцу помогать. У него дышловики были сильные и опористые: могли такъ спускаться, что просто хвостомъ на землю садились, но одинъ изъ нихъ, подлець, съ астрономіей былъ — какъ только его сильно потянешь, онъ сейчасъ голову кверху деретъ и прахъ его знаетъ куда на небо созерцаетъ. Эти астрономы въ корню—нѣтъ ихъ хуже, а особенно въ дышлѣ они самые опасные, за конемъ съ такою повадкою фореиторъ завсегда смотри, потому что астрономъ самъ не зреть какъ тычетъ ногами и не вѣсть куда попадаетъ. Все это я, разумѣется, за своимъ астрономомъ зналъ и всегда помогать отцу: своихъ подсѣдельную и подручную, бывало, на лѣвомъ локтѣ поводами держу и такъ ихъ ставлю, что онѣ хвостами дышловымъ въ самую морду приходится, а дышло у нихъ промежду круповъ, а у самого у меня кнутъ всегда наготовѣ, у астронома передъ глазами, и чуть вижу, что онъ уже очень въ небо полѣзъ, я его по храпѣ, и онъ сейчасъ морду спустить и отлично съѣдемъ. Такъ и на этотъ разъ: спускаемъ экипажъ и я вѣрчусь, знаете, передъ дышломъ и кнутомъ астронома остепеняю, какъ вдругъ вижу, что ужъ онъ ни отцовыхъ вожжей, ни моего кнута не чуетъ, весь ротъ въ крови отъ удилловъ и глаза выворотилъ, а самъ я вдругъ слышу сзади что-то заскрипѣло, да хлопъ, и весь экипажъ сразу такъ и посунулся... Тормозъ лопнулъ! Я кричу отцу: «держи! держи!» и онъ самъ оретъ: «держи, держи!» А уже чего держать, когда весь шестерикъ, какъ прогаженные, несутся и сами ничего не видятъ, а передъ глазами у меня вдругъ что-то стрекнуло и смотрю отецъ съ козель долой летить... вожжа оборвалась... А впереди та страшная пропасть... Не знаю, жалко ли мнѣ господъ или себя стало,

но только я, видя неминуемую гибель, съ подсѣдельной бросился прямо на дышло и на концѣ повисъ... Не знаю опять, сколько тогда во мнѣ вѣсу было, но только на перавѣсѣ вѣдь это очень тяжело вѣсить, и я дышловиковъ такъ сдушилъ, что они захрипѣли и... гляжу уже моихъ передовыхъ нѣтъ, какъ отрѣзало ихъ, а я вишу надъ самою пропастью, а экипажъ стоитъ и уперся въ коренныхъ, которыхъ я дышломъ подавилъ.

Тутъ только я опомнился и пришелъ въ страхъ и руки у меня оторвались, и я полетѣлъ и ничего уже не помню. Очнулся я тоже не знаю черезъ сколько времени и вижу, что я въ какой-то избѣ и здоровый мужикъ говорить мнѣ:

— Ну, что, неужели ты, малый, живъ?

Я отвѣчаю:

— Должно быть живъ.

— А помнишь ли, говорить,—что съ тобою было?

Я сталъ припоминать и вспомнилъ, какъ насъ лошади понесли и я на конецъ дышла бросился и повисъ надъ ямищей; а что дальше было—не знаю.

А мужикъ и улыбается:

— Да и гдѣ же, говорить,—тебѣ это знать. Туда въ пропасть и кони-то твои передовые заживо не долетѣли—расшиблись, а тебя это словно какая невидимая сила спасла: какъ на глиняну глыбу сорвался, упалъ, такъ на ней внизъ какъ на салазкахъ и скатился. Думали мертвый совсѣмъ, а глядимъ ты дышишь, только воздухомъ духъ оморило. Ну, а теперь, говорить, если можешь, вставай, поспѣшай скорѣе къ угоднику: графъ деньги оставилъ, чтобы тебя, если умрешь, схоронить, а если живъ будешь, къ нему въ Воронежъ привезть.

Я и поѣхалъ, но только всю дорогу ничего не говорилъ, а слушалъ, какъ этотъ мужикъ, который меня везъ, все на гармоніи «барыню» игралъ.

Какъ мы пріѣхали въ Воронежъ, графъ призвалъ меня въ комнаты и говорить графинюшкѣ:

— Вотъ, говорить,—мы, графинюшка, этому мальчишкѣ спасеніемъ своей жизни обязаны.

Графиня только головою закачала, а графъ говорить:

— Проси у меня, Голованъ, чего хочешь,—я все тебѣ сдѣлаю.

Я говорю:

— Я не знаю чего просить!

А онъ говоритъ:

— Ну, чего тебѣ хочется?

А я думаль-думаль, да говорю:

— Гармонію.

Графъ засмѣялся и говоритъ:

— Ну, ты взаправду дуракъ, а, впрочемъ, это само собою, я самъ, когда придетъ время, про тебя вспомню, а гармонію, говоритъ,—ему сейчасъ же купить.

Лакей сходилъ въ лавки и приноситъ мнѣ на конюшню гармонію:

— На, говоритъ, играй.

Я было ее взялъ и сталъ играть, но только вижу, что ничего не умѣю, и сейчасъ ее бросилъ, а потомъ ее у меня странницы на другой день изъ-подъ сарая и украли.

Мнѣ надо было бы этимъ случаемъ графской милости пользоваться, да тогда же, какъ монахъ совѣтовалъ, въ монастырь проситься; а я самъ не знаю зачѣмъ себѣ гармонію выпросилъ и тѣмъ первое самое призваніе опровергъ и оттого пошелъ отъ одной стражбы къ другой, все болѣе и болѣе претерпѣвая, но нигдѣ не погибъ, пока все мнѣ монахомъ въ видѣніи предреченное въ настоящемъ житейскомъ исполненіи оправдалось за мое недоверіе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Не успѣлъ я, по семъ облагодѣтельствуваніи своихъ господъ, вернуться съ ними домой на новыхъ лошадяхъ, коихъ мы въ Воронежѣ опять шестерикъ собрали, какъ прилучилося мнѣ завести у себя въ конюшнѣ на полочкѣ хохлатыхъ голубей,—голубя и голубочку. Голубъ былъ глинистаго пера, а голубочка бѣленькая и такая красноногенькая, прехорошенькая!.. Очень они мнѣ нравились: особенно, бывало, когда голубъ ночью воркуетъ, такъ это пріятно слушать, а днемъ они между лошадей летаютъ и въ ясли садятся, кормъ клюютъ и сами съ собою цѣлуются... Утѣшно на все на это молодому ребенку смотрѣть.

И пошли у нихъ послѣ этого цѣловали дѣти; одну пару вывели и опять эти растутъ, а они цѣловались-цѣловались, да и опять на яички съли и еще вывели... Маленькіе такіе эти голубяточки, точно въ шерсти, а пера нѣтъ, и желтые какъ бываютъ ядрышки на травѣ, что зовутъ «кошачьи

просвирки», а носы, притомъ, не хуже какъ у черкесскихъ князей, здоровенные... Сталь я ихъ, этихъ голубятокъ, разглядывать и, чтобы ихъ не поимать, взялъ одного за носикъ и смотрѣлъ, смотрѣлъ на него и засмотрѣлся, какой онъ нѣжный, а голубь его у меня все отбиваетъ. Я съ нимъ и забавлялся,—все его этимъ голубенкомъ дразню; да потомъ какъ сталь пичужку назадъ въ гнѣздо класть, а онъ уже и не дышитъ. Этакая досада; я его и въ горстяхъ—то грѣлъ и дышалъ на него, все оживить хотѣлъ;—нѣтъ, пропалъ да и полно! Я разсердился, взялъ да и вышвырнулъ его вонъ за окно. Ну, ничего; другой въ гнѣздѣ остался, а этого, дохлаго, откуда ни возьмись, бѣлая кошка кака-то мимо бѣжала и подхватила, и помчала. И я ее, эту кошку, еще хорошо замѣтилъ, что она вся бѣлая, а на лобочкѣ какъ шапочка черное пятнышко. Ну, да думаю себѣ, прахъ съ ней,—пусть она мертвого ѣсть. Но только ночью я сплю и вдругъ слышу на полочкѣ надъ моей кроватью голубь съ кѣмъ-то сердито бьется. Я вскочилъ и гляжу, а ночь лунная и мнѣ видно, что это опять та же кошечка бѣлая уже другого живого моего голубенка тащить.

— Ну, думаю, нѣтъ, зачѣмъ же, молъ, это такъ дѣлать? да вдогонку за нею и швырнулъ сапогомъ, но только не попалъ,—такъ она моего голубенка унесла и вѣрно гдѣ-нибудь съѣла. Осиротѣли мои голубки, но недолго поску-чали и начали опять цѣловаться и опять у нихъ парка дѣтей готовы, а та проклятая кошка опять какъ тутъ... Лихо ее знаетъ, какъ это она все это наблюдала, но только гляжу я, одинъ разъ она среди бѣлаго дня опять голубенка водочить, да такъ ловко, что мнѣ и швырнуть—то за ней нечѣмъ было. Но зато же я рѣшился ее пробрать и на-строилъ въ окнѣ такой силокъ, что чуть она ночью морду показала, тутъ ее сейчасъ и прихлопнуло, и она сидитъ и жалится, млучить. Я ее сейчасъ изъ силка вынулъ, воткнулъ ее мордою и передними лапами въ голенище, въ сапогъ, чтобы она не царапалась, а заднія лапки вмѣстѣ съ хвостомъ забралъ въ лѣвую руку, въ рукавицу, а въ правую кнутъ со стѣны снялъ, да и пошелъ ее на своей кровати учить. Кнутовъ, я думаю, сотни полторы я ей за-катилъ и то изо всей силы, до того, что она даже и биться перестала. Тогда я ее изъ сапога вынулъ и думаю: издохла или не издохла? Семь, думаю, испробовать, жива она или

нѣтъ? и положилъ я ее на порогъ да топорикомъ хвостъ ей и отсѣкъ: она этакъ «мяя», вся вздрогнула и перекрутилась разъ десять, да и побѣжала.

— Хорошо, думаю, теперь ты сюда, небось, въ другой разъ на моихъ голубячь не пойдешь; а чтобы ей еще страшнѣе было, такъ я на утро взялъ да и хвостъ ея, который отсѣкъ, гвоздикомъ у себя надъ окномъ снаружки приколотилъ, и очень этимъ былъ доволенъ. Но только такъ черезъ часъ или не болѣе какъ черезъ два, смотрю, вбѣгаетъ графинина горничная, которая отъ-роду у насъ на конюшнѣ никогда не была, и держитъ надъ собой въ рукѣ зонтикъ, а сама кричитъ:

— Ага, ага! вотъ это кто! вотъ это кто!

Я говорю:

— Что такое?

— Это ты, говорить, — Зозиньку изувѣчилъ? Признавайся: это вѣдь у тебя ея хвостикъ надъ окномъ приколочень?

Я говорю:

— Ну такъ что же такое за важность, что хвостикъ приколочень?

— А какъ же ты, говорить, это смѣлъ?

— А она, моль, какъ смѣла моихъ голубячь ѣсть?

— Ну, важное дѣло твои голубята.

— Да и кошка, моль, тоже небольшая барыня.

Я уже, знаете, на возрастѣ-то поругиваться сталъ.

— Что, говорю, за штука такая кошка.

А та стрекоза:

— Какъ ты эдакъ смѣешь говорить: ты развѣ не знаешь, что это моя кошка и ее сама графиня ласкала; да съ этимъ ручкою хватъ меня по щекѣ, а я, какъ самъ тоже съ дѣтства былъ скорѣ на руку, долго не думая, схватилъ отъ дверей грязную метлу, да ее метлою по талии...

Боже мой, что тутъ поднялось! Повели меня въ контору къ нѣмцу управителю судить, и онъ разсудилъ, чтобы меня какъ можно жестоко выпоротъ и потомъ съ конюшни долой и въ аглицкій садъ для дорожки молоткомъ камешки бить... Отодрали меня ужасно жестоко, даже подняться я не могъ, и къ отцу на рогожѣ снесли, но это бы мнѣ ничего, а вотъ послѣднее осужденіе, чтобы стоять на колѣняхъ да камешки бить... это уже домучило меня до того, что я думалъ - ду-

маль, какъ себѣ помочь, и рѣшился съ своею жизнью покончить. Припасъ я себѣ крѣпкую сахарную веревочку, у лакейченка ее выпросилъ, и пошелъ вечеромъ выкупался, а оттудова въ осиновый лѣсокъ за огуменникомъ, сталъ на колѣни, помолился за вся христіаны, привязалъ ту веревочку за сукъ, затравилъ петлю и всунулъ въ нее голову. Осталось скакнуть, да и вся бѣ недолга была... Я бы все это отъ своего характера пресвободно и исполнилъ, но только-что размахнулся да соскочилъ съ сука и повисъ, какъ, гляжу, уже я на землѣ лежу, а передо мною стоитъ цыганъ съ ножомъ и смѣется, — бѣлые-пребѣлые зубы, да такъ ночью середь черной морды и сверкаютъ.

— Что это, говорить, — ты, батракъ, дѣлаешь?

— А тебѣ, моль, что до меня за надобность?

— Или, пристаешь, — тебѣ жить худо?

— Видно, говорю, — не сахарно.

— Такъ чѣмъ своей рукою вѣшаться, пойдемъ, говорить, — лучше съ нами жить, авось иначе повиснешь.

— А вы кто такіе и чѣмъ живете? Вы, вѣдь, небось, воры?

— Воры, говорить, — мы и воры, и мошенники.

— Да; вотъ видишь, говорю, — а при случаѣ, моль, вы, пожалуй, небось, и людей рѣжете?

— Случается, говорить, — и это дѣйствуемъ.

Я подумалъ - подумалъ: чтò тутъ дѣлать: дома завтра и послѣзавтра опять все то же самое, стой на дорожкѣ на колѣняхъ, да тюпъ да тюпъ молоточкомъ камешки бей, а у меня отъ этого ремесла уже на колѣнкахъ наросты пошли и въ ушахъ одно слышаніе было какъ надо мною всѣ насмѣхаются, что осудилъ меня вражій нѣмецъ за кошкинъ хвостъ цѣлую гору камня перемусорить. Смѣются всѣ: «А еще, говорятъ, спаситель называешься: господамъ жизнь спасъ». Просто терпѣнія моего не стало и, взгадавъ все это, что если не удавиться, то опять къ тому же надо вернуться, махнулъ я рукою, заплакалъ и пошелъ въ разбойники.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Тутъ этотъ хитрый цыганъ не далъ мнѣ опомниться и говорить:

— Чтобъ я, говорить, тебѣ повѣрилъ, что ты назадъ не

уйдешь, ты долженъ мнѣ сейчасъ изъ барской конюшни пару коней вывести, да бери коней такихъ самыхъ наилучшихъ, чтобы мы на нихъ до утра далеко могли ускакать.

Я закручинился: страсть какъ мнѣ не хотѣлось воровать, однако, видно, назвавшись груздемъ, полѣзешь и въ кузовъ; и я, зная въ конюшнѣ всѣ ходы и выходы, безъ труда вывелъ за гумно пару лихихъ коней, кои совсѣмъ устали не вѣдали, а цыганъ еще до того сейчасъ досталъ изъ кармана на пияурочкѣ волчьи зубы и повѣсилъ ихъ и одному, и другому коню на шею, и мы съ цыганомъ сѣли на нихъ и поѣхали. Лошади, чуя на себѣ волчью кость, такъ неслись, что и сказать нельзя, и мы на нихъ къ утру стали за сто верстъ подъ городомъ Карачевомъ. Тутъ мы этихъ коней вразъ продали какому-то дворнику, взяли деньги и пришли къ одной рѣчкѣ и стали дѣлиться. За коней мы взяли триста рублей, разумеется по-тогдашнему, на ассигнацію, а цыганъ мнѣ даетъ всего одинъ серебряный цѣлковый и говоритъ:

— Вотъ тебѣ твоя доля.

Мнѣ это обидно показалось.

— Какъ, говорю, —я же тѣхъ лошадей крадъ и за то больше тебя пострадать могъ, а за что же моя доля такая маленькая?

— Потому, отвѣчаетъ, —что такая выросла.

— Это, говорю, — глупости: почему же ты себѣ много берешь?

— А, опять, говоритъ, —потому, что я мастеръ, а ты еще ученикъ.

— Что, говорю, ученикъ, — ты это все врешь! да и пошло у насъ съ нимъ слово за слово и оба мы поругались. А наконецъ, я говорю: я съ тобою не хочу дальше идти, потому что ты подлець.

А онъ отвѣчаетъ:

— И отстань, братецъ, Христа ради, потому что ты безначпортный, еще съ тобою спутаешься.

Такъ мы и разошлись, и я было пошелъ къ засѣдателю, чтобы объявиться, что я сбѣглый, но только рассказалъ я эту свою исторію его писарю, а тотъ мнѣ и говоритъ:

— Дуракъ ты, дуракъ: на что тебѣ объявляться; есть у тебя десять рублей?

— Нѣтъ, говорю, — у меня одинъ цѣлковый есть, а десяти рублей нѣту.

— Ну такъ, можетъ-быть, еще что-нибудь есть, можетъ-быть, серебряный крестъ на шеѣ, или вонъ это что у тебя въ ухѣ: серьга?

— Да, говорю,—это сережка.

— Серебряная?

— Серебряная, и крестъ, моль, тоже имѣю отъ Митрофанія серебряный.

— Ну, скидай, говоритъ,—ихъ скорѣе и давай ихъ мнѣ, я тебѣ отпускной видъ напишу и уходи въ Николаевъ, тамъ много людей нужно и страсть что туда отъ насъ бродягъ бѣжить.

Я ему отдалъ цѣлковый, крестъ и сережку, а онъ мнѣ видъ написалъ и засѣдателю печать приложилъ и говоритъ:

— Вотъ за печать съ тебя надо бы прибавку, потому что я такъ со всѣхъ беру, но только уже жалю твою бѣдность и не хочу, чтобы моихъ рукъ виды не въ совершенствѣ были. Ступай, говоритъ, и кому еще нужно — ко мнѣ посылай.

— Ладно, думаю: хорошъ милостивецъ: крестъ съ шеи снялъ, да еще и жалѣетъ. Никого я къ нему не посылалъ, а все только шелъ Христовымъ именемъ безъ грошика мѣднаго.

Прихожу въ этотъ городъ и сталъ на торжокъ, чтобы наняться.— Народу наемнаго самая малость вышла,—всего три человѣка и тоже все должно быть точно такіе какъ я, полубродяжки, а нанимать выбѣжало много людей и всѣ такъ насъ нарасхватъ и рвутъ, тотъ къ себѣ, а этотъ на свою сторону. На меня напалъ одинъ баринъ, огромный-преогромный, больше меня, и прямо всѣхъ отъ меня отпихнулъ и схватилъ меня за обѣ руки и поволокъ за собою: самъ меня ведетъ, а самъ другихъ во всѣ стороны кулаками расталкиваетъ и преподло бранится, а у самого на глазахъ слезы. Привелъ онъ меня въ домишко, не вѣсть изъ чего наскоро сколоченный, и говоритъ:

— Скажи правду: ты вѣдь бѣглый?

Я говорю:

— Бѣглый.

— Воръ, говоритъ,—или душегубецъ, или просто бродяга?

Я отвѣчаю:

— На что вамъ это спрашивать?

— А чтобы лучше знать, къ какой ты должности годенъ.

Я рассказал все, отчего я сбѣжалъ, а онъ вдругъ кинулся меня цѣловать и говорить:

— Такого мнѣ и надо; такого мнѣ и надо! Ты, говорить, вѣрно, если голубяшь жалѣть, такъ ты можешь мое дитя выходить: я тебя въ няньки беру.

Я ужаснулся:

— Какъ, говорю:—въ няньки? я къ этому обстоятельству совсѣмъ не сроденъ.

— Нѣтъ, это пустяки, говорить, пустяки: я вижу, что ты можешь быть нянькой; а то мнѣ бѣда, потому что у меня жена съ ремонтеромъ отсюда съ тоски сбѣжала и оставила мнѣ грудную дочку, а мнѣ ее кормить некогда и нечѣмъ, такъ ты ее мнѣ выкормишь, а я тебѣ по два цѣлковыхъ въ мѣсяцъ стану жалованья платить.

— Помилуйте, отвѣчаю,—тутъ не о двухъ цѣлковыхъ, а какъ я въ этой должности справлюсь?

— Пустяки, говорить:—вѣдь ты русскій человѣкъ? Русскій человѣкъ со всѣмъ справится.

— Да, что же, молъ,—хоть и я русскій, но вѣдь я мужчина, и чего нужно чтобы грудное дитя воспитывать, тѣмъ не одаренъ.

— А я, говорить,—на этотъ счетъ тебѣ въ помощь у жида козу куплю: ты ее дой и тѣмъ молочкомъ мою дочку воспитывай.

Я задумался и говорю:

— Конечно, молъ, съ козою отчего дитя не воспитать, но только все бы, говорю, кажется, вамъ женщину къ этой должности лучше имѣть.

— Нѣтъ, ты мнѣ про женщину, пожалуйста, отвѣчаетъ,—не говори: изъ-за нихъ-то тутъ всѣ исторіи и поднимаются, да и брать ихъ не откуда, а ты, если мое дитя пиньчить не согласишься, такъ я сейчасъ казаковъ позову и велю тебя связать да и въ полицію, а оттуда по пересылкѣ отправятъ. Выбирай теперь, что тебѣ лучше: опять у своего графа въ саду на дорожкѣ камни щелкать, или мое дитя воспитывать?

Я подумалъ: нѣтъ, уже назадъ не пойду, и согласился остаться въ нянькахъ. Въ тотъ же день мы купили у жида бѣлую козу съ козленочкомъ. Козленочка я закололъ, и мы его съ моимъ бариномъ въ ланшѣ съѣли, а козочку я подогналъ и ея молочкомъ началъ дитя питать. Дитя было ма-

ленькое и такое поганое, жалкое: все пищить. Баринъ мой, отецъ его, изъ полячковъ былъ чиновникъ и никогда, прохвостикъ, дома не сидѣлъ, а все бѣгалъ по своимъ товарищамъ въ карты играть, а я одинъ съ этой моей воспитомкой, съ дѣвчурочкой, и страшно я сталъ къ ней привыкать, потому что скука для меня была тутъ несносная, и я отъ нечего дѣлать все съ ней упражнялся. То положу дитя въ корытце, да хорошенько ее вымою, а если гдѣ на кожевкѣ сышка зацвѣтетъ, я ее сейчасъ мучкой подсыплю; или головенку ей расчесываю, или на колѣняхъ качаю ее, либо, если дома очень соскучусь, суну ее за пазуху да пойду на лиманъ бѣлье полоскать, — и коза-то и та къ намъ привыкла, бывало, за нами тоже гулять идетъ. Такъ я дожидь до новаго лѣта и дитя мое подросло, и стало дыбки стоять, но замѣчаю я, что у нея что-то ножки колесомъ идутъ. Я было на это барину показаль, но онъ ничего на то не уважилъ и сказалъ только:

— Я, говорить, тутъ чѣмъ причиненъ? снеси ее лѣкарю покажи: пусть посмотритъ.

Я понесъ, а лѣкаръ говоритъ:

— Это аглицкая болѣзнь, надо ее въ песокъ сажать.

Я такъ и началъ исполнять: выбралъ на бережку лимана такое мѣстечко, гдѣ песокъ есть, и какъ погожій теплый день, я заберу и козу, и дѣвочку, и туда съ ними удаляюсь. Разгребу руками теплый песочекъ и закопаю туда дѣвочку по поясъ и дамъ ей палочекъ играть и камушковъ, а коза наша вокругъ насъ ходитъ, травку щиплетъ, а я сажу, сажу, руками ноги обхвативши, и засну, и сплю.

По цѣлымъ днямъ такимъ манеромъ мы втроемъ одни проводили и это мнѣ лучше всего было отъ скуки, потому что скука, опять повторю, была ужасная и особенно мнѣ тутъ весною, какъ я сталъ дѣвочку въ песокъ закапывать, да надъ лиманомъ спать, пошли разные безтолковые сны. Какъ усну, а лиманъ рокочетъ, а со степи теплый вѣтеръ на меня несетъ, такъ точно съ нимъ будто что-то плыветъ на меня чародѣйное и нападаетъ страшное мечтаніе: вижу, какія-то степи, коней и все меня будто кто-то зоветъ и куда-то манитъ: слышу даже ими кричить: «Иванъ! Иванъ! иди, братъ Иванъ!» Встрепенешься, инда вздрогнешь и плюнешь: тьфу, пропасти на васъ итъ, чего вы меня всяликались! оглянешься кругомъ: — тоска; коза уже отойдетъ да-

леко, бродить, травку щипать, да дитя заколано въ песокѣ сидитъ, а больше ничего... Ухъ, какъ скучно! пустынь, солнце да лиманъ, и опять заснешь, а оно, это теченіе съ повѣтріемъ, опять въ душу лѣзетъ и кричитъ: «Иванъ! пойдемъ, братъ Иванъ!» Даже выругаешься, скажешь: да покажись же ты, лихо тебя возьми, кто ты такой, что меня такъ зовешь? И вотъ я такъ разъ озлобился и сижу да гляжу въ-полсна за лиманъ, и оттолъ какъ облачко легкое поднялось и плыветъ и прямо на меня, думаю: тпру, куда ты, благое, еще вымочишь! Анъ вдругъ вижу это надо мною стоитъ тотъ монахъ съ бабыимъ лицомъ, котораго я давно, фореиторомъ бывши, кнутомъ засѣкъ. Я говорю: тпружи! пошелъ прочь! А онъ этакъ ласково звенитъ: «пойдемъ, Иванъ, братъ, пойдемъ! тебѣ еще много надо терпѣть, а потомъ достигнешь». Я его во снѣ выругалъ и говорю: «Куда я съ тобой пойду и чего еще достигать буду». А онъ вдругъ опять облакомъ сдѣлался и сквозь себя показалъ мнѣ и самъ не знаю что: стень, люди, такіе дикіе, сарацины, какъ вотъ бывають при сказкахъ въ Ерусланѣ и въ Бовѣ Королевичѣ; въ большихъ шапкахъ лохматыхъ и съ стрѣлами, на страшныхъ дикихъ коняхъ. И съ этимъ, что вижу, слышались мнѣ и гоготь, и ржанье, и дикій смѣхъ, а потомъ вдругъ вихорь... взмело песокъ тучею и нѣтъ ничего, только гдѣ-то тонко колоколь тихо звонитъ и весь какъ алою зарею облитый большой бѣлый монастырь по вершинѣ показывается, а по стѣнамъ крылатые ангелы съ золотыми копыями ходять, а вокругъ море, и какъ который ангелъ по щиту копьемъ ударить, такъ сейчасъ вокругъ всего монастыря море всколышнется и заплещетъ, и изъ бездны страшные голоса вопіють: «святъ!»

Ну, думаю, — опять это мнѣ про монашество пошло! и съ досадою проснулся и въ удивленіи вижу, что надъ моею барышнѣю кто-то стоитъ на песку на колѣняхъ самаго нѣжнаго вида, и рѣка-рѣкой разливается-плачетъ.

Я долго на это смотрѣлъ, потому что все думалъ: не длится ли мнѣ это видѣніе, но потомъ вижу, что оно не исчезаетъ, я и всталъ, и подхожу: вижу дама дѣвочку мою изъ песку выкопала и схватила ее на руки и цѣлуетъ, и плачетъ:

Я спрашиваю ее:

— Что надо?

А она ко мнѣ и бросилась и жметь дитя къ груди, а сама шепчетъ:

— Это мое дитя, это дочь моя, это дочь моя!

Я говорю:

— Ну, такъ что же въ этомъ такое?

— Отдай,—говорить:—мнѣ ее.

— Съ чего же ты это,—говорю:—взяла, что я ее тебѣ отдамъ?

— Развѣ тебѣ,—плачетъ:—ее не жаль? видишь, какъ она ко мнѣ жметъ.

— Жаться, моль, она глупый ребенокъ,—она тоже и ко мнѣ жметъ, а отдать я ее не отдамъ.

— Почему?

— Потому, моль, что она мнѣ на соблюденіе повѣрена—вонъ и коза съ нами ходитъ, а я дитя долженъ отцу приносить.

Она, эта барынька, начала плагать и руки ломать:

— Ну, хорошо,—говорить:—ну, не хочешь дитя мнѣ отдать, такъ, по крайней мѣрѣ, не сказывай, говорить, моему мужу, а твоему господину, что ты меня видѣла, и приходи завтра опять скда на это самое мѣсто съ ребенкомъ, чтобы я его еще поласкать могла.

— Это, моль,—другое дѣло,—это я обѣщаю и исполню.

И точно, я ничего про нее своему барину не сказалъ, а на утро взяла козу и ребенка и пошелъ опять къ лиману, а барыня уже ждетъ. Все въ ямочкѣ сидѣла, а какъ насъ завидѣла, выскочила и бѣжить, и плачетъ, и смѣется, и въ обѣихъ ручкахъ дитю игрушечки суетъ и даже на козу на нашу колокольчикъ на красной суконкѣ повѣсила, а мнѣ трубку и кисеть съ табакомъ и расческу.

— Кури,—говорить:—пожалуйста, эту трубочку, а я буду дитя нянчить.

И такимъ манеромъ пошли у насъ тутъ надъ лиманомъ свиданія: барыня все съ дитемъ, а я сплю, а порой она мнѣ начнетъ рассказывать, что она того... замужъ въ своемъ мѣстѣ за моего барина насильно была выдана... злою мачихою и того... этого мужа своего она не того... говорить, никакъ не могла полюбить. А того... этого... другого-то, ремонтера-то... что ли... этого любить и жалуется, что противъ воли, говорить, своей я ему... предана. Потому мужъ мой, какъ самъ, говорить, знаешь, неаккуратной жизни, а

этотъ съ этими... ну, какъ ихъ?.. съ усиками, что ли, прахъ его знаетъ, и очень чисто, говоритъ, онъ завсегда одѣвается, и меня жалѣетъ, но только же, опять я, говоритъ, со всѣмъ съ этимъ все-таки не могу быть счастлива, потому что мнѣ и этого дитя жаль. А теперь мы, говоритъ, съ нимъ сюда прѣхали и стоимъ здѣсь на квартирѣ у одного у его товарища, но я живу подъ большимъ опасеніемъ, чтобы мой мужъ не узнать, и мы скоро уѣдемъ и я опять о дитѣ страдать буду.

— Ну, что же, молъ, дѣлать: если ты, презрѣвъ законъ и религію, свой обрядъ измѣнила, то должна и пострадать.

А она начнетъ плакать и отъ одного дня разъ отъ разу больше и жалостнѣе стала плакать, и мнѣ жалобами докучаетъ, и вдругъ ни съ того, ни съ сего стала все мнѣ деньги сулить. И, наконецъ, пришла послѣдній разъ прощаться и говоритъ:

— Послушай, Иванъ (она уже имя мое знала), послушай,—говоритъ:—что я тебѣ скажу: нынче, говоритъ, онъ самъ сюда къ намъ придетъ.

Я спрашиваю:

— Кто этой такой?

Она отвѣчаетъ:

— Ремонтеръ.

Я говорю:

— Ну, такъ что же мнѣ за причина?

А она повѣствуетъ, что будто онъ сею ночью страсть какъ много денегъ въ карты выигралъ и сказалъ, что хочеть ей въ удовольствіе мнѣ тысячу рублей дать за то, чтобы я, то-есть, ей ея дочку отдалъ.

— Ну, уже вотъ этого,—говорю:—никогда не будетъ.

— Отчего же, Иванъ? отчего же?—пристаеть.—Неужто тебѣ меня и ее не жаль, что мы въ разлукѣ?

— Ну, молъ, жаль, или не жаль, а только я себя не продавалъ ни за большія деньги, ни за малыя и не продамъ, а потому всѣ ремонтеровы тысячи пусть при немъ остаются, а твоя дочка при мнѣ.

Она плакать, а я говорю:

— Ты лучше не плачь, потому что мнѣ все равно.

Она говоритъ:

— Ты безсердечный, ты каменный.

А я отвѣчаю:

— Совсѣмъ, молъ, я не каменный, а такой же какъ всѣ, костяной да жильный, а я человѣкъ должностной и вѣрный: взялся хранить дитя и берегу его.

Она убѣждаетъ, что вѣдь посуды, говорить, и самому же дитяти у меня лучше будетъ!

— Опять-таки, — отвѣчаю: — это не мое дѣло.

— Неужто же, — вскрикиваетъ она: — неужто же мнѣ опять съ дитемъ моимъ должно разставаться?

— А что же, — говорю: — если ты, презрѣвъ законъ и религію...

Но только не договорилъ я этого, что хотѣлъ сказать, какъ вижу къ намъ по стени легкой уланъ идетъ. Тогда полковые еще какъ должно ходили, съ форсомъ, въ настоящей военной формѣ, не то что какъ нынѣшніе, въ родѣ писарей. Идетъ этотъ уланъ-ремонтёр такой осанистый, руки въ боки, а шинель широко на опашку несетъ... силы въ немъ, можетъ-быть, и нисколько нѣтъ, а форсисто... Гляжу я на этого гостя и думаю: вотъ бы мнѣ отлично съ ними со скуки поиграть. И рѣшилъ, что чуть если онъ ко мнѣ какое слово заговорить, я ему непременно какъ ни можно хуже согрублю и авось, молъ, мы съ нимъ здѣсь, Богъ дастъ, въ свое удовольствіе подеремся. Это, восторгаюсь, будетъ чудесно, и того, что мнѣ въ это время говорить и со слезами моя барынька лепечетъ, уже не слушаю, а только играть хочу.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Только, рѣшивши себѣ этакую потѣху добыть, я думаю: какъ бы мнѣ лучше этого офицера раздражить, чтобы онъ на меня нападать сталъ? и взялъ я сѣль, вынулъ изъ кармана гребень и зачалъ имъ себя будто въ головѣ чесать; а офицеръ подходит и прямо къ той своей барынькѣ.

Онъ ему—та-та-та, та-та: все, значить, о томъ, что я ей дитя не даю.

А онъ ее по головкѣ гладитъ и говорить:

— Ничего это, душенька, ничего: я противъ него сейчасъ средство найду. Деньги, — говорить: — раскинемъ, у него глаза разбѣжятся; а если и это средство не подѣйствуетъ, такъ мы просто отнимемъ у него ребенка, — и съ этимъ самымъ словомъ подходитъ ко мнѣ и подаетъ мнѣ пучокъ ассигнацій, а самъ говоритъ:

— Вотъ,—говорить:—тутъ ровно тысяча рублей,—отдай намъ дитя, а деньги бери и ступай куда хочешь.

А я нарочно невѣжничаяю, не скоро ему отвѣчаю: прежде всталъ потихонечку; потомъ гребень на поясокъ повѣсилъ, откашлянулся и тогда молвилъ:

— Нѣтъ,—говорю:—это твое средство, ваше благородіе, не подѣйствуетъ, а самъ взялъ, вырвалъ у него изъ рукъ бумажки, поплевалъ на нихъ да и бросилъ, говорю: тубо,—пиль, ашпортъ, подними!

Онъ огорчился, весь покраснѣлъ, да на меня; но мнѣ, сами можете видѣть мою комплекцію,—что же мнѣ съ форменнымъ офицеромъ долго справляться: я его такъ слегка пихнулъ, онъ и готовъ: полетѣлъ и шпоры вверхъ задралъ, а сабля на сторону отогнулась. Я сейчасъ топнулъ, на эту саблю его ногой наступилъ и говорю:

— Вотъ тебѣ, говорю, и храбрость твою подъ ногой придавлю.

Но онъ хоть силой плохъ, но отважный былъ офицерикъ: видитъ, что сабельки ему у меня уже не отнять, такъ распоясалъ ее, да съ кулачонками ко мнѣ борзо кидается... Разумѣется, и этакъ онъ отъ меня ничего, кромѣ тѣлеснаго огорченія, для себя не получилъ, но понравилось мнѣ какъ онъ характеромъ своимъ былъ гордъ и благороденъ: я не беру его денегъ и онъ ихъ тоже не сталъ подбирать.

Какъ перестали мы драться, я кричу:

— Возьми же, ваше сіятельство, свои деньги подбери, на прогоны годится!

Что же вы думаете: вѣдь не поднялъ, а прямо бѣжить и за дитя хватается; но, разумѣется, онъ беретъ дитя за руку, а я сейчасъ же хватъ за другую и говорю:

— Ну, тини его: на чію половину больше оторвется.

Онъ кричить:

— Подлецъ, подлецъ, извергъ!—и съ этимъ въ лицо мнѣ плюнулъ и ребенка бросилъ, а уже только эту барыньку увлекаетъ, а она въ отчаяніи пружалобно вопить и, насильно влекома, за нимъ хотя слѣдуетъ, но глаза и руки сюда ко мнѣ и къ дитѣ простираетъ... и вотъ вижу я и чувствую какъ она, точно живая, пополамъ рвется, половина къ нему, половина къ дитяти... А въ эту самую минуту отъ города вдругъ вижу бѣгитъ мой баринъ, у кото-

раго я служу, и у него въ рукахъ пистолеть, и онъ все стрѣляетъ изъ того пистолета да кричить:

— Держи ихъ, Иванъ! держи.

Ну, какъ же, думаю себѣ, такъ я тебѣ и ставу ихъ держать? Пускай любятся! да догналъ барыньку съ уланомъ, даю имъ дитя и говорю:

— Натѣ вамъ этого пострѣла! только уже теперь и меня,—говорю:—увозите, а то онъ меня правосудію сдать, потому что я по незаконному паспорту.

Она говоритъ:

— Уѣдемъ, голубчикъ Иванъ, уѣдемъ, будемъ съ нами жить.

Такъ мы и ускакали и дѣвчурку, мою воспитомку, съ собой увезли, а тому моему барину коза да деньги, да мой паспортъ остались.

Всю дорогу я съ этими своими съ новыми господами все на козлахъ на тарантасѣ до самой Пензы ѣдучи сидѣлъ и думалъ: хорошо ли же это я сдѣлалъ, что я офицера билъ? вѣдь онъ присягу принималъ, и на войнѣ съ саблею отечество защищаетъ и самъ государь ему, по его чину, можетъ-быть, «вы» говорить, а я, дуракъ, его такъ обидѣлъ!.. А потомъ это передумаю, начну другое думать: куда теперь меня еще судьба опредѣлитъ, а въ Пензѣ тогда была ярмарка и уланъ мнѣ говоритъ:

— Послушай, Иванъ, ты вѣдь, я думаю, знаешь, что мнѣ тебя при себѣ держать нельзя.

Я говорю:

— Почему же?

— А потому, отвѣчаетъ, что я человѣкъ служащій, а у тебя никакого паспорта нѣтъ.

— Нѣтъ, у меня былъ, говорю,—паспортъ, только фальшивый.

— Ну, вотъ видишь, отвѣчаетъ,—а теперь у тебя и такого нѣтъ. На же вотъ тебѣ двѣсти рублей денегъ на дорогу и ступай съ Богомъ куда хочешь.

А мнѣ, признаюсь, ужасъ какъ не охота была никуда отъ нихъ идти, потому что я то дитя любилъ; но дѣлать нечего, говорю:

— Ну, прощайте, говорю,—покорно васъ благодарю на вашемъ награжденіи, но только еще вотъ что:

— Что, спрашиваетъ,—такое?

— А то, отвѣчаю,—что я передъ вами виновать, что дрался съ вами и грубилъ.

Онъ разсмѣялся и говорить:

— Ну, что это, Богъ съ тобой, ты добрый мужикъ.

— Нѣтъ-съ, это, отвѣчаю:—мало ли что добрый, это такъ нельзя, потому что это у меня можетъ на совѣсти остаться: вы защитникъ отечества, и вамъ, можетъ-быть, самъ государь «вы» говорилъ.

— Это, отвѣчаетъ,—правда: намъ, когда чинъ даютъ, въ бумагахъ пишутъ: «жалуемъ *васъ* и повелѣваемъ *васъ* почтять и уважать».

— Ну, позвольте же, говорю:—я этого никакъ дальше снести не могу...

— А что же, говорить,—теперь съ этимъ дѣлать. Что ты меня сильнѣе и поколотилъ меня, того назадъ не вынешь.

— Вынуть, говорю,—нельзя, а по крайности для облегченія моей совѣсти, какъ вамъ угодно, а извольте сколько-нибудь разъ меня сами ударить, и взявъ обѣ щеки передъ нимъ надуль.

— Да за что же?—говорить:—за что же я тебя стану бить?

— Да такъ, отвѣчаю,—для моей совѣсти,—чтобы я не безъ наказанія своего государя офицера оскорбилъ.

Онъ засмѣялся, а я опять надуль щеки, какъ можно поляѣе, и опять стою.

Онъ спрашиваетъ:

— Чего же ты это надуваешься, зачѣмъ гримасничаешь?

А я говорю:

— Это я по-солдатски, по артикулу приготовился: извольте, говорю,—меня съ обѣихъ сторонъ ударить, и опять щеки надуль; а онъ вдругъ вмѣсто того, чтобы меня бить, сорвался съ мѣста и ну цѣловать меня и говорить:

— Полно, Христа ради, Иванъ, полно: ни за что на свѣтѣ я тебя ни разу не ударю, а только уходи поскорѣе, пока Машеньки съ дочкой дома нѣтъ, а то онъ по тебѣ очень плакать будутъ.

— А! это, моль, иное дѣло, зачѣмъ ихъ огорчать?

И хоть не хотѣлось мнѣ отходить, но дѣлать нечего: такъ и ушелъ поскорѣй, не прощавшись, и вышелъ за ворота и сталъ, и думаю:

— Куда я теперь пойду? И взаправду сколько времени

прошло съ тѣхъ поръ какъ я отъ господъ бѣжалъ и бродяжу, а все я нигдѣ мѣста подѣ собой не согрѣю... Шабанъ, думаю, пойду въ полицію и объявлюсь, но только, думаю, опять теперь то нескладно, что у меня теперь деньги есть, а въ полициі ихъ всѣ отберутъ: дай же хоть что-нибудь изъ нихъ потрачу, хоть чаю съ кренделями въ трактирѣ попою въ свое удовольствіе. И вотъ я пошелъ на ярмарку въ трактирѣ, спросилъ чаю съ кренделями и долго пилъ, а потомъ вижу, дольше никакъ невозможно продолжать и пошелъ походить. Выхожу за Суру за рѣку на степь, гдѣ тамъ стоятъ конскіе косяки и при нихъ же тутъ и татары въ кибиткахъ. Всѣ кибитки одинаковыя, но одна пестрая-препестрая, а вокругъ нея много разныхъ господъ занимаютъся, ѣздовыхъ коней пробуютъ. Разные—и штатскіе, и военные, и помѣщики, которые пріѣхали на ярмарку; всѣ стоятъ трубки курятъ, а посреди ихъ на пестрой кошмѣ сидитъ тонкій, какъ жердь, длинный степенный татаринъ въ штучномъ халатѣ и въ золотой тюбетейкѣ. Я оглядаюсь и, видя одного человѣка, который при мнѣ въ трактирѣ чай пилъ, спрашиваю его: что это такой за важный татаринъ, что онъ одинъ при всѣхъ сидитъ? А мнѣ тотъ человѣкъ отвѣчаетъ:

— Нешто ты, говорить, его не знаешь: это ханъ Джангаръ.

— Что, молъ, еще за ханъ Джангаръ?

А тотъ и говорить, ханъ Джангаръ, говорить,—первый степной коневодъ, его табуны ходятъ отъ самой Волги до самаго Урала во всѣ Рынь-пески и самъ онъ, этотъ ханъ Джангаръ, въ степи все равно что царь.

— Развѣ, говорю,—эта степь не подѣ нами?

— Нѣтъ; она, отвѣчаетъ,—подѣ нами, но только намъ ее никакъ достать нельзя, потому что тамъ до самаго Каспія либо солончаки, либо одна трава да птицы по поднебесью вьются и чиновнику тамъ совсѣмъ взять нечего, вотъ по этой причинѣ, говорить, ханъ Джангаръ тамъ и царюетъ, и у него тамъ, въ Рынь-пескахъ, говорятъ, есть свои шихи и шихъ-сады, и молозады, и мамы, и азін, и дербыши, и уланы, и онъ ихъ всѣхъ, какъ ему надо, наказываетъ, а они тому рады повиноваться.

Я эти слова слушаю, а самъ смотрю, что въ то самое время одинъ татарченочъ пригонилъ передъ этого хана небольшую бѣлую кобылку и что-то залопоталъ; а тотъ всталъ, взялъ кнутъ на длинномъ кнутовищѣ и сталъ прямо про-

тивъ кобылицыной головы и кнуть ей ко лбу вытянуть и стоять. Но вѣдь какъ, я вамъ доложу, разбойникъ стоять? просто статуя великолѣпный, на котораго на самого заглядѣться надо, и сейчасъ по немъ видно, что онъ въ конѣ все нутро соглядаетъ. А какъ я по этой части самъ съ дѣтства былъ наблюдателемъ, то мнѣ видно, что и сама кобылица-то эта зрить въ немъ знатока, и сама вся на вытяжкѣ передъ нимъ держится: на-де, смотри на меня и любуйся! И такимъ манеромъ онъ, этотъ степенный татаринъ, смотрѣлъ, смотрѣлъ на эту кобылицу и не обходилъ ее, какъ дѣлають наши офицеры, что по суетливости все вокругъ коня мычутся, а онъ все съ одной точки взиралъ и вдругъ кнуть опустилъ, а самъ персты у себя на рукѣ молча поцѣловалъ: «дескать, антикъ!» и опять на конѣ, склавши накрестъ ноги, сѣлъ, а кобылица сейчасъ ушми запряла, фыркнула и заиграла.

Господа, которые тутъ стояли, и пошли на нее въ переробой торговаться: одинъ даетъ сто рублей, а другой полтора и такъ далѣе все большую другъ противъ друга цѣну нагоняють. Кобылица была, точно, дивная, ростомъ не великонька, въ подобье арабской, но стройненькая, головка маленькая, глазокъ полный, яблочкомъ, ушки сторожкія: бочка самыя звонкіе, воздушныя, спинка какъ стрѣлка, а ножки легкія, точеныя, самыя уносистыя. И, какъ подобной красоты былъ любитель, то никакъ глазъ отъ этой кобылицы не отвлеку. А ханъ Джангаръ видитъ, что на всѣхъ отъ нея зорость пришла и господа на нее какъ оглашенные цѣну наполняютъ, кивнулъ чумазому татарченку, а тотъ какъ прыгъ на нее, на лебедушку, да и ну ее гонить, — сидитъ, знаете, по-своему, по-татарски, колѣнками ее ежитъ, а она подъ нимъ окрыляется и точно птица летитъ, и не всколыхнетъ, а какъ онъ ей къ холочкѣ принагнется, да на нее гикнетъ, такъ она такъ вмѣстѣ съ пескомъ въ одинъ вихоръ и воскурится. Ахъ, ты, змѣя! думаю себѣ, ахъ ты стрепеть степной, аспидскій! гдѣ ты только могла такая зародиться? И чувствую, что рванулась моя душа къ ней, къ этой лошади, родной страстию. Пригонялъ ее татарчище назадъ, она пыхнула сразу въ обѣ ноздри, выдулась и всю усталъ сбросила и больше ни дыхнетъ и ни сапнетъ. Ахъ, ты, думаю, милушка; ахъ ты милушка! Кажется, спроси бы у меня за нее татаринъ не то что мою душу, а отца и

мать родную, и тѣхъ бы не пожалѣть—но гдѣ было о томъ и думать, чтобы этакого летуна достать, когда за нее между господами и ремонтерами не вѣсть какая цѣна слагалась, но и это еще было все ничего, какъ вдругъ тутъ еще торгъ не былъ конченъ, и никому она не досталась, какъ видимъ изъ-за Суры, отъ Селюксы, гонить на ворономъ конѣ борзый всадникъ, а самъ широкою шляпой машетъ и подлетѣлъ, соскочилъ, коня бросилъ и прямо къ той къ бѣлой кобылицѣ и сталъ опять у нея въ головахъ, какъ и первый статуи, и говоритъ:

— Моя кобылица.

А ханъ отвѣчаетъ:

— Какъ не твоя: господа мнѣ за нее пятьсотъ монетовъ даютъ.

А тотъ всадникъ—татарчище этакій огромный и пузатый, морда загорѣла и вся облупилась, словно кожа съ нея сорвана, а глаза малые точно щелки, и оретъ сразу:

— Сто монетовъ больше всѣхъ даю!

Господа взъерепенились, еще больше сулятъ, а сухой ханъ Джангаръ сидитъ да губы цмокаетъ, а отъ Суры съ другой стороны еще всадникъ татарчище гонить на гривастомъ конѣ, на игренемъ, и этотъ опять весь худой, желтый, въ чемъ кости держатся, а еще озорѣе того, что первый приѣхалъ. Этотъ съерзнулъ съ коня и какъ гвоздь воткнулся передъ бѣлой кобылицей и говоритъ:

— Вѣмъ отвѣчаю: хочу, чтобы моя была кобылица!

Я и спрашиваю сосѣда: въ чемъ тутъ у нихъ дѣло зависитъ. А онъ отвѣчаетъ:

— Это, говоритъ, дѣло зависитъ отъ очень большого хана-Джангарова понятія. Онъ, говоритъ, не одинъ разъ, а чуть не всякую ярмарку тутъ такую штуку подводитъ, что прежде всѣхъ своихъ обыкновенныхъ коней, коихъ пригнать сюда, распродаетъ, а потомъ въ послѣдній день, михорь его знаетъ откуда, какъ изъ-за пазухи выиметь такого коня, или двухъ, что конасеры не знаютъ что дѣлаютъ; а онъ, хитрый татаринъ, глядитъ на это, да тѣшится и еще деньги за то получаетъ. Эту его привычку зная, всѣ уже такъ этого послѣдыша отъ него и ожидаютъ, и вотъ оно такъ и теперь вышло: всѣ думали, ханъ нонѣ уѣдетъ, и онъ, точно, ночью уѣдетъ, а теперь ишь какую кобылицу вывелъ...

— Диво, говорю, какая лошадь!

— Подлинно диво, — онъ ее, говорятъ, къ ярмаркѣ все-реди косяка пригонилъ, и такъ гналъ, что ее за другими конями никому видѣть нельзя было, и никто про нее не зналъ, опричь этихъ татаръ, что прѣѣхали, да и тѣмъ онъ казалъ, что кобылица у него не продажная, а завѣтная, да ночью ее отъ другихъ отлучилъ и подѣ Мордовскій шшимъ въ лѣсъ отогналъ и тамъ на полянѣ съ особымъ пастухомъ пасъ, а теперь вдругъ ее выпустилъ и продавать сталъ, и ты погляди, что изъ-за нея тутъ за чудеса будутъ, и что онъ, собака, за нее возьметъ, а если хочешь, ударимся объ закладъ, кому она достанется?

— А что, молъ, такое: изъ-за чего намъ биться?

— А изъ-за того, отвѣчаетъ, — что тутъ страсть, что сейчасъ почнется: и всѣ господа непременно спятятся, а лошадь который-нибудь вотъ изъ этихъ двухъ азіатовъ возьметъ.

— Что же они, спрашиваю: — очень что ли богаты?

— И богатые, отвѣчаетъ, — и озорные охотники: они свои большіе косяки гоняютъ и хорошей, завѣтной лошади другъ другу въ жизнь не уступятъ. Ихъ всѣ знаютъ: этотъ, брюхастый, что вся морда облуплена, это называется Бакшей Отучевъ, а худичій, что однѣ кости ходятъ, Чепкунъ Емгурчевъ. — оба злые охотники, и ты только смотри, что они за потѣху сдѣлаютъ.

Я замолчалъ и смотрю: господа, которые за кобылицу торговались, уже отступились отъ нея и только глядятъ, а тѣ два татарина другъ другу отпихиваютъ и все хана Джангара по рукамъ хлопаютъ, а сами за кобылицу держатся и всѣ трясутся да кричатъ; одинъ кричитъ:

— Я даю за нее, кромѣ монетовъ, еще пять головъ (значитъ пять лошадей), а другой вопить:

— Вретъ твоя морда, я даю десять.

Бакшей Отучевъ кричитъ:

— Я даю пятнадцать головъ.

А Чепкунъ Емгурчевъ:

— Двадцать.

Бакшей:

— Двадцать пять.

А Чепкунъ:

— Тридцать.

А больше ни у того, ни у другого видно уже нѣтъ... Чепкунъ крикнулъ: тридцать, и Бакшей даетъ тоже только тридцать, а больше нѣтъ; но зато Чепкунъ еще въ придачу сѣдло сулитъ, а Бакшей сѣдло и халатъ, и Чепкунъ халатъ скидаетъ, а больше опять другъ друга имъ нечѣмъ одолѣвать. Чепкунъ крикнулъ: слушай меня, ханъ Джангаръ: я домой приѣду, я къ тебѣ свою дочь пригоню, и Бакшей тоже дочь сулитъ, а больше опять другъ друга нечѣмъ пересилить. Тутъ вдругъ вся татарва, кои тутъ это торговнище зрѣли, заорали, загалдѣли по-своему; ихъ разнимаютъ, чтобы до разоренія другъ друга не довели, тормозать ихъ, Чепкуна и Бакшей, въ разныя стороны, въ бока ихъ тычуть, уговариваютъ.

Я спрашиваю у сосѣда:

— Скажи, пожалуйста, что это такое у нихъ теперь пошло?

— А вотъ, видишь,—говорить:—этимъ князьямъ, которые ихъ разнимаютъ, имъ Чепкуна съ Бакшеемъ жалко, что они очень заторговались, такъ вотъ они ихъ разлучаютъ, чтобы опомнились и какъ-нибудь другъ дружкѣ честию кобылицу уступили.

— Какъ же,—спрашиваю:—можно ли, чтобы они другъ дружкѣ ее уступили, когда она обоимъ имъ такъ нравится? Этого быть не можетъ.

— Отчего же,—отвѣчаетъ:—азіаты народъ разсудительный и степенный: они разсудятъ, что зачѣмъ напрасно имѣніе терять и хану Джангару дадутъ сколько онъ просить, а кому коня взять—съ общаго согласія наперепоръ пустятъ.

Я любопытствую:

— Что же, молъ, такое это значитъ: «наперепоръ».

А тотъ мнѣ отвѣчаетъ:

— Нечего спрашивать, смотри, это видѣть надо, а оно сейчасъ начинается.

Смотрю я и вижу, что и Бакшей Отучевъ и Чепкунъ Емгурчеевъ оба будто стинали и у тѣхъ своихъ татарь-мировщиковъ вырываются и оба другъ къ другу бросились, подбѣжали и по рукамъ бьютъ.

— Сгодѣ! дескать,—поладили.

И тотъ то же самое отвѣчаетъ:

— Сгодѣ! поладили!

И оба въ разъ съ себя и халаты долой, и бешметы, и

чевяки сбросили, и ситцевыя рубахи сняли, и въ однихъ широкихъ полосатыхъ портищахъ остались и плюхъ одинъ противъ другого, сѣли на землю, какъ курохтаны степные, и сидятъ.

Въ первой разъ мнѣ этакое диво видѣть доводилось, и я смотрю, что дальше будетъ? А они другъ дружкѣ лѣвыя руки подали и крѣпко ихъ держать, ноги растопырили и ими другъ дружкѣ слѣдами въ слѣды уперлись и кричатъ: «подавай!»

Что такое они себѣ требуютъ «подавать» я не предвижу, но тѣ, татарва-то, изъ кучки отвѣчаютъ:

— Сейчасъ, бачка, сейчасъ.

И вотъ вышелъ изъ этой кучки татаринъ старый, степенный такой, и держитъ въ рукахъ двѣ здоровыя нагайки и сравнивалъ ихъ въ рукахъ и кажетъ всей публикѣ и Чепкуну съ Бакшеемъ: глядите, говорить, обѣ штуки ровныя.

— Ровныя,—кричатъ татарва:—всѣ мы видимъ, что благородно сдѣланы, плети ровныя! Пусть садятся и начинаютъ.

А Бакшей и Чепкунъ такъ и рвутся, за нагайки хватаются.

Степенный татаринъ и говорить имъ: «пождите» и самъ имъ эти нагайки подаль: одну Чепкуну, а другую Бакшеею, да ладошами хлопаетъ тихо, разъ, два и три... И только что онъ въ третье хлопнулъ, какъ Бакшей стегнетъ изо всей силы Чепкуна нагайкою черезъ плечо по голой спинѣ, а Чепкунъ такимъ самымъ манеромъ на отвѣтъ его. Да и пошли этакъ одинъ другого потчивать: въ глаза другъ другу глядятъ, ноги въ ноги слѣдками упираются и лѣвыя руки крѣпко жмутъ, а правыми съ нагайками порются... Ухъ, какъ они знатно поролись! Одинъ хорошо черкнетъ, а другой еще лучше. Глаза-то у обоихъ даже выстолбенѣли и лѣвыя руки замерли, а ни тотъ, ни другой не сдается.

Я спрашиваю у моего знакомца:

— Что же это, молъ, у нихъ, стало-быть, въ родѣ какъ господа на дуэль, что ли, выходятъ?

— Да,—отвѣчаетъ:—тоже такой поединокъ, только это, говорить, не насчетъ чести, а чтобы не расходоваться.

— И что же,—говорю:—они этакъ могутъ другъ друга долго сѣчь?

— А сколько имъ,—говорить:—похочется и сколько силы станетъ.

А тѣ все хлещутся, а въ народѣ за нихъ споръ пошелъ: одни говорятъ: «Чепкунъ Бакшей перепоретъ», а другіе спорятъ: «Бакшей Чепкуна перебьетъ» и, кому хочется, объ закладъ держать—тѣ за Чепкуна, а тѣ за Бакшей, кто на кого больше надѣется. Поглядятъ имъ съ познаніемъ въ глаза и въ зубы, и на спины посмотрятъ и по какимъ-то примѣтамъ понимаютъ кто надежнѣе, за того и держатъ. Человѣкъ, съ которымъ я тутъ разговаривалъ, тоже изъ зрителей опытныхъ былъ и сталъ сначала за Бакшей держать, а потомъ говоритъ:

— Ахъ, квитъ, пропалъ мой двугривенный: Чепкунъ Бакшей собьетъ.

А я говорю:

— Почему то знать? Еще, молю, ничего не можно утвердить: оба еще ровно сидятъ.

А тотъ мнѣ отвѣчаетъ:

— Сидятъ-то,—говоритъ:—они еще оба ровно, да не одна въ нихъ повадка.

— Что же,—говорю:—по моему мнѣнію, Бакшей еще ярче стегаетъ.

— А вотъ то,—отвѣчаетъ:—и плохо. Нѣтъ, пропалъ за него мой двугривенный: Чепкунъ его заперетъ.

Что это, думаю, такое за диковина: какъ онъ непонятно, этотъ мой знакомецъ, рассуждаетъ? А вѣдь онъ же, размышляю, должно-быть въ этомъ дѣлѣ хорошо понимаетъ практику, когда объ закладъ бьется!

И стало мнѣ, знаете, очень любопытно, и я къ этому знакомцу пристаю:

— Скажи,—говорю:—милый человѣкъ, отчего ты теперь за Бакшей опасаяешься?

А онъ говоритъ:

— Экой ты пригородникъ глупый: ты гляди,—говоритъ:—какая у Бакшей спина.

Я гляжу: ничего, спина этакая хорошая, мужественная, большая и пухлая, какъ подушка.

— А видишь,—говоритъ:—какъ онъ бьетъ?

Гляжу, и вижу тоже, что бьетъ яростно, даже глаза на лобъ выпялил, и такъ его какъ ударить, такъ сразу до крови и рѣжетъ.

— Ну, а теперь сообрази, какъ онъ нутремъ дѣйствуетъ?

— Что же, молю, такое нутремъ?—я вижу одно, что си-

дить онъ прямо, и весь ротъ открылъ и воздухъ въ себя шибко забираетъ.

А мой знакомецъ и говорить:

— Вотъ это-то и худо: спина велика, по ней весь ударъ просторно ложится; шибко бьетъ, запыхается, а въ открытый ротъ дышитъ, онъ у себя воздухомъ все нутро перекреститъ.

— Что же,—спрашиваю:—стало быть Чепкунъ надежнѣй?

— Непремѣнно,—отвѣчаетъ:—надежнѣе: видишь, онъ весь сухой, кости въ одной кожѣ держатся и спиночка у него какъ лопата коробоная, по ней ни за что по всей ударъ не падетъ, а только мѣстечками, а самъ онъ, зри, какъ Бакшея спрехвала поливаетъ, не частитъ, а съ повадочкой, и плеть сразу не отхватываетъ, а подъ нею кожѣ напухать даетъ. Вонъ она отъ этого, спина-то, у Бакшея вся и вздулась и какъ котель поснибла, а крови нѣтъ и вся боль у него теперь въ тѣлѣ стоитъ, а у Чепкуна на худой спинѣ кожичка какъ на жареномъ поросенкѣ трещитъ, прорываетъ и оттого у него вся боль кровью сойдетъ и онъ Бакшея запоретъ. Понимаешь ты это теперь?

— Теперь,—говорю:—понимаю, и, точно, тутъ я всю эту азиатскую практику сразу понялъ и сильно ею заинтересовался: какъ въ такомъ случаѣ надо полезнѣе дѣйствовать?

— А еще самое главное,—указуетъ мой знакомецъ,—замѣчай, говорить,—какъ этотъ проклятый Чепкунъ хорошо мордой такту соблюдаетъ; видишь: стегнетъ и на отвѣтъ самъ вытерпитъ и соразмѣрно глазами хлопнетъ,—это легче, чѣмъ паять глаза, какъ Бакшей паять, и Чепкунъ зубы стиснулъ и губы прикусилъ, это тоже легче, оттого, что въ немъ черезъ эту замкнутость излишняго горѣнія внутри нѣтъ.

Я всё эти его любопытныя примѣты на умъ взялъ, и самъ вглядываюсь и въ Чепкуна, и въ Бакшея, и все мнѣ стало самому понятно, что Бакшей непременно свалится, потому что у него уже и глазища совсѣмъ обьостоломѣли и губы веревочкой собрались и весь оскаль открыли... И точно, глядимъ, Бакшей еще разъ двадцать Чепкуна стегануль и все разъ отъ разу слабѣе, да вдругъ брякъ назадъ и тѣвую Чепкунову руку выпустилъ, а свою правую все еще двигаетъ, какъ будто бьетъ, но уже безъ памяти, совсѣмъ въ обморокѣ. Ну, тутъ мой знакомый говоритъ:

«шабашъ: пропалъ мой двугривенный». Тутъ всѣ и татары заговорили, поздравляютъ Чепкуна, кричатъ:

— Ай, башка Чепкунъ Емгурчеевъ, ай, умнай башка— совсѣмъ пересѣкъ Бакшея, садись—теперь твоя кобыла.

И самъ ханъ Джангаръ всталъ съ кошмы и похаживаетъ, а самъ губами шлепаетъ и тоже говорить:

— Твоя, твоя, Чепкунъ, кобылица: садись, гони, на ней отдыхай.

Чепкунъ и всталъ: кровь струить по спинѣ, а ничего виду болѣзни не даетъ, положилъ кобылицѣ на спину свой халатъ и бешметъ, а самъ на нее брюхомъ вскинулся и такимъ манеромъ поѣхалъ, и мнѣ опять скучно стало.

— Вотъ, думаю, все это уже и окончилось, и мнѣ опять про свое положеніе въ голову полѣзеть; а мнѣ страхъ какъ не хотѣлось про это думать.

Но только, спасибо, мой тотъ знакомый человѣкъ говорить мнѣ:

— Подожди, не уходи, тутъ непременно что-то еще будетъ.

Я говорю:

— Чему же еще быть? все кончено.

— Нѣтъ,—говорить:—не кончено, ты смотри, говорить, какъ ханъ Джангаръ трубку жжетъ. Видишь, палить: это онъ непременно еще про себя что-нибудь думаетъ, самое азиатское.

Ну, а я себѣ думаю: ахъ, если еще чтò будетъ въ этомъ въ самомъ родѣ, то уже было бы только кому за меня заложиться, а уже я не спущу!

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

И что же вы изволите полагать? Все точно такъ и вышло, какъ мнѣ желалось: ханъ Джангаръ трубку палить, а на него изъ чищобы гонить еще татарченокъ и уже этотъ не на такой кобылицѣ, какую Чепкунъ съ мировой у Бакшея взялъ, а караковый жеребенокъ, какого и описать нельзя. Если вы видали когда-нибудь, какъ по межѣ въ хлѣбахъ птичка коростель бѣжитъ, — по-нашему, по-орловски, дергачъ зовется: крыла онъ растопырить, а задъ у него не какъ у прочихъ птицъ, не распространяется по воздуху, а внизъ виситъ и ноги книзу пустить, точно онъ ему не надобны, — настоящее, выходить, будто онъ ѣдетъ по воз-

духу. Вотъ и этотъ новый конь, на эту птицу подобно, точно не своей силой несся.

Истинно не солгу скажу, что онъ даже не легълъ, а только земли за нимъ сзади прибавлялось. Я этакой легкости сроду не видалъ и не зналъ, какъ сего конька и цѣнить, на какія сокровища и кому его обречь, какому королевичу, а уже тѣмъ паче никогда того не думалъ, чтобы этотъ конь мой сталъ.

— Какъ онъ вашъ сталъ? — перебили рассказчика удивленные слушатели.

— Такъ - съ, мой, по всѣмъ правамъ мой, но только на одну минуту, а какимъ манеромъ, извольте про это слушать, если угодно. Господа, по своему обыкновенію, начали и на эту лошадь торговаться и мой ремонтеръ, которому я дитя подарилъ, тоже встрялъ, а противъ нихъ, точно ровня имъ, взялся татаринъ Савакирей, этакой коротышъ, небольшой, но крѣпкій, верченый, голова бритая, словно точеная, и круглая, будто молодой кочашокъ крѣпонькій, а рожа какъ морковь красная, и весь онъ будто огородина какая здоровая и свѣжая. Кричить: что, говорить, по-пустому карманъ терять нечего, клади кто хочетъ деньги за руки сколько ханъ проситъ, и давай со мною пороться, кому конь достанется?

Господамъ, разумѣется, это не пристало, и они отъ этого сейчасъ въ сторону, да и гдѣ имъ съ этимъ татаринномъ сѣчься, онъ бы, поганый, ихъ всѣхъ перебилъ. А у моего ремонтера тогда уже и денегъ-то не очень густо было, потому онъ въ Пензѣ опять въ карты проигрался, а лошадь ему, я вижу, хочется. Вотъ я его сзади дернулъ за рукавъ, да и говорю: такъ и такъ, молъ, лишняго сулить не надо, а что ханъ требуетъ, то дайте, а я съ Савакиреемъ сяду потягаться на мировую. Онъ было не хотѣлъ, но я уприсиль, говорю:

— Сдѣлайте такую милость: мнѣ хочется.

Ну, такъ и сдѣлали.

— Вы съ этимъ татаринномъ... что же... сѣкли другъ друга?

— Да-съ, тоже такимъ манеромъ попоролись на мировую, и жеребенокъ мнѣ достался.

— Значитъ, вы татарина побѣдили?

— Побѣдилъ-съ не безъ труда, но пересилилъ его.

— Вѣдь это, должно быть, ужасная боль?

— Ммм... какъ вамъ сказать... да; вначалѣ есть-съ; и даже очень чувствительно, особенно потому, что безъ привычки, и онъ, этотъ Савакирей, тоже имѣлъ сноровку на опухъ бить, чтобы кровь не спускать, но я противъ этого его тонкаго искусства свою хитрую сноровку взялъ: какъ онъ меня хлобыснетъ, я самъ подъ нагайкой спиною поддерну и такъ приноровился, что сейчасъ шкуру себѣ и сорву, такимъ манеромъ и обезопасился, и самъ этого Савакирея заporоль.

— Какъ заporоли, неужто совершенно до смерти?

— Да-съ, онъ черезъ свое упорство да черезъ полнитуку такъ глупо себя допустилъ, что его больше и на свѣтѣ не стало,—отвѣчалъ добродушно и безстрастно рассказчикъ, и видя, что слушатели всѣ смотрятъ на него, если не съ ужасомъ, то съ нѣмымъ недоумѣніемъ, какъ-будто почувствовать необходимость пополнить свой рассказъ поясненіемъ.

— Видите,—продолжалъ онъ:—это стало не отъ меня, а отъ него, потому что онъ во всѣхъ Рынь-пескахъ первый батырь считался и черезъ эту амбицію ни за что не хотѣлъ мнѣ уступить, хотѣлъ благородно вытерпѣть, чтобы позора черезъ себя на азіатскую націю не положить, но сомнѣлъ, бѣднячокъ, и противъ меня не вытерпѣлъ, вѣрно потому, что я въ ротъ грошъ взялъ. Ужасно это помогаетъ, и я все его грызъ, чтобы боли не чувствовать, а для разсѣянности мыслей въ умѣ удары считалъ, такъ мнѣ и ничего.

— И сколько же вы насчитали ударовъ?—перебили рассказчика.

— А вотъ навѣрное этого сказать не могу-съ, помню, что я сосчиталъ до двѣсти до восемьдесятъ и два, а потомъ вдругъ покачнуло меня въ родѣ обморока, я и сбился на минуту и уже такъ безъ счета пуцалъ, но только Савакирей тутъ же вскорѣ послѣдній разокъ на меня замахнулся, а уже ударить не могъ, самъ какъ кукла на меня впередъ и ушалъ: посмотрѣли, а онъ мертвый... Тыфу, ты, дуракъ эдакій! до чего дотерпѣлся? Чуть я за него въ острогъ не попалъ. Татарва—тѣ ничего: ну, убилъ и убилъ: на то такія были кондиціи, потому что и онъ меня могъ засѣчь, но свои, наши русскіе, даже досадно какъ этого не понимаютъ, и взѣлись. Я говорю:

— Ну, вамъ чò такого? что вамъ за надобность?

— Какъ, говорятъ:—вѣдь ты азіата убилъ?

— Ну, такъ, что же, молъ, такое, что я его убилъ? Вѣдь это дѣло любовное. А развѣ лучше было бы, если бы онъ меня засѣкъ?

— Онъ, говорятъ,—тебя могъ засѣчь и ему ничего, потому что онъ иновѣръ, а тебя, говорятъ, по христіанству надо судить. Пойдемъ, говорятъ, въ полицію.

Ну, я себѣ думаю: ладно, братцы, судите вѣтра въ полѣ, а какъ по-моему полиція — нѣтъ ее ничего вреднѣе, то я сейчасъ шмыгъ за одного татарина, да за другого. Шепчу имъ:

— Спасайте, князья: сами видѣли, все это было на честномъ бою...

Они сжалились и пошли меня другъ за дружку перепихивать и скрыли.

— То-есть, позвольте... Какъ же они васъ *скрыли*?

— Совсѣмъ я съ ними бѣжалъ въ ихъ степи.

— Въ степи даже!

— Да-съ, въ самые Рынь-пески.

— И долго тамъ провели?

— Цѣлыя десять лѣтъ: двадцати трехъ лѣтъ меня въ Рынь-пески доставили, по тридцать четвертому году я оттуда назадъ убѣжалъ.

— Что же вамъ понравилось или нѣтъ въ степи жить?

— Нѣтъ-съ; что же тамъ можетъ нравиться?—скучно и больше ничего; а только раньше уйти нельзя было.

— Отчего же: держали васъ татары въ ямѣ, или караулили?

— Нѣтъ-съ, они добрые, они этого неблагородства со мною не допускали, чтобы въ яму сажать, или въ колодки, а просто говорятъ: ты намъ, Иванъ, будь пріятель; мы, говорятъ, тебя очень любимъ, и ты съ нами въ степи живи и полезнымъ человѣкомъ будь, — коней намъ лѣчи, и бабамъ помогай.

— И вы лѣчили?

— Лѣчилъ; я такъ у нихъ за лѣкаря и былъ, и самихъ ихъ, и скотину всю, и коней, и овецъ, всего больше жень ихнихъ, татарокъ, пользовалъ.

— Да вы развѣ умѣете лѣчить?

— Какъ бы вамъ это сказать... Да вѣдь въ этомъ ка-

кая же хитрость? Чѣмъ кто заболить—я сабуру дамъ, или калганнаго корня, и пройдетъ, а сабуру у нихъ много было, — въ Саратовѣ одинъ татаринъ цѣлый мѣшокъ на-шелъ и привезъ, да они до меня не знали, къ чему его опредѣлить.

— И обжились вы съ ними?

— Нѣтъ-съ, постоянно назадъ стремился.

— И неужто никакъ нельзя было уйти отъ нихъ?

— Нѣтъ-съ, отчего же, если бы у меня ноги въ своемъ видѣ оставались, такъ я навѣрно давно бы назадъ въ отечество ушелъ.

— А у васъ что же съ ногами случилось?

— Подштитненъ я былъ, послѣ перваго раза.

— Какъ это?.. Извините, пожалуйста, мы не совсѣмъ понимаемъ, что это значить, что вы были *подштитненъ*?

— Это у нихъ самое обыкновенное средство: если они кого полюбятъ и удержать хотятъ, а тотъ тоскуетъ, или попытается бѣжать, то и сдѣлаютъ съ нимъ, чтобы онъ не ушелъ. Такъ и мнѣ, послѣ того какъ я разъ попробовалъ уходить, да сбился съ дороги, они поймали меня и говорятъ: знаешь, Иванъ, ты, говорятъ, намъ будь пріятель и чтобы ты опять не ушелъ отъ насъ, мы тебѣ лучше пятки нарубимъ и малость щетинки туда пихнемъ, ну и испортили мнѣ такимъ манеромъ ноги, такъ что все время на карачкахъ ползалъ.

— Скажите, пожалуйста: какъ же они дѣлаютъ эту ужасную операцію?

— Очень просто-съ: повалили меня на землю человекъ десять и говорятъ: «ты кричи, Иванъ, погромче кричи, когда мы начнемъ рѣзать: тебѣ тогда легче будетъ», и сверхъ меня сѣли, а одинъ такой искусникъ изъ нихъ въ одну минуточку мнѣ на подошвахъ шкурку подрѣзалъ да рубленой коневьей гривы туда засыпалъ и опять съ этой подсышью шкурку завернулъ и стрункой зашилъ. Послѣ этого тутъ они меня, точно, дѣнь нѣсколько держали руки связавши, — все боялись, чтобы я себѣ ранъ не вредилъ и щетинку гноемъ не вывелъ; а какъ шкурка зажила и отпустили: теперь, говорятъ, здравствуй, Иванъ, теперь уже ты совсѣмъ нашъ пріятель и отъ насъ отсюда никогда не уйдешь.

Я тогда только всталъ на ноги, да и брякъ опять на

землю: волосъ-то этотъ рубленый, что подъ шкурой въ пятнахъ заросъ, такъ смертно больно въ живое мясо кололся, что не только шагу ступить невозможно, а даже устоять на ногахъ средства нѣтъ. Сроду я не плакивалъ, а тутъ даже въ голосъ заголосилъ:

— Что же это, говорю, вы со мною, азіаты проклятые, устроили? Вы бы меня лучше, аспиды, совсѣмъ убили, чѣмъ этакъ цѣлый вѣкъ такимъ калѣкой быть, что ступить не могу.

А они говорятъ:

— Ничего, Иванъ, ничего, что ты по пустому дѣлу обижаешься.

— Какое же, говорю, — это пустое дѣло, такъ человѣка испортить, да еще чтобы не обижаться?

— А ты, говорятъ, — присноровись, прямо-то на слѣдки не наступай, а раскорячкомъ на косточкахъ ходи.

— Тѣфу, вы подлецы! — думаю я себѣ, и отъ нихъ отвернулся и говорить не сталъ, и только порѣшилъ себѣ въ своей головѣ, что лучше уже умру, а не стану, молъ, по вашему совѣту раскорякою на щиколоткахъ ходить; но потомъ полежалъ-полежалъ, — скука смертная одолѣла и сталъ присноравливаться и мало-по-малу пошелъ на щиколоткахъ ковылять. Но только они надо мной черезъ это нисколько не смѣялись, а еще говорили:

— Вотъ и хорошо, и хорошо, Иванъ, ходишь.

— Экое несчастіе, и какъ же вы это пустились уходить и опять попались?

— Да невозможно-съ; степь ровная, дорогъ нѣтъ и ѣсть хочется... Три дня шелъ, ослабѣлъ не хуже лиса, руками какую-то птицу поймалъ и сырую ее съѣлъ, а тамъ опять голодь и воды нѣтъ... Какъ идти?.. Такъ и упалъ, а они отыскали меня и взяли и подщитинили.

Нѣкто изъ слушателей замѣтилъ по поводу этого подщитиванья, что вѣдь это должно быть изъ рукъ вонъ неловко ходить на щиколоткахъ.

— По первоначалу даже очень нехорошо, — отвѣчалъ Иванъ Северьянычъ: — да и потомъ хоть я изловчился, а все много пройти нельзя. Но только зато они, эта татарва, не стану лгать, обо мнѣ съ этихъ поръ хорошо печались:

— Теперь, говорятъ, тебѣ, Иванъ, самому трудно быть: тебѣ ни воды принести, ни что прочее для себя сготовить

неловко. Бери, говорятъ, братъ, себѣ теперь Наташу, — мы тебѣ хорошую Наташу дадимъ, какую хочешь выбирай.

Я говорю:

— Что мнѣ ихъ выбирать: одна въ нихъ во всѣхъ польза. Давайте какую попало. Ну, они меня сейчасъ безъ спора и женили.

— Какъ! женили васъ на татаркѣ?

— Да-съ; разумѣется, на татаркѣ. Сначала на одной того самаго Савакирея женѣ, котораго я пересѣкъ, только она, эта татарка, вышла совсѣмъ мнѣ не по вкусу: благая какая-то и все какъ будто очень меня боялась и нимало меня не веселила. По мужу, что ли, она скучала, или такъ къ сердцу ей что-то подступало. Ну, такъ они замѣтили, что я ею сталъ отягощаться и сейчасъ другую мнѣ привели, эта маленькая была дѣвочка, не болѣе, какъ всего годовъ тринадцати... Сказали мнѣ:

— Возьми, Иванъ, еще эту Наташу, эта будетъ утѣшнѣе. Я и взялъ.

— И что же: эта точно была для васъ утѣшнѣе?—спросили слушатели Ивана Северьяныча.

— Да, — отвѣчалъ онъ: — эта вышла поутѣшнѣе, только порою, бывало, веселить, а порою тѣмъ докучаетъ, что балуется.

— Какъ же она баловалась?

— А разно... Какъ ей, бывало, вздумается; на котѣни, бывало, вскочитъ; либо спишь, а она съ головы тюбетейку ногой сконнетъ, да закинетъ куда попало, а сама смѣется. Станешь на нее грозиться, а она хохочетъ, заливается, да какъ русалка бѣгать почнетъ, ну, а мнѣ ее на карачкахъ не догнать, — шленишься, да и самъ разсмѣешься.

— А вы тамъ въ степи голову брили и носили тюбетейку?

— Бриль-съ.

— Для чего же это? вѣрно хотѣли нравиться вашимъ женамъ?

— Нѣтъ-съ; больше для опрятности, потому что тамъ бань нѣтъ.

— Такимъ образомъ у васъ, значить, за разъ было двѣ жены?

— Да-съ; въ этой степи двѣ; а потомъ у другого хана, у Агашимолы, кой меня угонилъ отъ Отучева, мнѣ еще двѣ дали.

— Позвольте же, — запыталъ опять одицъ изъ слушателей: — какъ же васъ могли угнать?

— Подвохомъ-съ. Я вѣдь изъ Пензы бѣжалъ съ татарвою Чепкуна Емгурчеева и лѣтъ пять подъ-рядъ жилъ въ емгурчеевской ордѣ и тутъ съѣзжались къ нему на радости всѣ князья и уланы, и шихъ-зады, и *мало-зады, и бывалъ ханъ Джангаръ и Бакшей Отучевъ.

— Это котораго Чепкунъ съкъ?

— Да-съ, тотъ самый.

— Какъ же это... развѣ Бакшей на Чепкуна не сердился?

— За что же?

— За то, что онъ такъ поролъ его и лошадь у него отбилъ?

— Нѣтъ-съ, они никогда за это другъ на друга не сердятся: кто кого по любовному уговору перебьетъ, тотъ и получай, и больше ничего; а только ханъ Джангаръ мнѣ, точно, одинъ разъ выговаривалъ... эхъ, говоритъ, Иванъ, эхъ, глухая твоя башка, Иванъ, зачѣмъ ты съ Савакиреюмъ за русскаго князя сѣлся сѣлъ, — я, говоритъ, было хотѣлъ смѣяться, какъ самъ князь рубаха долой будетъ снимать.

— Никогда бы, отвѣчаю ему, ты этого не дождалъ.

— Отчего?

— Оттого, что наши князья, говорю, — слабодушные и не мужественные, и сила ихъ самая ничтожная.

Онъ — понять.

— Я такъ, говоритъ, — и видѣлъ, что изъ нихъ, говоритъ, настоящихъ охотниковъ нѣтъ, а все только если, что хотять получить, такъ за деньги.

— Это, молъ, вѣрно: они безъ денегъ ничего не могутъ.

— Ну, а Агашимола, онъ изъ дальней орды былъ, гдѣ-то надъ самымъ Каспиемъ его косяки ходили, онъ очень лѣчиться любилъ и позвалъ меня свою ханшу попользовать и много головъ скота за то Емгурчейю обѣщалъ. Емгурчей меня къ нему и отпустилъ: набралъ я съ собою сабуру и калганнаго корня и поѣхалъ съ нимъ. А Агашимола какъ взялъ меня, да и гайда, въ сторону со всѣмъ кочемъ, во-семь дней въ сторону скакали.

— И вы верхомъ ѣхали?

— Верхомъ-съ.

— А какъ же ваши ноги?

— А что же такое?

— Да волосъ-то рубленый, который у васъ въ пяткахъ былъ, развѣ онъ васъ не беспокоилъ?

— Ничего; это у нихъ хорошо приноровлено: они эдакъ кого волосомъ подщетируютъ, тому хорошо ходить нельзя, а на конѣ такой подщетенный человѣкъ еще лучше обыкновеннаго сидитъ, потому что онъ, раскорякой ходючи, всегда ноги колесомъ привыкаетъ держать, и коня какъ обручемъ ими обтянетъ такъ, что ни за что его долой и не сбить.

— Ну и что же съ вами далѣе было въ новой степи у Агашимолы?

— Опять и еще жесточе погибалъ.

— Но не погибли?

— Нѣтъ-съ, не погибъ.

— Сдѣлайте же милость, расскажите: что вы дальше у Агашимолы вытерпѣли.

— Извольте.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Какъ Агашимолова татарва пригонили со мной на становище, такъ и гайда на другое на новое мѣсто пошли и уже не выпустили меня.

— Что, говорятъ,—тебѣ тамъ, Иванъ, съ Емгурчевыми жить,—Емгурчей воръ, ты съ нами живи, мы тебя съ охотой уважать будемъ и хорошихъ Наташъ тебѣ дадимъ. Тамъ у тебя всего двѣ Наташи было, а мы тебѣ больше дадимъ.

Я отказался:

— На что, говорю, мнѣ ихъ больше? мнѣ больше не надо.

— Нѣтъ, говорятъ,—ты не понимаешь: больше Наташъ лучше: онѣ тебѣ больше Колекъ нарожаютъ, всѣ тебя тяткой кричать будутъ.

— Ну, говорю, легко ли мнѣ обязанность татарчать воспитывать. Кабы ихъ крестить и причащать было кому, другое бы еще дѣло, а то что же: сколько я ихъ ни умножу, всѣ они ваши же будутъ, а не православные, да еще и обманывать мужиковъ станутъ какъ вырастутъ. Такъ двухъ женъ опять взялъ, а больше не принялъ, потому что если много бабъ, такъ онѣ хоть и татарки, но ссорятся, поганья, и ихъ надо постоянно учить.

— Ну-съ, и что же, любили вы этихъ вашихъ новыхъ женъ?

— Какъ-съ?

— Этихъ новыхъ женъ своихъ вы любили?

— Любить?.. Да, то-есть вы про это? ничего, одна, что я отъ Агашимолы принялъ, была до меня услужлива, такъ я ее ничего... сожалѣлъ.

— А ту дѣвочку, что прежде молоденькая-то такая у васъ въ женахъ была? она вамъ, вѣрно, больше нравилась?

— Ничего; я и ее жалѣлъ.

— И скучали навѣрно по ней, когда васъ изъ одной орды въ другую украли?

— Нѣтъ; скучать не скучалъ.

— Но вѣдь у васъ, вѣрно, и тамъ отъ тѣхъ отъ первыхъ женъ дѣти были?

— Какъ же-съ, были: Савакиреева жена родила двухъ Колекъ да Наташку, да эта маленькая въ пять лѣтъ шесть штукъ породила, потому что она двухъ Колекъ въ одинъ разъ парюю принесла.

— Позвольте, однако, спросить васъ: почему вы ихъ все такъ называете «Кольками» да «Наташками»?

— А это по-татарски. У нихъ все: если взрослый русскій человѣкъ такъ *Иванъ*, а женщина *Наташа*, а мальчиковъ они *Кольками* кличутъ, такъ и моихъ женъ, хоть онѣ и татарки были, но по мнѣ ихъ все уже русскими числили и Наташками звали, а мальчишекъ Кольками. Однако, все это, разумѣется, только поверхностно, потому что они были безъ всѣхъ церковныхъ таинствъ и я ихъ за своихъ дѣтей не почиталъ.

— Какъ же не почитали за своихъ? почему же это такъ?

— Да что же ихъ считать, когда они не крещенные-съ, и муромъ не мазаны.

— А чувства-то ваши родительскія?

— Что же такое-съ?

— Да неужто же вы этихъ дѣтей нимаго и не любили, и не ласкали ихъ никогда?

— Да вѣдь какъ ихъ ласкать? Разумѣется, если, бывало, какъ одинъ сидишь, а который-нибудь подбѣжитъ, ну, ничего, по головкѣ его рукой поведешь, поглядишь и скажешь ему «стунай къ матери», но только это рѣдко доводилось, потому мнѣ не до нихъ было.

— А отчего же не до нихъ: дѣла, что ли, у васъ очень много было?

— Нѣтъ-съ; дѣла никакого, а тосковалъ: очень домой въ Россію хотѣлось.

— Такъ вы и въ десять лѣтъ не привыкли къ степямъ?

— Нѣтъ-съ, домой хочется... тоска дѣлалась. Особенно по вечерамъ, или даже когда среди дня стоитъ погода хорошая, жарынь, въ стану тихо, вся татарва отъ зною попадаетъ по шатрамъ и спитъ, а я подниму у своего шатра полочку и гляжу на степи... въ одну сторону и въ другую—все одинаково... Знойный видъ, жестокій; просторъ—краю нѣтъ; травы, буйство; ковыль бѣлый, пушистый, какъ серебряное море волнуется и по вѣтерку запахъ несетъ: овдой пахнетъ, а солнце обливаетъ, жжетъ, и степи, словно жизни тягостной, нигдѣ конца не предвидится и тутъ глубинѣ тоски дна нѣтъ... Зришь, самъ не знаешь куда, и вдругъ предъ тобой отколъ ни возьмется обозначается монастырь, или храмъ и вспомнишь крещеную землю и заплачешь.

Иванъ Северьянычъ остановился, тяжело вздохнулъ отъ воспоминанія и продолжалъ:

— Или еще того хуже было на солончакахъ надъ самымъ надъ Каспіемъ; солнце рдѣетъ, печетъ и солончакъ блеститъ и море блеститъ... Одурѣніе отъ этого блеску даже хуже чѣмъ отъ ковыля дѣлается и не знаешь тогда, гдѣ себя, въ какой части свѣта числить, то-есть живъ ты или уже умеръ и въ безнадежномъ аду за грѣхи мучишься. Тамъ, гдѣ степь ковылистѣе, она все-таки радостнѣй; тамъ хоть по уваламъ кое-гдѣ изрѣдка шалфей сизѣетъ, или мелкій полынь и чабрецъ пестритъ бѣлизну! а тутъ все одно блыщаніе... Тамъ, гдѣ-нибудь огонь паломъ по травѣ поидетъ, — суета поднимется: дрохвы летятъ, стрепеты, кулики степные и охота на нихъ затѣется. Тудаковъ этихъ, или по здѣшнему драхвовъ, на коняхъ заѣзжаемъ и длинными кнутьями засѣкаемъ; а тамъ, гляди, надо и самимъ съ коня отъ огня бѣжать... Все отъ этого развлеченіе. А потомъ по старому палу опять клубника засядетъ; птица на нее разная налетитъ, все больше мелочь этакая и поидетъ въ воздухъ чириканье... А потомъ еще гдѣ-нибудь и кустики встрѣтишь: таволожка, дикій персичекъ, или чилизникъ... И когда на восходѣ солнца туманъ рососо садится, будто прохладой пахнетъ и идутъ отъ растенія запахи... Оно, разумѣется, и при всемъ этомъ скучно, но все еще перенестъ можно, но на солончакѣ не приведи Господи ни-

кому долго побывать. Конь тамъ одно время бываетъ доволенъ: онъ соль лижетъ и съ нея много пьетъ и жирѣетъ, но человѣку тамъ—погибель. Живности даже никакой нѣтъ, только и есть, какъ на смѣхъ, одна малая птичка, красноустикъ, въ родѣ нашей ласточки, самая непримѣчательная, а только у глубокаго этакая оторочка красная. Зачѣмъ она къ этимъ морскимъ берегамъ летитъ—не знаю, но какъ съѣсть ей постоянно здѣсь не на что, то она упадетъ на солончакъ, полежитъ на своей хлупи и, глядишь, опять схватилась и опять полетѣла, а ты и сего лишенъ, ибо крыльевъ нѣтъ, и ты снова здѣсь, и нѣтъ тебѣ ни смерти, ни живота, ни покаянія, а умрешь, такъ какъ барана тебя въ соль положить, и лежи до конца свѣта солониною. А еще и этого тошнѣ зимою на тюбенькѣ; снѣгъ малый, только чуть траву укроетъ и залубенить—татары тогда все въ юртахъ надъ огнемъ сидятъ, курятъ... И вотъ тутъ они со скуки тоже часто между собою порются. Тогда выйдешь и глянуть не на что: кони нахохлятся и ходятъ свернувшись, худые такіе, что только хвосты да гривы развѣваются. Насилу ноги волочатъ и копытомъ снѣжный насть разгребаютъ и мерзлую травку гложутъ, тѣмъ и питаются, — это и называется *тюбенькуютъ*... Несносно. Только и разсѣянія, что если замѣчаютъ, что какой конь очень ослабѣлъ и тюбеньковать не можетъ, — снѣгу копытомъ не пробиваетъ и мерзлаго корня зубомъ не достаетъ, то такого сейчасъ въ горло ножомъ колютъ и шкуру снимаютъ, а мясо ѣдятъ. Препоганое, однако, мясо: сладкое, все равно въ родѣ какъ коровье вымя, но жесткое: отъ нужды, разумѣется, ѣшь, а самого мутить. У меня, спасибо, одна жена умѣла еще коневьи ребра коптить: возьметъ какъ есть коневье ребро, съ мясомъ съ обѣихъ сторонъ, да въ большую кишку всунетъ и надъ очагомъ выкоптитъ. Это еще ничего, сходнѣе ѣсть можно, потому что оно, по крайней мѣрѣ, запахомъ въ родѣ ветчины отдаетъ, но а на вкусъ все равно тоже поганое. И тутъ-то этакую гадость гложешь и вдругъ вздумашь: эхъ, а дома у насъ теперь въ деревнѣ къ празднику утокъ, моль, и гусей щипать, свиней рѣжутъ, щи съ зашеинной варятъ жирныя-прежирныя, и отецъ Илья, нашъ священникъ, добрый-предобрый старичокъ, теперь скоро пойдетъ онъ Христа славить и съ нимъ дяки, попады и дячихи идутъ и съ семинаристами, и всѣ навеселѣ, а самъ отецъ

Илья много пить не можетъ: въ господскомъ домѣ ему дворецкій рюмочку поднесетъ; въ конторѣ тоже управитель съ нянькой вышлетъ, попотчуетъ, отецъ Илья и раскиснетъ и ползетъ къ намъ на дворню, совсѣмъ чуть ножки волочить пьяненькій: въ первой съ краю избѣ еще какъ-нибудь рюмочку прососетъ, а тамъ ужъ болѣе не можетъ и все подъ ризой въ бутылочку сливаетъ. Такъ это все у него семейственно, даже въ разсужденіи кушанья, онъ если что посмачнѣ изъ съѣстного увидитъ, проситъ: «дайте, говорить, мнѣ въ газетную бумажку, я съ собой заверну». Ему обыкновенно скажутъ: «нѣту, молъ, батюшка, у насъ газетной бумаги», онъ не сердится, а возьметъ такъ просто и, не завернувши, своей попадейкѣ передать и дальше столъ же мирно пойдетъ. Ахъ, судари, какъ это все съ дѣтства памятное житье пойдетъ вспоминаться, и понапретъ на душу и станетъ вдругъ загнетать на печеняхъ, что гдѣ ты пропадаешь, ото всего этого счастья отлучень и столько лѣтъ на духу не былъ, и живешь невѣнчанный и умрешь неотпѣтый, и охватитъ тебя тоска, и... дожدهшься ночи, выползешь потихоньку за ставку, чтобы ни жены, ни дѣти и никто бы тебя изъ поганыхъ не видалъ, и начнешь молиться... и молишься,—такъ молишься, что даже слѣзь инда подъ колѣнами протаетъ и гдѣ слезы падали—утромъ травку увидишь.

Разсказчикъ умолкъ и поникъ головою. Его никто не тревожилъ; казалось, всѣ были проникнуты уваженіемъ къ святой скорби его послѣднихъ воспоминаній; но прошла минута и Иванъ Северьянычъ самъ вздохнулъ, какъ рукой махнулъ; снялъ съ головы своей монастырскій колпачокъ и, перекрестясь, молвилъ.

— А все прошло, слава Богу!

Мы дали ему немножко поотдохнуть и дерзнули на новые вопросы о томъ, какъ онъ, нашъ очарованный богатырь, выправилъ свои попорченные волосяною сѣчкою пятки и какими путями онъ уѣзжалъ изъ татарской степи отъ своихъ Наташекъ и Колекъ и попалъ въ монастырь?

Иванъ Северьянычъ удовлетворилъ это любопытство съ полною откровенностью, измѣняя которой онъ, очевидно, былъ вовсе не способенъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Дорожа послѣдовательностью въ развитіи заинтересовавшей насъ исторіи Ивана Северьяновича, мы просили его прежде всего рассказать, какими необыкновенными средствами онъ избавился отъ своей шетинки и ушелъ изъ плѣна? Онъ повѣдалъ объ этомъ слѣдующее сказаніе:

— Я совершенно отчаялся когда-нибудь вернуться домой и увидать свое отечество. Помышленіе объ этомъ даже мнѣ казалось невозможнымъ и стала даже во мнѣ самая тоска замирать. Живу, какъ статуя безчувственный, и больше ничего; а иногда думаю: что вотъ же, молъ, у насъ дома въ церкви этотъ самый отецъ Илья, который все газетной бумажки проситъ, бывало, на служеніи молится «о плавающихъ и путешествующихъ, страждущихъ и *плѣнныхъ*», а я, бывало, когда это слушаю, все думаю: зачѣмъ? развѣ теперь есть война, чтобы о плѣнныхъ молиться? А вотъ теперь и понимаю, зачѣмъ этакъ молятся, но не понимаю, отчего же мнѣ отъ всѣхъ этихъ молитвъ никакой пользы нѣтъ и, по малости сказать, хоша не невѣрую, а смущаюсь и самъ молиться не сталъ.

— Что же, думаю, молить, когда ничего оттого не выходитъ.

А между тѣмъ вдругъ однажды слышу-послышу татарва что-то сумятица.

Я говорю:

— Что такое?

— Ничего, говорятъ, — изъ вашей стороны два муллы пришли, отъ Бѣлаго Царя охранный листъ имѣютъ и далеко идуть свою вѣру уставлять.

Я бросился: говорю:

— Гдѣ они?

Мнѣ показали на одну юрту, я и пошелъ туда, куда показали. Прихожу и вижу тамъ собрались много шихъ-задовъ и мало-задовъ, имамовъ и дербышей, и всѣ, поджавъ ноги, на кошмахъ сидятъ, а посреди ихъ два человѣка незнакомые, одѣты хотя и по-дорожному, а видно, что духовнаго званія: стоять оба посреди этого сброда и слову Божьему татаръ учать.

Я ихъ какъ увидаль, взрадовался, что русскихъ вижу, и сердце во мнѣ затрепетало и упалъ я имъ въ ноги и за-

рыдалъ. Они тоже этому моему поклону обрадовались и оба воскликнули:

— А что? а что? видите! видите? какъ дѣйствуетъ благодать, вотъ она уже одного вашего коснулась, и онъ обращается отъ Магомета.

А татары отвѣчаютъ, что это, молъ, ничего не дѣйствуетъ: это — вашъ Иванъ, онъ изъ вашихъ, изъ русскихъ, только въ плѣну у насъ здѣсь проживаетъ.

Миссіонеры очень этимъ недовольны сдѣлались. Не вѣрять, что я русскій, а я и встрялъ самъ:

— Нѣтъ, — я говорю, — я, точно, русскій! Отцы, говорю, духовные! смилуйтесь, выручите меня отсюда! я здѣсь уже одиннадцатый годъ въ плѣну томлюсь и видите, какъ изувѣченъ: ходить не могу.

Они, однако, нисколько на эти мои слова не уважили и отвернулись и давай опять свое дѣло продолжать: все проповѣдуютъ.

Я думаю: ну что же на это роптать: они люди должностные и, можетъ-быть, имъ со мною неловко иначе при татарахъ обойтись и оставить, а выбралъ такой часъ, что они были одни въ особливой ставкѣ, и кинулся къ нимъ, и уже со всею откровенностью имъ все рассказалъ, что самую жестокою участь претерпѣваю и прошу ихъ.

— Попугайте, — говорю, — ихъ, отцы благодѣтели, нанимъ батюшкой Бѣлымъ Царемъ: скажите имъ, что онъ не велитъ азіатамъ своихъ подданныхъ насильно въ плѣну держать, или, еще лучше, выкупъ за меня имъ дайте, а я вамъ служить пойду. Я, говорю, здѣсь живучи, ихнему татарскому языку отлично научился и могу вамъ полезнымъ человекомъ быть.

А они отвѣчаютъ:

— Что, говорятъ, сыне: выкупу у насъ нѣтъ, а пугать, — говорить, — намъ невѣрныхъ не позволено, потому что и безъ того люди лукавые и непреданные, и съ ними изъ политики мы вѣжливость соблюдаемъ.

— Такъ что же, говорю: стало-быть мнѣ изъ-за этой политики такъ тутъ цѣлый вѣкъ у нихъ и пропадать?

— А что же, говорятъ, — все равно, сыне, гдѣ пропадать, а ты молись: у Бога много милости, можетъ-быть Онъ тебя и избавить.

— Я, моль, молился, да уже силъ моихъ нѣтъ и упованіе отложило.

— А ты, говорятъ, — не отчаивайся, потому что это большой грѣхъ!

— Да я, говорю, — не отчаиваюсь, а только... какъ же вы это такъ... мнѣ это очень обидно, что вы, русскіе и земляки, и ничего пособить мнѣ не хотите.

— Нѣтъ, отвѣчаютъ, — ты, чадо, насъ въ это не мѣшай, мы во Христѣ, а во Христѣ нѣтъ ни еллинъ, ни жидъ: наши земляки всѣ послушенствующіе. Намъ всѣ равны, всѣ равны.

— Всѣ? — говорю.

— Да, — отвѣчаютъ: — всѣ, это наше наученіе отъ апостола Павла. Мы куда приходимъ, не ссоримся... это намъ не подобаешь. Ты рабъ и, что дѣлать, терпи, ибо и по апостолу Павлу, — говорятъ, — рабы должны повиноваться. А ты помни, что ты христіанинъ и потому о тебѣ намъ уже хлопотать нечего, твоей душѣ и безъ насъ врата въ рай уже отверсты, а эти во тѣмѣ будутъ, если мы ихъ не присоединимъ, такъ мы за нихъ должны хлопотать.

И показываютъ мнѣ книжку:

— Вотъ вѣдь, — говорятъ, — видишь сколько здѣсь у насъ человѣкъ въ этомъ реестрѣ записано, — это все мы столько людей къ нашей вѣрѣ присоединили!

Я съ ними больше и говорить не сталъ и не видѣлъ ихъ больше, какъ окромя одного, и то случаемъ: пригонилъ отколь-то разъ одинъ мой сынишка и говоритъ:

— У насъ на озерцѣ, тятка, человѣкъ лежитъ.

Я пошелъ посмотрѣть: вижу, на ногахъ съ колѣнъ чулки содраны, а съ рукъ по локти перчатки сняты, татарва это искусно дѣлають, обчертить да дернуть, такъ шкуру и снять, — а голова этого человѣка въ сторонкѣ валяется и на лбу крестъ вырѣзанъ.

— Эхъ, думаю: — не хотѣлъ ты за меня, землякъ, хлопотать и я тебя осуждалъ, а ты вотъ сподобился и вѣнецъ страданія пріялъ. Прости меня теперь ради Христа!

И взялъ я его перекрестилъ, сложилъ его головку съ туловищемъ, поклонился до земли и закопалъ, и «Святый Боже» надъ нимъ пропѣлъ, — а куда другой его товарищъ дѣлся, такъ и не знаю; но только тоже вѣрно онъ тѣмъ же кончилъ, что вѣнецъ пріялъ, потому что у насъ послѣ по

ордѣ у татарокъ очень много образковъ пошло, тѣхъ самыхъ, что съ этими миссіонерами были.

— А эти миссіонеры даже и туда въ Рынь-пески заходятъ?

— Какъ же-съ, они ходятъ, но только все безъ пользы безъ всякой.

— Отчего же?

— Обращаться не знаютъ какъ. Азіата въ вѣру приводить надо со страхомъ, чтобы онъ трясся отъ перепуга, а они имъ Бога смирнаго проповѣдываютъ. Это по первоначально никакъ не годится, потому что азіатъ смирнаго Бога безъ угрозы ни за что не уважить и проповѣдниковъ побьетъ.

— А главное, надо полагать, идучи къ азіатамъ, денегъ и драгоценностей не надо при себѣ имѣть.

— Не надо-съ; а впрочемъ, все равно они не повѣрятъ, что кто-нибудь пришелъ, да ничего при себѣ не принесъ; подумаютъ, что гдѣ-нибудь въ степи закопалъ и пытаться стануть и запытаютъ.

— Вотъ разбойники!

— Да-съ; такъ было при мнѣ съ однимъ жидовиномъ: старый жидовинъ не вѣсть откуда пришелъ, и тоже о вѣрѣ говорилъ. Человѣкъ хороший и видно къ вѣрѣ своей усердный и весь въ такихъ лохмоткахъ, что вся плоть его видна, а сталъ говорить про вѣру, такъ даже кажется никогда бы его не пересталъ слушать. Я съ нимъ по первоначально было спорить зачалъ, что какая же, молъ, ваша вѣра, когда у васъ святыхъ нѣтъ, но онъ говоритъ: есть, и началъ по талмуду читать, какіе у нихъ бывають святые... очень занятно, а тотъ талмудъ, говоритъ, написалъ раввинъ Іовозбенъ Леви, который былъ такой ученый, что грѣшные люди на него смотрѣть не могли; какъ взглянули, сейчасъ всѣ умирали, черезъ что Богъ позвалъ его передъ самого себя и говоритъ: «Эй, ты, ученый раввинъ, Іовозбенъ Леви! то хорошо, что ты такой ученый, но только то нехорошо, что чрезъ тебя всѣ мои жидки могутъ умирать. Не на то, говоритъ, я ихъ съ Моисеемъ черезъ степь перегналъ и черезъ море переправилъ. Пошелъ-ну ты за это вонъ изъ своего отечества и живи тамъ, гдѣ бы тебя никто не могъ видѣть». — А раввинъ Леви какъ пошелъ, то ударился до самаго до того мѣста, гдѣ былъ рай, и зарылъ себя тамъ въ

песокъ по самую шею и пребывавъ въ песокѣ тринадцать лѣтъ, а хотя же и былъ засыпанъ по шею, но всякую субботу приготовлялъ себѣ агнца, который былъ печенъ огнемъ, съ небеси нисходящимъ. И если комаръ или муха ему садилась на носъ, чтобы пить его кровь, то они тоже сейчасъ были пожираемы небеснымъ огнемъ... Азіатамъ это очень понравилось про ученаго раввина, и они долго сего жидовина слушали, а потомъ пристушили къ нему и стали его допрашивать: гдѣ онъ, идучи къ нимъ, свои деньги закопалъ? Жидовинъ батюшки-какъ клялся, что денегъ у него нѣтъ, что его Богъ безо всего послалъ съ одной мудростью, ну, однако, они ему не повѣрили, а сгребли уголья, гдѣ костеръ горѣлъ, разостлали на горячую золу коневью шкуру, положили на нее и стали потряхивать. Говори имъ, да говори: гдѣ деньги? А какъ видятъ, что онъ весь почернѣлъ и голосу не подаетъ:

— Стой,—говорятъ:—давай мы его по горло въ песокъ закопаемъ: можетъ быть ему отъ этого проходитъ.

И закопали, но, однако, жидовинъ такъ закопанный и померъ, и голова его долго потомъ изъ песку чернѣлась, но дѣти ее стали пужаться, такъ срубили ее и въ сухой колодець кинули.

— Вотъ тебѣ и проповѣдуй имъ!

— Да-съ; очень трудно, но а деньги у этого жидовина все-таки вѣдь были.

— Были?!

— Были-съ; его потомъ волки тревожить стали и шакалки и всего по кусочкамъ изъ песку повытаскали и, наконецъ, добрались и до обуви. Тутъ сапожонки растормошили, а изъ подметки семь монетъ выкатились. Нашли ихъ потомъ.

— Ну, а какъ же вы-то отъ нихъ вырвались?

— Чудомъ спасенъ.

— Кто же это чудо сдѣлалъ, чтобы васъ избавить?

— Талафа.

— Это кто же такой, этотъ Талафа: тоже татаринъ?

— Нѣтъ-съ; онъ другой породы, индійской, и даже не простой индѣецъ, а ихній богъ, на землю сходящій.

Упрощенный слушателями, Иванъ Северьянычъ Флягинъ рассказалъ нижеслѣдующее объ этомъ новомъ актѣ своей житейской драмо-комедии.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

— Послѣ того, какъ татары нашихъ мисанеровъ избавились, опять прошелъ безъ мала годъ и опять была зима и мы перегнали косяки тюбеньковать на сторону поужнѣ къ Каспію и тутъ вдругъ одного дня передъ вечеромъ пригнали къ намъ два человѣка, ежели только можно ихъ за человѣковъ считать. Кто ихъ знаетъ, какіе они и откуда и какого рода и званія. Даже языка у нихъ никакого настоящаго не было, ни русскаго, ни татарскаго, а говорили слово по-нашему, слово по-татарски, а то промежь себя не вѣсть по-каковски. Оба не старые, одинъ черный, съ большой бородой, въ халатъ, будто и на татарина похожъ, но только халатъ у него не пестрый, а весь красный и на башкѣ острая персіанская шапка, а другой рыжій, тоже въ халатъ, но этакій штуковатый: все ящички какіе-то при себѣ имѣлъ и сейчасъ, чуть ему время есть, что никто на него не смотритъ, онъ съ себя халатъ долой сниметъ и остается въ однихъ штанцахъ и въ курточкѣ, а эти и штанцы и курточка по такому шиты, какъ въ Россіи на заводахъ у какихъ-нибудь нѣмцевъ бываетъ. И все онъ, бывало, въ этихъ ящичкахъ что-то вертитъ да перебираетъ, а что такое у него тамъ содержалось—лихо его вѣдаетъ. Говорили, будто изъ Хивы пришли коней закупать и хотятъ тамъ у себя дома съ кѣмъ-то войну дѣлать, а съ кѣмъ — не называютъ, но только все татарву противъ русскихъ подущаютъ. Слышу я — этотъ рыжій — говоритъ онъ много не умѣетъ, а только выговоритъ въ родѣ какъ по-русски «натшальникъ» и плюнетъ; но денегъ съ ними при себѣ не было, потому что они, азіаты, это знаютъ, что если съ деньгами въ степь пріѣхать, то оттолъ уже съ головой на плечахъ не выйдешь, а манули они нашихъ татаръ, чтобы имъ косяки коней на ихъ рѣку, на Дарью, перегнать, и тамъ расчетъ сдѣлать. Татарва и туда, и сюда мыслями разсѣялись, и не знаютъ: согласиться на это, или нѣтъ? Думаютъ, думаютъ, словно золото копаютъ, а видно чего-то боятся.

А тѣ ихъ то честью уговаривали, а потомъ тоже и пугать начали:

— Гоните, — говорятъ: — а то вамъ худо можетъ быть: у насъ есть богъ Талафа и онъ съ нами свой огонь прислалъ. Не дай Богъ какъ разсердится.

Татары того бога не знают и сомнѣваются, что онъ имъ сдѣлать можетъ въ степи, зимою, съ своимъ огнемъ, — ничего. Но этотъ чернобородый, который изъ Хивы прѣхалъ въ красномъ халатѣ, говоритъ, что если, говоритъ, вы сомнѣваетесь, то Талафа вамъ сею же ночью свою силу покажетъ, только вы, говоритъ, если что увидите или услышите, наружу не высказывайте, а то онъ сожжетъ. Разумѣется, всѣмъ это среди скуки степной, зимней, ужасть какъ интересно, и всѣ мы хотя немножко этой ужастии боимся, а рады посмотреть: что такое отъ этого индѣйскаго бога будетъ; чѣмъ онъ, какимъ чудомъ проявится?

Позабрались мы съ женами и съ дѣтьми подѣ ставки рано и ждемъ... Все темно и тихо, какъ и во всякую ночь, только вдругъ, такъ въ первый сонъ, я слышу, что будто въ степи что-то какъ выюга пришипѣло и хлопнуло, и сквозь сонъ мнѣ показалось, будто съ небесъ искры посыпались.

Схватился я, гляжу и жены мои ворочаются и ребята заплакали.

Я говорю:

— Цыть! затените имъ глотки, чтобы сосали и не плакали.

Тѣ зашмокали и стало опять тихо, а въ темной степи вдругъ опять вверхъ огонь зашипѣлъ... зашипѣло и опять лопнуло...

— Ну, думаю, однако, видно Талафа-то не шутка!

А онъ мало спустя, опять зашипѣлъ да уже совсѣмъ на другой манеръ, — какъ птица огненная выпорхнула съ хвостомъ, тоже съ огненнымъ, и огонь необыкновенно какой, какъ кровь красный, а лопнетъ, вдругъ все желтое сдѣлается и потомъ синее станетъ.

По становищу, слышу, все какъ умерло. Не слышать этого, разумѣется, никому нельзя этакой пальбы, но всѣ, значить, оробѣли и лежатъ подѣ тулурами. Только слышно, что земля вразъ вздрогнетъ, затрясется и опять станетъ. Это, можно разумѣть, кони шарахаются и все въ кучу тѣснятся, да слышно разъ было какъ эти хивяки, или индѣйцы, куда-то пробѣгли и сейчасъ опять по степи огонь какъ пустится змѣемъ... Кони какъ зынули на то, да и понеслись... Татарва и страхъ позабыли, всѣ повыскакали, башками трясутъ, вопять: Алла! Алла! да въ погоню, а тѣ,

хивяки, пропали и слѣда ихъ нѣтъ, только одинъ ящикъ свой покинули по себѣ на память... Вотъ тутъ какъ всѣ наши батыры угнали за табуномъ, а въ стану однѣ бабы да старики остались, я и доглядѣлся до этого ящика: чтó тамъ такое? Вижу въ немъ разные земли и снадобья, и бумажныя трубки: я сталъ разъ одну эту трубку близко къ костру разсматривать, а она какъ хлопнетъ, чуть мнѣ огнемъ всѣ глаза не выжгло, и вверхъ полетѣла, а тамъ... бббахххъ звѣздами разсыпало... Эге, думаю себѣ, да это должно не богъ, а просто фейверокъ, какъ у насъ въ публичномъ саду пускали, да опять какъ изъ другой трубки бабахну, а гляжу татары, кои тутъ старики остались уже, и повалились и ничкомъ лежатъ кто гдѣ упалъ, да только ногами дрыгаютъ... Я было по-первоначалу и самъ испугался, но потомъ какъ увидалъ, что они этакъ дрыгаютъ, вдругъ совсѣмъ въ иное расположеніе пришелъ и съ тѣхъ поръ, какъ въ полонъ попалъ, въ первый разъ какъ закриплю зубами, да и ну на нихъ вслухъ какія попало незнакомыя слова произносить. Кричу какъ можно громче:

— Парле-бьенъ-комса-шире-миръ-ферфлюхтуръ-минъ-адью мусью!

Да еще трубку съ вертуномъ выпустилъ... Ну, тутъ уже они, увидавъ, какъ вертунъ съ огнемъ ходитъ, всѣ какъ умерли... Огонь погасъ, а они все лежатъ и только нѣтъ-нѣтъ одну голову поднять, да и опять сейчасъ мордокъ внизъ, а самъ только пальцемъ киваетъ, зоветъ меня къ себѣ. Я подошелъ и говорю:

— Ну, что? признавайся; чего тебѣ, проклятому: смерти или живота? потому что вижу, что они уже страсть меня боятся.

— Прости, — говорятъ: — Иванъ, не дай смерти, а дай живота.

А въ другомъ мѣстѣ тоже и другіе такимъ манеромъ киваютъ и все прощенья и живота просятъ.

Я вижу, что хорошо мое дѣло заиграло: вѣрно уже я за всѣ свои грѣхи оттерпѣлся и прошу:

— Мать Пресвятая Владычица, Николай угодникъ, лебедики мои, голубчики, помогите мнѣ, благодѣтели!

А самъ татаръ строго спрашиваю:

— Въ чемъ и на какой конецъ я васъ долженъ простить и животомъ жаловать.

— Прости, — говорятъ: — что мы въ твоего Бога не вѣрили.

— Ага, думаю, — вонъ оно какъ я ихъ пугнулъ, да говорю: ну, ужь нѣтъ, братцы, врите,—этого я вамъ за противность религіи ни за что не прощу! да самъ опять зубами скрипъ, да еще трубку распечаталъ.

Эта вышла съ раkitою... Страшный огонь и трескъ.

Кричу я на татарь:

— Что же: еще одна минута и я васъ всѣхъ погублю, если вы не хотите въ моего Бога вѣрить.

— Не губи,—отвѣчаютъ:—мы всѣ подъ вашего Бога согласны подойти.

Я и пересталъ фейверки жечь и окрестилъ ихъ въ рѣчкѣ.

— Тутъ же, въ это самое время и окрестили?

— Въ эту же самую минуту-съ. Да и что же тутъ было долго время препровождать? Надо, чтобы они одуматься не могли. Помочилъ ихъ по башмакамъ водицей, надъ прорубью, прочелъ «во имя Отца и Сына» и крестики, которые отъ мисанеровъ остались, понадѣвалъ на шею и велѣлъ имъ того убитаго мисанера, чтобы они за мученика почитали и за него молились и могилку имъ показали.

— И они молились?

— Молились-съ.

— Вѣдь они же никакихъ молитвъ христіанскихъ, чай, не знали, или вы ихъ выучили?

— Нѣтъ; учить мнѣ ихъ некогда было, потому что я видѣлъ, что мнѣ въ это время бѣжать пора, а велѣлъ имъ: молитесь, молъ, какъ до сего молились, по-старому, но только Аллу называть не смѣйте, а вмѣсто него Іисуса Христа поминайте. Они такъ и приняли сіе исповѣданіе.

— Ну, а потомъ какъ же все-таки вы отъ этихъ новыхъ христіанъ убѣждали съ своими искалѣченными ногами и какъ вылѣчились?

— А потомъ я нашелъ въ тѣхъ фейверкахъ ѣдкую землю; такая, что чуть ее къ тѣлу приложишь, сейчасъ она страшно тѣло жжетъ. Я ее и приложилъ и притворился, будто я боленъ, а самъ себѣ все, подъ кошмой лежа, этой ѣдкостью пятки растравливалъ и въ двѣ недѣли такъ растравилъ, что у меня вся какъ есть плоть на ногахъ взгноилась и вся та щетина, которую мнѣ татары десять лѣтъ назадъ

засыпали, съ гноемъ вышла. Я какъ можно скорѣе обмогнулся, но виду въ томъ не подаю, а притворяюсь, что мнѣ еще хуже стало, и наказаль я бабамъ и старикамъ, чтобы они все какъ можно усерднѣе за меня молились, потому что, моль, помираю. И положилъ я на нихъ въ родѣ эпитимьи постъ, и три дня я имъ за юрты выходить не велѣлъ, а для бѣльшей еще острастки самый большой фейверкъ пустилъ и ушелъ...

— Но они васъ не догнали?

— Нѣтъ; да и гдѣ имъ было догонять: я ихъ такъ запостилъ и напугалъ, что они, небось, радешеньки остались и три дня носу изъ юртъ не казали, а послѣ хоть и взглянули, да уже искать имъ меня далеко было. Ноги-то у меня, какъ я изъ нихъ щетину спустилъ, подсохли, такія легкія стали, что какъ разбѣжался, всю степь перебѣжалъ.

— И все пѣшкомъ?

— А то какъ же-съ, тамъ вѣдь не проѣзжая дорога, встрѣтить некого, а встрѣтишь, такъ не обрадуешься, кого обрѣтешь. Мнѣ на четвертый день чувашинъ показался, одинъ пять лошадей гонить, говоритъ: садись верхомъ.

Я поопасался и не поѣхалъ.

— Чего же вы его боялись?

— Да такъ... онъ какъ-то мнѣ невѣренъ показался, а притомъ нельзя было и разобрать, какой онъ религіи, а безъ этого на степи страшно. А онъ, безтолковый, кричитъ:

— Садись,—кричитъ:—веселѣй, двое будемъ ѣхать.

Я говорю:

— А кто ты: можетъ-быть, у тебя Бога нѣтъ?

— Какъ,—говоритъ:—нѣтъ: это у татарина бока нѣтъ, онъ кобылу ѣсть, а у меня есть бокъ.

— Кто же,—говорю:—твой Богъ?

— А у меня,—говоритъ:—все бокъ: и солнце бокъ, и мѣсяцъ бокъ, и звѣзды бокъ... все бокъ. Какъ у меня нѣтъ бокъ?

— Все!.. гм... все, моль, у тебя Богъ, а Иисусъ Христосъ, говорю,—стало-быть, тебѣ не Богъ?

— Нѣтъ, говоритъ,—и Онъ бокъ, и Богородица бокъ, и Николачъ бокъ...

— Какой, говорю,—Николачъ?

А что одинъ на зиму, одинъ на лѣто живетъ?

Я его похвалилъ, что онъ русскаго Николая Чудотворца уважаетъ.

— Всегда, говорю, — его почитай, потому что онъ русскій, и уже совсѣмъ-было его вѣру одобрилъ и совсѣмъ съ нимъ вѣхаться хотѣлъ, а онъ, спасибо, разболтался и выказался.

— Какъ же, говорить, — я Николача почитаю: я ему на зиму, пуцай, хоть не кланяюсь, а на лѣто ему двугривенный даю, чтобъ онъ мнѣ хорошенько коровокъ берегъ, да! Да еще на него одного не надѣюсь, такъ Керемети бычка жертвую.

Я и разсердился.

— Какъ же, говорю, — ты смѣешь на Николая Чудотворца не надѣяться и ему, русскому, всего двугривенный, а своей мордовской Керемети поганой цѣлаго бычка! Пошелъ прочь, говорю: — не хочу я съ тобою... я съ тобою не поѣду, если ты такъ Николая Чудотворца не уважаешь.

И не поѣхалъ: зашагалъ во всю мочь; не успѣлъ опомниться, смотрю, къ вечеру третьяго дня вода завиднѣлась и люди. Я легъ для опаски въ траву и высматриваю: что за народъ такой? Потому что боюсь, чтобы опять еще въ худшій плѣнъ не попасть, но вижу, что это люди нищу варятъ... Должно-быть, думаю, христiane. Педползъ еще ближе: гляжу, крестятся и водку пьютъ, — ну, значить, русскіе!.. Тутъ и я выскочилъ изъ травы и объявился. Это, вышло, ватага рыбная: рыбу ловили. Они меня, какъ надо землякамъ, ласково приняли и говорятъ:

— Пей водку!

Я отвѣчаю:

— Я, братцы мои, отъ нея, съ татарвой живучи, совсѣмъ отвыкъ.

— Ну, ничего, говорятъ, — здѣсь своя нация, опять привыкнешь: пей!

Я налилъ себѣ стаканчикъ и думаю:

— Ну-ка, Господи благослови, за свое возвращеніе! — и выпилъ, а ватажники пристають, добрые ребята.

— Пей еще! говорятъ, — ишь ты безъ нея какъ зачичкался.

Я и еще одну позволилъ и сдѣлался очень откровенный, все имъ рассказалъ: откуда я и гдѣ, и какъ пребывалъ. Всю ночь я имъ, у огня сиди, рассказывалъ и водку пилъ, и все мнѣ такъ радостно было, что я опять на святой Руси, но только подъ утро этакъ, уже костерокъ сталъ тухнуть

и почти всё, кто слушалъ, заснули, а одинъ изъ нихъ, ватажный товарищъ, говоритъ мнѣ:

— А паспортъ же у тебя есть?

Я говорю:

— Нѣтъ, нема.

— А если, говоритъ, — нема, такъ тебѣ здѣсь будетъ тюрьма.

— Ну, такъ я, говорю, — я отъ васъ не пойду: а у васъ, небось, тутъ можно жить и безъ паспорта?

А онъ отвѣчаетъ:

— Жить, говоритъ, — у насъ безъ паспорта можно, но помирать нельзя.

Я говорю:

— Это отчего?

— А какъ же, говоритъ, — тебя попъ запишетъ, если ты безъ паспорта?

— Такъ какъ же, молъ, мнѣ на такой случай быть?

— Въ воду, говоритъ, — тебя тогда бросимъ на рыбное пропитаніе.

— Безъ попа?

— Безъ попа.

Я, въ легкомъ подпитіи будучи, ужасно этого испугался и сталъ плакать и жалиться, а рыбакъ смѣется:

— Я, говоритъ, — надъ тобою шутилъ: помирай смѣло, мы тебя въ родную землю зароемъ.

Но я уже очень огорчился и говорю:

— Хороша, молъ, шутка. Если вы этакъ станете надо мною часто шутить, такъ я и до другой весны не доживу.

И чуть этотъ послѣдній товарищъ заснулъ, я поскорѣе поднялся и пошелъ прочь, и пришелъ въ Астрахань, заработалъ на поденщинѣ рубль и съ того часу столь усердно зашилъ, что не помню, какъ очутился въ иномъ городѣ, и сижу уже я въ острогѣ, а оттуда меня по пересылкѣ въ свою губернію послали. Привели меня въ нашъ городъ, высѣкли въ полиціи и въ свое имѣніе доставили. Графиня, которая меня за кошкннхъ хвостъ съчь приказывала, уже померла, а одинъ графъ остался, но тоже очень состарѣлся и богомольный сталъ, и конскую охоту оставилъ. Доложили ему, что я пришелъ, онъ меня вспомнилъ и велѣлъ меня еще разъ дома высѣчь и чтобы я къ батюшкѣ, къ отцу Ильѣ, на духъ шелъ. Ну, высѣкли меня по старинному, въ раз-

рядной избѣ, и я прихожу къ отцу Ильѣ, а онъ сталъ меня исповѣдывать и на три года не разрѣшаетъ мнѣ причастія...

Я говорю:

— Какъ же такъ, батюшка, я было... столько лѣтъ не причащамшись... ждалъ...

— Ну, мало ли, говорить, — что; ты ждалъ, а зачѣмъ ты, говорить, татарокѣ при себѣ вмѣсто женѣ держалъ... Ты знаешь ли, говорить, что я еще милостиво дѣлаю, что тебя только отъ причастія отлучаю, а если бы тебя взятъ какъ должно по правилу святыхъ отецъ исправлять, такъ на тебѣ на живомъ надлежитъ всю одежду сжечь, но только ты, говорить, этого не бойся, потому что этого теперь по полицейскому закону не позволяется.

Ну, что же, думаю, — дѣлать: останусь хоть такъ, безъ причастія, дома поживу, отдохну послѣ плѣна, но графъ этого не захотѣли. Изволили сказать:

— Я, говорятъ, не хочу вблизи себя отлученнаго отъ причастія терпѣть.

И приказали управителю еще разъ меня высѣчь съ оглашеніемъ для всеобщаго примѣра и потомъ на оброкъ пустить. Такъ и сдѣлалось: выпороли меня въ этотъ разъ по новому, на крыльцѣ, передъ конторою, при всѣхъ людяхъ, и дали паспортъ. Отраднo я себя тутъ-то почувствовалъ, черезъ столько лѣтъ совершенно свободнымъ человѣкомъ, съ законною бумагою, и пошелъ. Намѣреніевъ у меня никакихъ опредѣлительныхъ не было, но на мою долю Богъ послалъ практику.

— Какую же?

— Да опять все по той же, по конской части. Я пошелъ съ самаго малаго ничтожества, безъ гроша, а вскорѣ очень достаточнаго положенія достигъ и еще бы лучше могъ распорядиться, если бы не одинъ предметъ.

— Что же это такое, если можно спросить?

— Одержимости большой подпаль отъ разныхъ духовъ и страстей, и еще одной неподобной вещи.

— Что же это такое за неподобная вещь васъ обдержала?

— Магнетизмъ-съ.

— Какъ! магнетизмъ?!

— Да-съ, магнетическое вліяніе отъ одной особы.

— Какъ же вы чувствовали надъ собой ея вліяніе?

— Чужая воля во мнѣ дѣйствовала, и я чужую судьбу исполнялъ.

— Вотъ тутъ, значить, къ вамъ и пришла *ваша* собственная гибель, послѣ которой вы нашли, что вамъ должно исполнить матушкино обѣщаніе, и пошли въ монастырь?

— Нѣтъ-съ, это еще послѣ пришло, а до того со мною много иныхъ разныхъ приключеній было, прежде чѣмъ я получилъ настоящее убѣжденіе.

— Вы можете разсказать и эти приключенія?

— Отчего же-съ; съ большимъ моимъ удовольствіемъ.

— Такъ, пожалуйста.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Взявши я паспортъ, пошелъ безъ всякаго о себѣ намѣренія и пришелъ на ярмарку, и вижу тамъ цыганъ мужику лошадь мѣняетъ и безбожно его обманываетъ; сталъ ей силу пробовать, и своего конинку въ просяной возъ заложилъ, а мужикову лошадь въ яблочный. Тяга въ нихъ, разумѣется, хоть и равная, а мужикова лошадь прѣтъ, потому что ее яблочный духъ обморачиваетъ, такъ какъ коню этотъ духъ страшно неприятенъ, а у цыгановой лошади, кромѣ того, я вижу, еще и обморокъ бываетъ и это сейчасъ понять можно, потому, что у нея на лбу есть знакъ, какъ былъ огонь ставленъ, а цыганъ говоритъ: «это бородавка». А мнѣ мужика, разумѣется, жаль, потому ему на обморочной лошади нельзя будетъ работать, такъ какъ она кувырнетъ, да и все тутъ, а къ тому же, я цыгановъ тогда смерть ненавидѣлъ черезъ то, что отъ первыхъ отъ нихъ имѣлъ соблазнъ бродить и впереди, вѣроятно, еще иное предчувствовалъ, какъ и оправдалось. Я эту фальшь въ лошади мужичку и открылъ, а какъ цыганъ сталъ со мною спорить, что не огонь жженъ на лбу, а бородавка, я въ доказательство моей справедливости ткнулъ коня шильцемъ въ почку, онъ сейчасъ и шлепъ на землю и закрутился. Взялъ я и мужикамъ хорошую лошадь по своимъ познаніямъ выбралъ, а они мнѣ за это вина и угощенія и двѣ гривны денегъ, и очень мы тутъ погуляли. Съ того и пошло: и капиталъ расти и усердное пьянство, и мѣсяца не прошло, какъ я вижу, что это хорошо: обвинялся весь бляхами и коновальскою сбруею и началъ ходить съ ярмарки на ярмарку и вездѣ бѣдныхъ

людей руководствую и собираю себѣ достатокъ и всё могарычи пью; а между тѣмъ сталъ я для всѣхъ барышниковъ-цыгановъ все равно, что Божія гроза, и узналъ стороною, что они собираются меня бить. Я отъ этого сталъ уклоняться, потому что ихъ много, а я одинъ и они меня ни разу не могли понасть одного, и вдоволь отколотить, а при мужикахъ не смѣли, потому что тѣ за мою добродѣтель всегда стояли за меня. Тутъ они и пустили про меня дурную славу, что будто я чародѣй и не своею силою въ твари толкъ знаю, но, разумѣется, все это были пустяки: къ коню я, какъ вамъ докладывалъ, имѣю дарованіе и готовъ бы его всякому кому угодно преподать, но только что главное дѣло это никому въ пользу не послужить.

— Отчего же это не послужить въ пользу?

— Не пойметъ-съ никто, потому что на это надо не иначе какъ имѣть даръ природный и у меня уже не разъ такой опытъ былъ, что я преподавалъ, но все втуне осталось; но позвольте, объ этомъ послѣ.

Когда моя слава по ярмаркамъ прогремѣла, что я насквозь коня вижу, то одинъ ремонтеръ, князь, мнѣ сто рублей давалъ:

— Открой, говоритъ, братецъ, твой секретъ насчетъ пониманія. Мнѣ это дорого стоитъ.

А я отвѣчаю:

— Никакого у меня секрета нѣтъ, а у меня на это природное дарованіе.

Ну, а онъ пристааетъ:

— Открой же мнѣ, однако, какъ ты объ этомъ понимаешь? А чтобы ты не думалъ, что я хочу какъ-нибудь,— вотъ тебѣ сто рублей.

Что тутъ дѣлать? Я пожалъ плечами, завязалъ деньги въ тряпицу и говорю: извольте, молъ, я, что знаю, стану сказывать, а вы извольте тому учиться и слушать; а если не вычитесь и нисколько вамъ отъ того пользы не будетъ, за это я не отвѣчаю.

Онъ, однако, былъ и этимъ доволенъ, и говоритъ: ну, ужъ это не твой бѣда, сколько я научусь, а ты только сказывай.

— Первое самое дѣло, говорю,—если кто насчетъ лошади хочетъ знать, что она въ себѣ заключаетъ, тотъ долженъ имѣть хорошее расположеніе въ осмотрѣ и оттого никогда

не отдаляться. Съ перваго взгляда надо глядѣть умно на голову и потомъ всю лошадь окидывать до хвоста, а не латонить, какъ офицеры дѣлають. Тронеть за зашеину, за чолку, за храпокъ, за обрѣзь и за грудной соколъ, или еще за что попало, а все безъ толку. Отъ этого барышники кавалерійскихъ офицеровъ за эту латонливость страсть любить. Барышникъ, какъ этакую военную латѣху увидаль, сейчасъ начнетъ передъ нимъ конемъ крутить, вертѣть, во всѣ стороны поворачивать, а которую часть не хочетъ показать, той ни за что не покажетъ, а тамъ-то и фальшь, а фальшей этихъ бездна: конь вислоухъ—ему кожицы на вершокъ въ затылкѣ вырѣжутъ, стянутъ и зашьютъ и замажутъ и онъ оттого ушки подбереть, но не надолго: кожа ослабнетъ и уши развиснутъ. Если уши велики,—ихъ обрѣзываютъ,—а чтобы ушки прямо стояли, въ нихъ рожки суютъ. Если кто паристыхъ лошадей подбираетъ, и если, на примѣръ, одинъ конь во лбу съ звѣздочкой,—барышники уже такъ и зрятъ, чтобы такую звѣздочку другой приснобить: пемзою шерсть вытирають, или горячую рѣпу печеную приложить гдѣ надо, чтобы бѣлая шерсть выросла, она сейчасъ и идетъ, но только всячески если хорошо смотрѣть, то такимъ манеромъ роценоая шюретка всегда противъ настоящей немножко длиннѣе и пунится, какъ будто бородачка. Еще больше барышники обижаютъ публику глазами: у иной лошади западинки ввалившися надъ глазомъ и некрасиво, но барышникъ проколетъ кожицу булавкой, а потомъ приляжетъ губами и все въ это мѣсто дуеть, и надуетъ такъ, что кожа подыметъ и глазъ освѣжаетъ, и красиво станетъ. Это легко дѣлать, потому что если лошади на глазъ дышать, ей это пріятно, отъ теплага дыханія, и она стоитъ не шелохнется, но воздухъ выйдетъ и у нея опять ямы надъ глазами будутъ. Противъ этого одно средство: около кости щупать, не ходитъ ли воздухъ. Но еще того смѣшнѣе, какъ слѣпыхъ лошадей продають. Это точно комедія бываетъ. Офицерикъ, на примѣръ, крадется къ глазу коня съ соломинкой, чтобы испытать, видитъ ли конь соломинку, а самъ того не видитъ, что барышникъ въ это время, когда лошади надо головой мотнуть, кулакомъ ее подъ брюхо или подъ бокъ толкаетъ. А иной хоть и тихо гладитъ, но у него въ перчаткѣ гвоздикъ, и онъ будто гладитъ, а самъ кольнетъ. И я своему ремонтеру противъ

того, что здѣсь сейчасъ упомянулъ, десятеро болѣе объяснилъ, но ничего ему это въ пользу не послужило: на-завтра, гляжу, онъ накупилъ коней такихъ, что кляча клячи хуже и еще зоветъ меня посмотрѣть и говорить:

— Ну-ка, братъ, полюбуйся, какъ я наловчился коней понимать?

Я взглянулъ, разсмѣялся и отвѣчаю, что, моль, и смотрѣть нечего:

— У этой плечи мясистой,—будетъ землю ногами цѣплять; эта ложится—коныто подъ брюхо кладетъ и много, что чрезъ годокъ себѣ килу намнетъ; а эта, когда овесъ ѣсть, передней ногою топаетъ и колѣно объ ясли бьетъ, и такъ всю покушку раскритиковалъ и все правильно на мое вышло.

Князь на другой день и говорить:

— Нѣтъ, Иванъ: мнѣ, точно, твоего дарованія не понять, а лучше служи ты самъ у меня конэсеромъ и выбирай ты, а я только буду деньги платить.

Я согласился и жилъ отлично цѣлые три года, не какъ рабъ или наемникъ, а больше какъ другъ и помощникъ, и если бы не выходы меня одолѣли, такъ я могъ бы даже себѣ капиталъ собрать, потому что, по ремонтирскому заведенію, какой заводчикъ ни пріѣдетъ, сейчасъ самъ съ ремонтромъ знакомится, а вѣрнаго человѣка подсылаетъ къ конэсеру, чтобы какъ возможно конэсера на свою сторону задобрить, потому что заводчики знаютъ, что вся настоящая сила не въ ремонтерѣ, а въ томъ, если который имѣетъ при себѣ настоящаго конэсера. Я же былъ, какъ докладывать вамъ, природный конэсеръ и этотъ долгъ природы исполнялъ совѣстно: ни за что я того, кому служу, обмануть не могъ. И мой князь это чувствовалъ и высоко меня уважалъ, и мы жили съ нимъ во всемъ въ полной откровенности. Онъ, бывало, если проиграется гдѣ-нибудь ночью, сейчасъ утромъ какъ встанетъ, идетъ въ архалучкѣ ко мнѣ въ конюшню и говорить:

— Ну что, почти-полупочтеннѣйшій мой Иванъ Северьянычъ! Каковы ваши дѣла?—Онъ все этакъ шутилъ, звалъ меня *почти-полупочтенный*, но почиталъ, какъ увидите, вполне.

А я зналъ, что это обозначаетъ, если онъ съ такой шуткой идетъ, и отвѣчу, бывало:

— Ничего, молъ: мои дѣла, слава Богу, хороши, а не знаю, какъ ваше сѣятельство, каковы ваши обстоятельства?

— Мои, говоритъ,—такъ довольно гадки, что даже хуже требовать не надо.

— Что же это такое, молъ, вѣрно опять вчера продулись по онамеднишнему?

— Вы, отвѣчаетъ,—изволили отгадать, мой полупочтеннѣйшій, продулся я-съ, продулся.

— А на сколько, спрашиваю,—вашу милость облегчило? Онъ сейчасъ же и отвѣтитъ, сколько тысячъ проигралъ, а я покачаю головою, да говорю:

— Продратъ бы ваше сѣятельство—хорошо, да некому. Онъ разсмѣется и говоритъ:

— То и есть, что некому.

— А вотъ ложитесь, молъ, на мою кроватку, я вамъ чистенькій кулечекъ въ голову положу, а самъ васъ по-стегаю.

Онъ, разумѣется, и начнетъ подѣзжать, чтобы я ему на реванжъ денегъ далъ.

— Нѣтъ, ты, говоритъ,—лучше меня не пори, а дай-ка мнѣ изъ расходныхъ денегъ на реванжикъ: я пойду отыграюсь и всѣхъ обыграю.

— Ну, ужъ это, отвѣчаю,—покорно васъ благодарю, нѣтъ уже, играйте, да не отыгрывайтесь.

— Какъ благодаринишь!—начнетъ смѣхомъ, а тамъ уже пойдетъ сердиться:—ну, пожалуйста, говоритъ, не забывайся, прекрати надо мною свою опеку и подай деньги.

Мы спросили Ивана Северьяныча, давалъ ли онъ своему князю на реванжъ?

— Никогда,—отвѣчалъ онъ.—Я его, бывало, либо обману: скажу, что всѣ деньги на овесъ роздалъ, либо просто со двора сбѣгу.

— Вѣдь онъ на васъ, небось, за это сердился?

— Сердился-съ; сейчасъ, бывало, объявляетъ: кончено-съ; вы у меня, полупочтеннѣйшій, болѣе не служите.

Я отвѣчаю:

— Ну, и что же такое, и прекрасно. Пожалуйста мой паспортъ.

— Хорошо-съ, говоритъ,—извольте собираться: завтра получите вашъ паспортъ.

Но только на завтра у насъ уже никогда объ этомъ ни-

какого разговору больше не было. Не болѣе какъ черезъ какой-нибудь часъ онъ, бывало, приходитъ ко мнѣ совсѣмъ въ другомъ расположеніи и говорить:

— Благодарю васъ, мой премного-мало-значущій, что вы имѣли характеръ и мнѣ на реванжъ денегъ не дали.

И такъ это онъ всегда послѣ чувствовалъ, что если и со мною что-нибудь на моихъ выходахъ случалось, такъ онъ тоже, какъ братъ, ко мнѣ снисходить.

— А съ вами что же случалось?

— Я же вамъ объяснялъ, что выходы у меня бывали.

— А что это значитъ *выходы*?

— Гулять со двора выходилъ-съ. Обучасъ пить вино, и его всякій день пить избѣгалъ и въ умѣренности никогда не употреблялъ, но если, бывало, что меня растревожить, ужасное тогда къ питью усердіе получаю и сейчасъ сдѣлаю выходъ на нѣсколько дней и пропадаю. А брало это меня и не замѣтишь отчего; напимѣръ, когда, бывало, отпущаемъ коней, кажется, и не братья они тебѣ, а соскучаешь по нихъ и запыешь. Особенно, если отдалишь отъ себя такого коня, который очень красивъ, то такъ онъ, подлець, у тебя въ глазахъ и мечется, до того, что какъ отъ навожденія какого отъ него скрываешься, и сдѣлаешь выходъ.

— Это значитъ—запыете!?

— Да-съ: выйду и запыю.

— И надолго?

— М..! н... н... это не равно-съ, какой выходъ задастся: иногда пьешь пока все пропьешь, и либо кто-нибудь тебя отколотитъ, либо самъ кого побьешь, а въ другой разъ покороче удастся—въ части посидишь, или въ канавѣ выспишься и доволенъ, и отойдетъ. Въ таковыхъ случаяхъ я же наблюдалъ правило, и какъ, бывало, чувствую, что долженъ сдѣлать выходъ, прихожу къ князю и говорю:

— Такъ и такъ, ваше сѣятельство, извольте принять отъ меня деньги; а я пропаду.

Онъ уже и не спорить, а принимаетъ деньги или только спросить, бывало:

— Надолго ли, ваша милость, вздумали зарядить?

— Ну, я отвѣчаю, судя по тому, какое усердіе чувствую: на большой ли выходъ, или на коротенькій.

И я уйду, а онъ уже самъ и хозяйничаетъ и ждетъ меня,

пока кончится выходъ, и все шло хорошо; но только ужасно мнѣ эта моя слабость надоѣла, и вздумать я вдругъ отъ нея избавиться; тутъ-то и сдѣлалъ такой послѣдній выходъ, что даже теперь вспомнить страшно.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Мы, разумѣется, подговорились, чтобы Иванъ Северьянычъ довершилъ свою любезность, досказавъ этотъ новый злополучный эпизодъ въ своей жизни, а онъ, по добротѣ своей, всеконечно отъ этого не отказался и повѣдалъ о своемъ «послѣднемъ выходѣ» слѣдующее:

— У насъ была куплена съ завода кобылица Дидона, молодая, золотогнѣдая, для офицерскаго сѣдла. Дивная была красавица: головка хорошенькая, глазки пригожіе, поздерки субтильныя и открытенькія, какъ хочетъ, такъ и дышитъ, гривка легкая; грудь межъ плечъ ловко, какъ корабликъ, сидитъ, а въ поясу гибкая, и ножки въ бѣлыхъ чулочкахъ легкія и она ихъ мечетъ, какъ играетъ... Однимъ словомъ, кто охотникъ и въ красотѣ имѣетъ понятіе, тотъ отъ нагляднѣи на этакого животнаго задуматься можетъ. Мнѣ же она такъ по вкусу пришла, что я даже изъ конюшни отъ нея не выходилъ и все ласкалъ ее отъ радости. Бывало, самъ ее вычищу и оботру ее всю какъ есть бѣлымъ платочкомъ, чтобы пылинки у нея въ шерсткѣ нигдѣ не было, даже и поцѣлюю ее въ самый лобикъ, въ завиточекъ, откуда шерсточка ея золотая расходилась... Въ эту пору у насъ разомъ шли двѣ ярмарки: одна въ Л., другая въ К., и мы съ княземъ раздѣлились: на одной я дѣйствую, а на другую онъ поѣхалъ. И вдругъ я получаю отъ него письмо, что пишетъ «прислать, говорить, ко мнѣ сюда такихъ-то и такихъ-то лошадей и Дидону». Мнѣ неизвѣстно было зачѣмъ онъ эту мою красавицу потребовалъ, на которую мой охотницкій глазъ радовался. Но думалъ я, конечно, что кому-нибудь онъ ее, голубушку, промѣнялъ или продалъ, или, еще того вѣрнѣе, проигралъ въ карты... И вотъ я отпустилъ съ конюхами Дидону и ужасно растосковался и возжелалъ выходъ сдѣлать. А положеніе мое въ эту пору было совсѣмъ необыкновенное: я вамъ докладывалъ, что у меня всегда было такое заведеніе, что если нападетъ на меня усердіе къ выходу, то я, бывало, появляюсь къ князю, отдаю ему всѣ деньги, кои всегда были у меня на рукахъ

въ большой суммѣ. и говорю: «Я на столько-то, или на столько-то дней пропаду». Ну, а тутъ, какъ мнѣ это устроить, когда моего князя при мнѣ нѣтъ? И вотъ я думаю себѣ: «нѣтъ, однако, я больше не стану пить, потому что князя моего нѣтъ и выхода мнѣ въ порядкѣ сдѣлать невозможно, потому что денегъ отдать некому, а при мнѣ сумма знатная, болѣе какъ до пяти тысячъ. Рѣшилъ я такъ, что этого нельзя и твердо этого рѣшенія и держусь, и усердія своего, чтобы сдѣлать выходъ и хорошенько пропасть, не попускаю, но ослабленія къ этому желанію все-таки не чувствую, а напротивъ того, все больше и больше стремлюсь сдѣлать выходъ. И, наконецъ, сталъ я исполняться одной мысли: какъ бы мнѣ такъ устроить, чтобы и свое усердіе къ выходу исполнить, и княжескія деньги безопасности? И началъ я ихъ съ этою цѣлю прятать и все по самымъ невѣроятнымъ мѣстамъ ихъ пряталъ, гдѣ ни одному человѣку на мысль не придетъ деньги положить... Думаю: что дѣлать? видно съ собою не совладаешь, устрою, думаю, понадежнѣе деньги, чтобы онѣ были сохранны, и тогда отбуду свое усердіе, сдѣлаю выходъ. Но только напало на меня смущеніе: гдѣ я эти проклятыя деньги спрячу? Куда я ихъ ни положу, чуть прочь отъ того мѣста отойду, сейчасъ мнѣ входитъ въ голову мысль, что ихъ кто-то крадетъ. Иду и опять поскорѣе возьму и опять перепрятываю... Измучился просто я ихъ прятавши, и по сѣноваламъ, и по погребамъ, и по застрѣхамъ, и по другимъ такимъ неподобнымъ мѣстамъ для храненія, а чуть отойду, сейчасъ все кажется, что кто-нибудь видѣлъ какъ я ихъ хоронилъ и непременно ихъ отыщетъ, и я опять вернусь, и опять ихъ достану, и ношу ихъ съ собою, а самъ опять думаю: «нѣтъ, уже баста, видно мнѣ не судьба въ этотъ разъ свое усердіе исполнить». И вдругъ мнѣ пришла божественная мысль: вѣдь это, моля, меня бѣсъ томить этой страстью, пойду же я его, мерзавца, отъ себя святыней отгоню! И пошелъ я къ ранней обѣднѣ, помолился, вынулъ за себя частичку и, выходя изъ церкви, вижу, что на стѣнѣ Страшный Судъ нарисованъ, и тамъ въ углу дьявола въ гееннѣ ангелы цѣпью бьютъ. Я остановился, посмотрѣлъ и помолился поусердиѣ святымъ ангеламъ, а дьяволу взялъ, да, послунивши, кулакъ въ морду и сунулъ:

— На-ка, моля, тебѣ кукишь, на него, что хочешь, то

и купишь, а самъ послѣ этого совершенно успокоился и, распорядившись дома чѣмъ надобно, пошелъ въ трактиръ чай пить... А тамъ, въ трактиръ, вижу стоитъ между гостей какой-то проходимецъ. Самый пренустьйшій-пустой человекъ. Я его и прежде, этого человека, видалъ, и почиталъ его не больше какъ за какого-нибудь шарлатана, или паяца, потому что онъ все, бывало, по ярмаркамъ таскается и у господъ по-французски пособія себѣ просить. Изъ благородныхъ онъ будто бы былъ и въ военной службѣ служилъ, но все свое промоталъ и въ карты проигралъ, и ходить по міру... Тутъ его въ этомъ трактирѣ, куда я пришелъ, услужающіе молодцы выгоняютъ вонъ, а онъ не соглашается уходить и стоитъ да говорить:

— Вы еще знаете ли кто я такой? Вѣдь я вамъ вовсе не ровня; у меня свои крѣпостные люди были и я очень много такихъ молодцовъ, какъ вы, на конюшнѣ для одной своей прихоти сѣкъ, а что я всего лишился, такъ на это была особая Божія воля и на мнѣ печать гнѣва есть, а потому меня никто тронуть не смѣетъ.

Тѣ ему не вѣрятъ и смѣются, а онъ рассказываетъ, какъ онъ жилъ и въ каретахъ ѣздилъ, и изъ публичнаго сада всѣхъ питатскихъ господъ вонъ прогонялъ, и одинъ разъ къ губернатору голый прѣхалъ, а нынѣ, говорить, я за свои своевоія проклятъ и вся моя натура окаменѣла, и я ее долженъ постоянно размачивать, а потому подай мнѣ водки! — я за нее денегъ платить не имѣю, но зато со стекломъ сѣбѣ.

Одинъ гость и велѣлъ ему подать, чтобы посмотреть, какъ онъ будетъ стекло ѣсть. Онъ сейчасъ водку на лобъ хватилъ, и, какъ обѣщалъ, такъ честно и началъ стеклянную рюмку зубами хрустать и передъ всѣми ее и сѣлъ, и всѣ этому съ восторгомъ дивились и хохотали. А мнѣ его стало жалко, что благородный онъ человекъ, а вотъ за свое усердіе къ вину даже утробою жертвуетъ. Думаю: надо ему дать хоть кишки отъ этого стекла прополоснуть, и велѣлъ ему на свой счетъ другую рюмку подать, но стекла ѣсть не понуждалъ. Сказалъ: не надо, не ѣшь. Онъ это почувствовалъ и руку мнѣ подаетъ.

— Вѣрно, — говорить: — ты происхожденія изъ господскихъ людей?

— Да, — говорю: — изъ господскихъ.

— Сейчас,—говорить:—и видно, что ты не то, что эти свиньи. Грань-мерси,—говорить:—тебѣ за это.

Я говорю:

— Ничего, иди съ Богомъ.

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ:—я очень радъ съ тобою поговорить. Подвинься-ка, я возлѣ тебя сяду.

— Ну, моль,—пожалуй, садись.

Онъ возлѣ меня и сѣлъ, и началъ сказывать, какой онъ именитой фамиліи и важнаго воспитанія и опять говорить:

— Что это... ты чай пьешь?

— Да, моль,—чай. Хочешь и ты со мною пей.

— Спасибо,—отвѣчаетъ:—только я чаю пить не могу.

— Отчего?

— А оттого,—говорить:—что у меня голова не чайная, а у меня голова отчаянная: вели мнѣ лучше еще рюмку вина подать!.. И этакъ онъ и разъ, и два, и три у меня вина выпросилъ, и сталъ уже очень мнѣ этимъ докучать. А еще больше противно мнѣ стало, что онъ очень мало правды сказываетъ, а все-то куражится и не вѣсть что о себѣ соплететь, а то вдругъ бѣднится, плачетъ и все о суетѣ.

— Подумай,—говорить:—ты, какой я человекъ? Я,—говорить:—самимъ Богомъ въ одинъ годъ съ императоромъ созданъ, и ему ровесникъ:

— Ну, такъ что же, моль, такое?

— А то, что какое же мое, не смотря на все это, положение? Несмотря на все это, я,—говорить:—нисколько не взысканъ и вышелъ ничтожество, и какъ ты сейчасъ видѣлъ, я ото всѣхъ презираемъ. И съ этими словами опять водки потребовать, но на сей разъ уже вельлѣ цѣлый графинъ подать, а самъ завелъ мнѣ преогромную исторію, какъ надъ нимъ по трактирамъ купцы насмѣхаются, и въ концѣ говорить:

— Они,—говорить:—необразованные люди, думаютъ, что это легко такую обязанность несть, чтобы вѣчно пить и рюмкою закусывать? Это очень трудное, братецъ, призваніе и для многихъ даже совсѣмъ невозможно; но я свою натуру приучилъ, потому что вижу, что свое надо отбыть, и несу.

— Зачѣмъ же, — разсуждаю: —этой привычкѣ такъ уже очень усердствовать? Ты ее брось.

— Бросить?—отвѣчаеть.—А-га, нѣтъ, братецъ, мнѣ этого бросить невозможно.

— Почему же,—говорю:—нельзя?

— А нельзя,—отвѣчаеть:—по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что я, не напившись вина, никакъ въ кровать не попаду, а все буду ходить; а, во-вторыхъ, самое главное, что мнѣ этого мои христіанскія чувства не позволяютъ.

— Что же, молъ, это такое? что ты въ кровать не попадешь, это понятно, потому что все пить ищешь; но чтобы христіанскія чувства тебѣ не позволили этаку вредную пакость бросить, этому я вѣрить не хочу.

— Да, вотъ ты,—отвѣчаеть:—не хочешь этому вѣрить... Такъ и всѣ говорятъ... А что, какъ ты полагаешь, если я эту привычку пьянствовать брошу, а кто-нибудь ее подниметъ да возьметъ: радъ ли онъ этому будетъ или нѣтъ?

— Спаси, молъ, Господи! Нѣтъ, я думаю, не обрадуется.

— А-га!—говоритъ:—вотъ то-то и есть, а если же это такъ надо, чтобы я страдалъ, такъ вы уважайте же меня, по крайней мѣрѣ, за это и вели мнѣ еще графинъ водки подать!

Я постучалъ еще графинчикъ и сѣжу и слушаю, потому что мнѣ это стало казаться занятно, а онъ продолжаетъ таковыя слова:

— Оно,—говоритъ:—это такъ и надлежитъ, чтобы это мученіе на мнѣ кончилось, чѣмъ еще другому достанется, потому что я,—говоритъ:—хорошаго рода и настоящее воспитаніе получилъ, такъ что даже я еще самымъ маленькимъ по-французски Богу молился, но я былъ немилостивый и людей мучилъ, въ карты своихъ крѣпостныхъ проигрывалъ; матерей съ дѣтьми разлучалъ; жену за себя богатую взялъ и со свѣта ее сжилъ, и, наконецъ, будучи во всемъ самъ виноватъ, еще на Бога возропталъ: зачѣмъ у меня такой характеръ? Онъ меня и наказалъ: далъ мнѣ другой характеръ, что нѣтъ во мнѣ ни малѣйшей гордости, хоть въ глаза нанлуй, по щекамъ отдуй, только бы пьянымъ быть, про себя забыть.

— И что же,—спрашиваю:—теперь, ты уже на этотъ характеръ не роняешь?

— Не роняю,—отвѣчаеть:—потому что оно хотя хуже, но зато лучше?

— Какъ это, моль, — такъ: я что-то не понимаю, какъ это: хуже, но лучше?

— А такъ, — отвѣчаетъ: — что теперь я только одно знаю, что себя гублю, а зато уже другихъ губить не могу, ибо отъ меня всѣ отвращаются. Я, говорить, теперь все равно, что Ювъ на гноищѣ и въ этомъ, говорить, все мое счастье и спасеніе, и самъ опять водку допилъ и еще графинъ спрашиваетъ, и молвить:

— А ты знаешь ли, любезный другъ: ты никогда ни-къмъ не пренебрегай, потому что никто не можетъ знать, за что кто какой страстью мучимъ и страдаетъ. Мы, одержимые, страждемъ, а другимъ зато легче. И самъ ты, если какую скорбь отъ какой-нибудь страсти имѣешь, самовольно ее не бросай, чтобы другой человѣкъ не поднялъ ее и не мучился; а ищи такого человѣка, который бы добровольно съ тебя эту слабость взялъ.

— Ну, гдѣ же, — говорю: — возможно такого человѣка найти! Никто на это не согласится.

— Отчего такъ? — отвѣчаетъ: — да тебѣ даже нечего далеко ходить: такой человѣкъ передъ тобою: я самъ и есть такой человѣкъ.

Я говорю:

— Ты шутишь?

Но онъ вдругъ вскакиваетъ и говорить:

— Нѣтъ, не шучу, а если не вѣришь, такъ испытай.

— Ну, какъ, — говорю: — я могу это испытывать?

— А очень просто: ты желаешь знать, каково мое дарованіе? У меня вѣдь, братъ, большое дарованіе: я вотъ, видишь, — я сейчасъ пьянъ... Такъ или нѣтъ: пьянъ я?

Я посмотрѣлъ на него и вижу, что онъ совсѣмъ сизый и весь осоловѣвши и на ногахъ покачивается, и говорю:

— Да, разумѣется, что ты пьянъ.

А онъ отвѣчаетъ:

— Ну, теперь отвернись на минуту на образъ и прочитай въ умѣ «Отче нашъ».

Я отвернулся, и, дѣйствительно, только «Отче нашъ», глядя на образъ, въ умѣ прочиталъ, а этотъ пьяный баринъ уже опять мнѣ командуетъ:

— А ну-ка, погляди теперь на меня: пьянъ я теперь или нѣтъ?

Обернулся я и вижу, что онъ, точно ни въ одномъ глазу у него ничего не было, и стоитъ, улыбается.

Я говорю:

— Что же это значит: какой это секрет?

А онъ отвѣчаетъ:

— Это, говоритъ,—не секретъ, а это называется магнетизмъ.

— Не понимаю, молъ,—что это такое?

— Такая воля, говоритъ,—особенная въ человѣкѣ помѣщается и ее нельзя ни пропить, ни проспять, потому что она дарована. Я, говоритъ, это тебѣ показалъ для того, чтобы ты понималъ, что я если захочу, сейчасъ могу остановиться и никогда не стану пить, но я этого не хочу, чтобы другой кто-нибудь за меня не запилъ, а я, поправившись, чтобы про Бога не позабылъ. Но съ другого человѣка со всякаго я готовъ и могу запойную страсть въ одну минуту свести.

— Такъ сведи, говорю,—сдѣлай милость, съ меня!

— А ты, говоритъ,—развѣ пьешь?

— Пью, говорю,—и временемъ даже очень усердно пью.

— Ну, такъ не робѣй же, говоритъ,—это все дѣло моихъ рукъ, и я тебя за твое угощеніе отблагодарю, все съ тебя сниму.

— Ахъ, сдѣлай милость, прошу, сними!

— Изволь, говоритъ,—любезный, изволь: я тебѣ это за твое угощеніе сдѣлаю; сниму и на себя возьму, и съ этимъ крикнулъ опять вина и двѣ рюмки.

Я говорю:

— На что тебѣ двѣ рюмки?

— Одна, говоритъ,—для меня, другая—для тебя!

— Я, молъ, пить не стану.

А онъ вдругъ какъ бы осерчалъ и говоритъ:

— Тсссъ! сляисъ! молчать! Ты теперь кто?—больной.

— Ну, молъ,—ладно, будь по-твоему: я больной.

— А я, говоритъ,—лѣкаръ, и ты долженъ мои приказанія исполнять и принимать лѣкарство,—и съ этимъ налил и мнѣ, и себѣ по рюмкѣ и началъ надъ моей рюмкой въ воздухѣ, въ родѣ какъ архіерейскій регентъ, руками махать.

Помахалъ, помахалъ и приказываетъ:

— Пей!

Я было усомнился, но, какъ по правдѣ сказать, и самому мнѣ вина попробовать очень хотѣлось и онъ приказываетъ: дай, думаю, ни для чего иного, а для любопытства выпью! и выпилъ.

— Хороша ли?—спрашиваетъ:—вкусна ли, или горька?

— Не знаю, моль,—какъ тебѣ сказать.

— А, это значить,—говорить, что ты мало принялъ, и налилъ вторую рюмку, и давай опять надъ нею руками мотать. Помотаетъ-помотаетъ и отряхнетъ, и опять заставитъ меня и эту, другую, рюмку выпить и вопрошаетъ: эта какова? Я пошутилъ:

— Говорю, эта что-то тяжела показалась.

Онъ кивнулъ головой и сейчасъ намахалъ третью, и опять командуетъ: пей! Я выпилъ и говорю:

— Эта легче; и затѣмъ уже самъ въ графинъ стучу и его потчую, и себѣ наливаю, да и пошелъ пить. Онъ мнѣ въ этомъ не препятствуетъ, но только ни одной рюмки такъ просто не намаханной не позволяетъ выпить, а чуть я возьмусь рукой, онъ сейчасъ ее изъ моихъ рукъ выйметъ и говоритъ:

— Шу, силянсь... атанде,—и прежде надъ нею руками помашетъ, а потомъ и говоритъ:—теперь готово, можешь *принимать какъ сказано*.

И лѣчился я такимъ образомъ съ этимъ баринкомъ тутъ въ трактирѣ до самаго вечера, и все былъ очень спокоенъ, потому что знаю, что я пью не для баловства, а для того, чтобы перестать. Попробую за пазухою деньги, и чувствую, что онѣ всѣ, какъ должно, на своемъ мѣстѣ цѣлы лежатъ, и продолжаю.

Баринъ мнѣ тутъ, пивши со мною, про все рассказывалъ, какъ онъ въ свою жизнь кутилъ и гулялъ и особенно про любовь, и впоследствии всего сталъ ссориться, что я любви не понимаю.

— Я говорю: что же съ тѣмъ дѣлать, когда я къ этимъ пустякамъ не привлеченъ? Будетъ съ тебя того, что ты все понимаешь и зато вонъ какой лонтрыгой ходишь.

А онъ говоритъ:

— Шу, силянсь! любовь наша святыня!

— Пустяки, моль.

— Мужикъ, говорить,—ты, и подлець, если ты смѣешь надъ священнымъ сердца чувствомъ смѣяться и его пустяками называть.

— Да, пустяки, моль,—оно и есть.

— Да ты понимаешь ли, говорить,—что такое «краса природы совершенство»?

— Да, говорю, — я въ лошади красоту понимаю.

А онъ какъ вскочить и хотѣлъ меня въ ухо ударить.

— Развѣ лошадь, говоритъ, — краса природы совершенство?

Но какъ время было довольно поздно, то ничего этого онъ мнѣ доказать не могъ, а буфетчикъ видитъ, что мы оба пьяны, моргнувъ на насъ молодцамъ, а тѣ подскочили человѣкъ шесть и сами просятъ... «пожалуйте вонъ», а сами подхватили насъ обоихъ подъ ручки и за порогъ выставили и дверь за нами наглухо на ночь заперли.

Вотъ тутъ и началось такое навожденіе, что хотя этому дѣлу уже много-много лѣтъ прошло, но я и по сіе время не могу себѣ понять, чтò тутъ произошло за дѣйствіе и какою силою оно надо мною творилось, но только такихъ искушеній и происшествій, какія я тогда перенесъ, мнѣ кажется, даже ни въ одномъ житіи въ Четминскахъ нѣтъ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Первымъ дѣломъ, какъ я за дверь вылетѣлъ, сейчасъ же руку за пазуху и удостовѣрился, здѣсь ли мой бумажникъ? Оказалось, что онъ при мнѣ. Теперь, думаю, вся забота, какъ бы ихъ благополучно домой донести. А ночь была самая темная, какую только можете себѣ вообразить. Въ лѣтѣ, знаете, у насъ, около Курска бывають такія темныя ночи, но претендльшія и прелягкія: по небу звѣзды какъ лампы навѣшаны, а по низу темнота такая густая, что словно въ ней кто-то тебя шарить и трогаетъ... А на ярмаркѣ всякаго дурного народа бездна бываетъ и достаточно случаетъ, что иныхъ грабятъ и убиваютъ. Я же хоть силу въ себѣ и ощущалъ, но думаю, во-первыхъ, я пьянъ, а, во-вторыхъ, что если десять или болѣе человѣкъ на меня нападутъ, то и съ большою силою ничего съ ними не сдѣлаешь и оберутъ, а я хоть и былъ въ куражѣ, но помнись, что когда я не разъ, вставая и опять садясь, расплачивался, то мой компаньонъ, баринокъ этотъ, видѣлъ, что у меня съ собою денегъ тучная сила. И потому вдругъ мнѣ, знаете, вцало въ голову: нѣтъ ли съ его стороны ко вреду моему какого-нибудь предательства? Гдѣ онъ взаправду? вмѣстѣ насъ вонъ выставили, а куда же онъ такъ снѣжно дѣлся?

Стою я и потихоньку оглядываюсь и, имени его не зная, потихоньку зову такъ:

— Слышь, ты? говорю,—магнетизерь, гдѣ ты?

А онъ вдругъ, словно бѣсъ какой, прямо у меня передъ глазами вырастаетъ и говоритъ:

— Я вотъ-онъ.

А мнѣ показалось, что будто это не тотъ голосъ, да и впопыхахъ даже и рожа не его представляется.

— Подойди-ка, говорю,—еще поближе; и какъ онъ подошелъ, я его взялъ за плечи и начинаю разсматривать и никакъ не могу узнать, кто онъ такой? какъ только его коснулся, вдругъ ни съ того, ни съ сего всю память отшибло. Слышу только, что онъ что-то по-французски лопочетъ: «ди-ка-ти-ли-ка-ти-не», а я въ томъ ничего не понимаю.

— Что ты такое, говорю,—лопочешь?

А онъ опять по-французски:

— Ди-ка-ти-ли-ка-тине.

— Да перестань, говорю,—дура, отвѣчай мнѣ по-русски, кто ты такой, потому что я тебя позабылъ.

Отвѣчаетъ:

— Ди-ка-ти-ли-ка-тине: я магнетизерь.

— Тыфу, моль,—ты пострѣль этакой! и на минутку будто вспомню, что это онъ, но стану въ него всматриваться и вижу у него два носа!.. Два носа, да и только! А раздумаясь объ этомъ—позабуду, кто онъ такой!..

— Ахъ, ты, будь ты проклять, думаю:—и откуда ты, шельма, на меня навязался? и опять его спрашиваю: кто ты такой?

Онъ опять говоритъ:

— Магнетизерь.

— Провались же, говорю,—ты отъ меня: можетъ-быть, ты чортъ?

— Не совсѣмъ, говоритъ,—такъ, а около того.

Я его въ лобъ и стукнулъ, а онъ обидѣлся и говоритъ:

— За что же ты меня ударилъ? я тебѣ добродѣтельству, и отъ усерднаго пьянства тебя освобождаю, а ты меня бьешь?

А я, хоть что хочешь, опять его не помню и говорю:

— Да кто же ты, моль,—такой?

Онъ говоритъ:

— Я твой довѣчный другъ.

— Ну, хорошо, моль,—а если ты мой другъ, такъ ты, можетъ-быть, мнѣ повредить можешь?

— Нѣтъ, говорить,—я тебѣ такое пти-ком-нѣ представлю, что ты себя инымъ человѣкомъ ощутишь.

— Ну, перестань, говорю,—пожалуйста, врать.

— Истинно, говорить,—истинно: такое пти-ком-нѣ...

— Да не болтай ты, говорю,—чортъ, со мною по-французски: я не понимаю, что то за пти-ком-нѣ!

— Я, отвѣчаетъ,—тебѣ въ жизни новое понятіе дамъ.

— Ну, вотъ это, молъ,—такъ; но только, какое же такое ты можешь мнѣ дать новое понятіе?

— А такое, говорить,—что ты постигнешь красу, природы совершенство.

— Отчего же я, молъ,—вдругъ такъ ее и постигну?

— А вотъ пойдемъ, говорить,—сейчасъ увидишь.

— Хорошо, молъ,—пойдемъ.

И пошли. Идемъ оба, шатаемся, но все идемъ, а я не знаю куда, и только вдругъ вспомню, что кто же это такой со мною и опять говорю:

— Стой! говори мнѣ, кто ты? иначе я не пойду.

Онъ скажетъ, и я на минутку какъ будто вспомню, и спрашиваю:

— Отчего же это я позабываю, кто ты такой?

А онъ отвѣчаетъ:

— Это, говорить,—и есть дѣйствіе отъ моего магнетизма; но только ты этого не пугайся, это сейчасъ пройдетъ, только вотъ дай я въ тебя сразу побольше магнетизму пушу.

И вдругъ повернулъ меня къ себѣ спиною и ну у меня въ затылкѣ, въ волосахъ пальцами перебирать... Такъ чудно: копается тамъ, точно хочетъ мнѣ взлѣзть въ голову.

— Я говорю: послушай ты... кто ты такой! что ты тамъ роешься?

— погоди, отвѣчаетъ,—стой: я въ тебя свою силу магнетизмъ перепущаю.

— Хорошо,—говорю:—что ты силу перепущаешь, а можетъ ты меня обокрасть хочешь?

Онъ отпирается.

— Ну, такъ постой, молъ,—я деньги попробую.

Попробоваль—деньги цѣлы.

— Ну, теперь, молъ,—вѣрно, что ты не воръ, а кто онъ такой—опять позабылъ, но только уже не помню какъ про то и спросить, а занять тѣмъ, что чувствую, что уже онъ совсѣмъ въ меня сквозь затылокъ точно внутрь влѣзъ и че-

резь мои глаза на свѣтъ смотреть, а мои глаза ему только словно какъ стекла.

— Вотъ, думаю,—штуку онъ со мной сдѣлалъ! а гдѣ же теперь, спрашиваю, мое зрѣніе?

— А твоего,—говорить:—теперь уже нѣтъ.

— Что, молъ,—это за вздоръ, что нѣтъ?

— Такъ,—отвѣчаетъ:—своимъ зрѣніемъ ты теперь только то увидишь, чего нѣту.

— Вотъ, молъ,—еще притча! Ну-ка, давай-ка я понатужусь.

Вылупился, знаете, во всю мочь, и вижу, будто на меня изъ-за всѣхъ угловъ темныхъ разныя мерзкія рожи на ножкахъ смотреть и дорогу мнѣ перебѣгаютъ, и на перекресткахъ стоять, ждутъ и говорятъ: «убьемъ его и возьмемъ сокровище». А передо мною опять мой вихристенкій баринокъ и рожа у него вся свѣтомъ свѣтится, а сзади себя слышу страшный шумъ и содомъ, голоса и бряцанье, и гикъ, и визгъ, и веселый хохотъ. Осматриваюся, и понимаю, что стою, прислонясь спиною къ какому-то дому, а въ немъ окна открыты и въ серединѣ свѣтло, и оттуда тѣ разныя голоса и шумъ и гитара ноетъ, а передо мною опять мой баринокъ и все мнѣ спереди по лицу ладонями машетъ, а потомъ по груди руками ведетъ, противъ сердца останавливается, напираетъ и за персты рукъ схватить, встряхнетъ полегонечку, и опять машетъ, и такъ трудится, что даже, вижу, онъ сдѣлался весь въ поту.

Но только тутъ, какъ мнѣ сталъ изъ оконъ дома свѣтъ свѣтить и я почувствовалъ, что въ сознание свое прихожу, то я его пересталъ опасаться и говорю:

— Ну, послушай ты, кто ты такой ни есть: чортъ, или дьяволъ, или мелкій бѣсъ, а только, сдѣлай милость, или разбуди меня, или разсынься.

А онъ мнѣ на это отвѣчаетъ:

— Погоди,—говорить:—еще не время: еще опасно, ты еще не можешь перенести.

Я говорю:

— Чего, молъ,—такого я не могу перенести?

— А того,—говорить:—что въ воздушныхъ сферахъ теперь происходитъ.

— Что же, я, молъ,—ничего особеннаго не слышу.

А онъ настаиваетъ, что будто бы я не такъ слушаю, и тѣборитъ мнѣ божественнымъ языкомъ:

— Ты,—говорить:—чтобы слышать, подражай примѣрнѣ гуслеигрателю, како сей подклоняеть низу главу и, слухъ прилагая къ пѣвию, подвизаеть бряцаю рукою.

— Нѣтъ,—думаю:—да что же это такое? Это даже совсѣмъ на пьянаго человѣка рѣчи непохоже, какъ онъ сталъ разговаривать!

А онъ на меня глядитъ и тихо по мнѣ руками водить, а самъ продолжаетъ въ томъ же намѣреніи уговаривать.

— Такъ,—говорить:—кушно струнамъ, художне соударяемымъ единымъ со другими, гусли пѣснь издають и гуслеигратель веселится, сладости ради медовныя.

То-есть просто, вамъ я говорю, точно я не слова слышу, а вода живая мимо слуха струить, и я думаю: вотъ тебѣ и пьяничка! Гляди-ка, какъ онъ еще хорошо можетъ отъ божества говорить! а мой баринокъ этимъ временемъ пересталъ егозиться и такую рѣчь молвить:

— Ну, теперь довольно съ тебя; теперь проснись,—говорить:—и подкрѣпись!

И съ этимъ принагнулся и все что-то у себя въ штаницахъ въ карманкѣ долго искалъ и, наконецъ, что-то оттуда достаетъ. Гляжу, это вотъ такохонькій махонькій, махонькій кусочекъ сахару и весь въ сору, видно оттого, что тамъ долго валялся. Обобралъ онъ съ него коготками этотъ соръ, пообдулъ и говорить:

— Раскрой ротъ.

Я говорю:

— Зачѣмъ? а самъ ротъ разивилъ. А онъ воткнулъ мнѣ тотъ сахарокъ въ губы и говорить:

— Соси,—говорить:—смѣлѣе: это магнитный сахаръ-менторъ: онъ тебя подкрѣпитъ.

Я уразумѣлъ, что хоть это и по-французски онъ говоритъ, но насчетъ магнетизма, и больше его не спрашиваю, а занимаюсь сахаръ сосу, а кто мнѣ его далъ, того уже не вижу. Отошелъ ли онъ куда впотьмахъ въ эту минуту, или такъ куда провалился, лихо его вѣдаетъ, но только я остался одинъ и совсѣмъ сдѣлался въ своемъ понятіи и думаю: чего же мнѣ его ждать? мнѣ теперь надо домой идти. Но опять дѣло: не знаю — на какой я такой улицѣ нахожусь и что это за домъ, у котораго я стою? И думаю: да уже домъ ли это? можетъ быть это все мнѣ только кажется, а все это навожденіе... Теперь ночь,—всѣ спать,

а зачѣмъ тутъ свѣтъ?... Ну, а лучше, молъ, попробоватъ... зайду, посмотрю, что здѣсь такое: если тутъ настоящіе люди, такъ я у нихъ дорогу спрошу, какъ мнѣ домой идти, а если это только обольщеніе глазъ, а не живые люди... такъ что же опаснаго? я скажу: «наше мѣсто свято: чуръ меня» и все разсыпется.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Вхожу я съ такою отважною рѣшимостью на крылечко, перекрестился и зачурался, ничего: домъ стоитъ, не шатается, и вижу: двери отворены и впереди большій длинный сѣни, а въ глубинѣ ихъ на стѣнѣ фонарь со свѣчою свѣтитъ. Осмотрѣлся я и вижу налѣво еще двѣ двери, обѣ цыновкой обиты и надъ ними опять такіе подсвѣчники съ зеркальными звѣздочками. Я и думаю: что же это такое за домъ: трактиръ какъ будто не трактиръ, а видно, что гостинное мѣсто, а какое—не разберу. Но только вдругъ вслушиваюсь, и слышу, что изъ-за этой цыновочной двери льется пѣсня... томная-претомная, сердечнѣйшая, и поетъ ее голосъ, точно колоколь малиновый, такъ за душу и шипеть, такъ и беретъ въ полонъ. Я и слушаю и никуда дальѣе не иду, а въ это время дальняя дверка вдругъ растворяется и я вижу вышелъ изъ нея высокій цыганъ, въ шелковыхъ штанахъ, а казакія бархатныя, и кого-то передъ собою скоро выпроводилъ въ особую дверь, подъ дальнимъ фонаремъ, которую я спервоначала и не замѣтилъ. Я, признаться, хоть не хорошо разсмотрѣлъ, кого это онъ спроводилъ, но показалось мнѣ, что это онъ вывелъ моего магнетизера и говорить ему вслѣдъ:

— Ладно, ладно, не обижайся, любезный, на этомъ полтинникѣ, а завтра приходи: если намъ *отъ него* польза будетъ, такъ мы тебѣ за его приведеніе къ намъ еще прибавимъ.

И съ этимъ дверь на защелку защелкнулъ и бѣжать ко мнѣ, будто ненарокомъ, отворяетъ передо мною дверь, что подъ зеркальцемъ, и говорить:

— Милости просимъ, господинъ купецъ; пожалуйста нашихъ пѣсень послушать! Голоса есть хорошіе.

И съ этимъ дверь передъ мною тихо настекъ запахнулъ... Такъ, милостивые государи, меня и обдало не знаю чѣмъ, но только будто столь мнѣ сроднымъ, что я вдругъ

весь тамъ очутился. Комната этакія обширная, но низкая, и потолокъ повихнуть, пузомъ внизъ лѣзеть, все темно, за-копѣло и дымъ отъ табаку такой густой, что люстра на-верху висить, такъ только чуть ее знать, что она свѣ-тится. А внизу въ этомъ дымищѣ люди... очень много, страсть какъ много людей, и передъ ними этимъ голосомъ, который я слышалъ, молодая цыганка поетъ. Притомъ, какъ я взомель, она только послѣднюю штучку тонко-пре-тонко, вѣжно дотянула и спустила на нѣтъ и голосокъ у нея замеръ... Замеръ ея голосокъ и съ нимъ въ одно мано-веніе точно все умерло... Зато черезъ минуту всѣ какъ вскочать, словно бѣшеные, и ладошами плещуть и кричать. А я только удивляюсь: откуда это здѣсь такъ много народу и какъ будто еще все его больше и больше изъ дыму вы-ступаетъ? Ухъ, думаю, да не дичь ли это какая-нибудь, вмѣсто людей? Но только вижу я разныхъ знакомыхъ го-сподъ ремонтеровъ и заводчиковъ, и такъ просто богатыхъ купцовъ и помѣщиковъ узнаю, которые до коней охотники, и промежду всей этой публики цыганка ходить этакая... даже нельзя ее описать какъ женщину, а точно будто какъ яркая змѣя, на хвостѣ движеть и вся станомъ гнется, а изъ черныхъ глазъ такъ и жжетъ огнемъ. Любопытная фи-гура! А въ рукахъ она держитъ большой поднось, на ко-торомъ по краямъ стоятъ много стакановъ съ шампанскимъ виномъ, а посрединѣ куча денегъ страшная. Только одного серебра нѣтъ, а то и золото, и ассигнаціи, и синія синицы, и сѣрыя утицы, и красные косачи,—только однихъ бѣлыхъ лебедей нѣтъ. Кому она подасть стаканъ, тотъ сейчасъ вино вышьеть, и на поднось, сколько чувствуетъ усердія, денегъ мечеть, золото, или ассигнаціи; а она его тогда въ уста поцѣлуетъ и поклонится. И обошла она первый рядъ и второй—гости въ родѣ какъ полукругомъ сидѣли—и по-томъ проходитъ и самый послѣдній рядъ, за которымъ я сзади за стуломъ на ногахъ стоялъ и было уже назадъ по-вернула, не хотѣла мнѣ подносить, но старый цыганъ, что сзади ей шелъ, вдругъ какъ крикнетъ:

— Грушка!—и глазами на меня кажетъ. Она взмахнула на него рѣсничницами... ей-Богу вотъ этакія рѣсничцы, длинныя-предлинныя, черныя, и точно онѣ сами по себѣ живыя и какъ птицы какія шевелится, а въ глазахъ я замѣтила у нея какъ старикъ на нее повелѣлъ, то во всей

въ ней точно гнѣвомъ дунуло. Разсердилась, значить, что велить ей меня потчивать, но, однако, свою должность исполняетъ: ваходитъ ко мнѣ за задній рядъ, кланяется и говоритъ:

— Выкушай, гость дорогой, про мое здоровье!

А я ей даже и отвѣчать не могу: такое она со мною сразу сдѣлала! Сразу, то-есть, какъ она передо мною надъ подносомъ нагнулась и я увидалъ какъ это у нея промель черныхъ волосъ на головѣ, будто серебро, приборъ вьется и за спину падаетъ, такъ я и осатанѣлъ, и весь умъ у меня отняло. Пью ея угощенье, а самъ черезъ стаканъ ей въ лицо смотрю и никакъ не разберу: смугла она, или бѣла она, а межъ тѣмъ вижу какъ у нея подъ тонкою кожею, точно въ сливѣ на солищѣ, краска рдѣетъ и на нѣжномъ вискѣ жилка бьетъ... Вотъ она, думаю, гдѣ настоящая-то красота, что природы совершенство называется: магнетизеръ правду сказалъ: это совсѣмъ не то, что въ лошади, въ продажномъ звѣрѣ.

И вотъ я допилъ стаканъ до дна и стукъ имъ объ поднось, а она стоитъ да дожидается, за что ласкать будетъ. Я поскорѣ спустилъ на тотъ конецъ руку въ карманъ, а въ карманѣ все попадаются четвертаки да двугривенные, да прочая расхожая мелочь. Мало, думаю; недостойно этимъ одарить такую язвинку, и передъ другими стыдно будетъ! А господа, слышу, не больно тихо цыгану говорятъ:

— Эхъ, Василиій Ивановъ, зачѣмъ ты велишь Грушѣ этого мужика угощать? намъ это обидно.

А онъ отвѣчаетъ:

— У насъ, господа, всякому гостю честь и мѣсто, и моя дочь родной отцовъ цыганскій обычай знаетъ; а обижаться вамъ нечего, потому что вы еще пока не знаете, какъ иной простой человекъ красоту и талантъ оцѣнить можетъ. На это разные примѣры бываютъ.

А я, это слышучи, думаю:

— Ахъ, вы, волкъ васъ ѣшь! Неужели съ того, что вы меня богатѣе, то у васъ и чувствъ больше? Нѣтъ уже, что будетъ, то будетъ: послѣ князю отслужу, а теперь себя не постыжу и сей невиданной красы скупостью не унижу.

Да съ этимъ вразъ руку за пазуху, вынулъ изъ пачки сторублеваго лебеди, да и шаркнулъ его на поднось. А цыганочка сейчасъ поднось въ одну ручку переняла, а другую

мнѣ бѣлымъ платкомъ губы вытерла и своими устами такъ слегка, даже какъ и не поцѣловала, а только будто тронула устами, а вмѣсто того, точно будто ядомъ какимъ провела и прочь отошла.

Она отошла, а я было на томъ же мѣстѣ остался, но только тотъ старый цыганъ, этой Груши отецъ, и другой цыганъ, подхватили меня подъ руку и волокутъ впередъ и сажаютъ въ самый передній рядъ, рядомъ съ исправникомъ и съ другими господами.

Мнѣ было, признаться, па это и не охота: я не хотѣлъ продолжать и хотѣлъ вонъ идти; но они просятъ и не пускаютъ и зовутъ:

— Груша! Грушенька, останови гостя желаннаго!

И та выходитъ и... врагъ ее знаетъ, что она умѣла глазами дѣлать: взглянула, какъ заразу какую въ очи пустила, а сама говорить:

— Не обидь; погости у насъ на этомъ мѣстѣ.

— Ну, ужъ тебѣ ли, — говорю: — кому обидѣть можно, — и сѣлъ.

А она меня опять поцѣловала и опять то же самое ощущение: какъ будто ядовитую кисточкою уста тронетъ и во всю кровь до самаго сердца болью прожжеть.

И послѣ этого начались опять пѣсни и пляски, и опять другая цыганка съ шампанею пошла. Тоже и эта хороша, но гдѣ противъ Груши! Половины той красоты нѣтъ, и за это я ей на поднось зацѣпилъ изъ кармана четвертакъ и сыпнулъ... Господа это взяли въ пересмѣхъ, но мнѣ все равно, потому я одного смотрю, гдѣ она, эта Грушенька, и жду, чтобы ее одинъ голосъ безъ хора слышать, а она не поетъ. Сидитъ съ другими поддѣваетъ, но солу не дѣлаетъ и мнѣ ея голоса не слышать, а только ротокъ съ бѣлыми зубками видно... Эхъ, ты, думаю: доля моя сиротская: на минуту зашелъ и сто рублей потерялъ, а вотъ ее-то одну и не услышу! Но на мое счастье не одному мнѣ хотѣлося ее послушать: и другіе господа важные посѣтители всѣ вкушъ закричали послѣ одной перемены:

— Груша! Груша! «Челнокъ», Груша! «Челнокъ!»

Вотъ цыганы поканили и молодой ея братъ взять въ руки гитару, а она зашла. Знаете... ихъ пѣніе обыкновенно достигающее и за сердца трогаетъ, а я какъ услышать этотъ самый ея голосъ, на который мнѣ еще изъ-за двери

манилось, расчувствовался. Ужасно мнѣ какъ поправилось! Начала она такъ какъ будто грубовато, мужественно, этакъ: «мо-о-ре во-оо-о-еть, мо-ре сто-петь». Точно въ дѣйствительности слышно, какъ и море стонетъ, и въ немъ челночекъ поглощенный бьется. А потомъ вдругъ въ голосѣ совсѣмъ другая перемѣна, обращеніе къ звѣздѣ: «Золотая, дорогая, предвѣстательница дня, при тебѣ бѣда земная недоступна до меня». И опять новая обратность, чего не ждешь. У нихъ все съ этими съ обращеніями: то плачешь, томить, просто душу изъ тѣла вынимаетъ, а потомъ вдругъ какъ хватить совсѣмъ въ другомъ родѣ и точно сразу опять сердце вставить... Такъ и тутъ она это «море»-то съ «челнокомъ» всколыхала, а другіе какъ завизжать всѣмъ хоромъ:

Джа-ла-ла. Джа-ла-ла,
Джа-ла-ла припала!
Джа-ла-ла припала
Гай да чепуринали!
Гей гопь-гай, та гара!
Гей гопь-гай-га гара!

и потомъ Грушенька опять пошла съ виномъ и съ подносомъ, а я ей опять изъ-за пазухи еще одного лебедя... На меня всѣ оглядываться стали, что и ихъ своими подарками ниже себя ставлю; такъ что имъ даже совѣстно послѣ меня класть, а я рѣшительно уже ничего не жалѣю, потому мои воля, сердце выскажу, душу выкажу, и выказалъ. Что Груша разъ ни споетъ, то я ей за то лебедя, и уже не считаю сколько ихъ выпустить, а даю да и кончено, и за то другіе ее всѣ разомъ просятъ пѣть, она всѣ ихъ просьбы не поетъ, говоритъ «устала», а я одинъ кивну цыгану: не можно ли, молъ, ее понудить? тотъ сейчасъ на ее глазами поведетъ, она и поетъ. И много-съ она пѣла, пѣсни оъ пѣсни могучѣ, и покидалъ я уже ей много безъ счету лебедей, а въ концѣ, не знаю въ который часъ, но уже совсѣмъ на зарѣ точно и въ самомъ дѣлѣ она измалась, и устала, и, точно съ намеками на меня гляди, завела: «Отойди, не гляди, скройся съ глазъ моихъ». Этими словами точно гонить, а другими словно допрашиваетъ: «иль играть хочешь ты моею львиной душой и всю власть красоты испытать надъ собой». А я ей еще лебедя! Она меня опять поневолѣ поцѣловала, какъ ужалила, и въ глазахъ точно пламя

темное, а тѣ, другіе, въ этотъ лукавый часъ на послѣднихъ багъ заорутъ:

Ты восчувствуй, милѣя,
Какъ люблю тебя, драгаа!

и всѣ имъ подтягиваютъ, да на Грушу смотрятъ, и я смотрю, да подтягиваю: «ты восчувствуй!» А потомъ цыгане какъ хватятъ: «Ходи изба, ходи печь, хозяйну негдѣ лечь» и вдругъ всѣ въ плясъ пошли... Пляшутъ и цыгане, пляшутъ и цыганки, и господа пляшутъ: всѣ вмѣстѣ вьются, точно и въ самомъ дѣлѣ вся изба пошла. Цыганки передъ господами носятся, и тѣ поспѣваютъ, имъ велѣдъ гонягъ, молодые съ поспивомъ, а конъ старше съ покрехтомъ... На мѣстахъ, гляжу, уже никого и не остается... Даже отъ которыхъ бы степенныхъ мужчинъ и въ жизнь того скоморошества не ожидалъ, и тѣ всѣ поднимаются. Посидить-посидить иной, кто посолиднѣе, и сначала, видно, очень стыдится идти, а только глазомъ ведеть, либо усомъ дергаетъ, а потомъ одинъ врагъ его плечомъ дернетъ, другою ногой мотнетъ и, смотришь, вдругъ вскочить и хоть не умѣетъ плясать, а пойдетъ такое ногами выводить, что ни къ чему годно! Исправникъ толстый-претолетый и двѣ дочери у него были замужемъ, а и тотъ съ зятями своими тутъ же заодно пыхтитъ, какъ сомъ, и пятками мѣситъ, а гусарь-ремонтёръ, ротмистръ богатый и собой молодецъ, плясунъ залихватскій, всѣхъ ярче дѣйствуетъ: руки въ боки, а кабаками навывертъ стучить, передъ всѣми идетъ — козырится, въ загребъ валяетъ, а съ Грушей встрѣнется—головой тряхнетъ, шанку къ ногамъ ея ронить и кричить «наступи, раздави, раскрасавица!» и она... Охъ, тоже плисунья была! Я видалъ какъ пляснуть актеры въ театрахъ, да что все это, тѣфу, все равно, что офицерскій конь безъ фантази на парадѣ для одного близиру манежится, не вѣсть чего ерихонится, а огня—жизни нѣтъ. Эта же краля, какъ пошла, такъ какъ фараонъ плыветъ—не колыхнется, а въ самой, въ змѣѣ, слышно, какъ и хряцъ хруститъ, и изъ кости въ кость мозжечокъ идетъ, а станетъ, новыгнется, плечомъ ведеть и бровь съ носкомъ ножки на одну линію строитъ... Картина! Просто отъ этого видѣнья на ея та-вецъ всѣ словно свой весь умъ потеряли: рвутся къ ней безъ ума, безъ памяти: у кого слезы на глазахъ, а кто зубы скалить, но всѣ кричатъ:

— Ничего не жалѣемъ: танцуй!—и деньги ей такъ просто зря подъ ногу мечуть, кто золото, кто ассигнаціи. И все тутъ гуще и гуще завѣялось, и я лишь одинъ сижу, да и то не знаю долго ли утерплю, потому что не могу глядѣть, какъ она на гусарову шапку наступааетъ... Она ступитъ, а меня чортъ въ жилу щелкнѣ; она опять ступитъ, а онъ меня опять щелкнѣ, да, наконецъ, думаю: что же мнѣ такъ себя всеу мучить! Пущу и я свою душу погулять вволю, да какъ вскочу, отпихнуль гусара, да и пошелъ передъ Грушею въ присядку... А чтобы она на его, гусарову, шапку не становилася, такое средство изобрѣлъ, что, думаю, всё вы кричите, что ничего не жалѣете, меня тѣмъ не удивите: а вотъ, что я ничего не жалѣю, такъ я то дѣломъ-правдою докажу, да самъ прыгну, и самъ изъ-за пазухи ей подъ ноги лебеда и кричу: «дави его! наступай!» Она было не того... даромъ, что мой лебедь гусарской шапки дороже, а она и на лебеди не глядитъ, а все норовитъ за гусаромъ; да только старый цыганъ, спасибо, это замѣтилъ, да какъ на нее топнетъ... Она и поняла и пошла за мной... Она на меня плыветъ, глаза внизъ спустила, какъ змѣица-горынице, ажко гнѣвомъ землю жжетъ; а я передъ ней просто въ подобіи бѣса скачу, да все, что разъ прыгну, то подъ ножку ей мечу лебеда... Самъ ее такъ уважаю, что думаю: не ты ли, проклятая, и землю, и небо сдѣлала? а самъ на нее съ дерзостью кричу: «ходи шибче», да все подъ ноги ей лебедей, да разъ руку за пазуху пущаю, чтобы еще одного достать, а ихъ, гляжу, тамъ уже всего съ десятокъ остался... Тьфу ты, думаю, чортъ же васъ всѣхъ побирай! скомкалъ ихъ всѣхъ въ кучку, да сразу ихъ всѣ ей подъ ноги и выбросилъ, а самъ взялъ со стола бутылку шампанскаго вина, отбилъ ей горло и крикнулъ:

— Сторонись, душа, а то оболью, да всю сразу и выпилъ за ея здоровье, потому что послѣ этой пляски мнѣ шить странно хотѣлось.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

— Ну, и что же далѣе?—вопросили Ивана Северьяныча.

— Далѣе, дѣйствительно, все такъ воспослѣдовало, какъ онъ обѣщался.

— Кто обѣщался?

— А магнетизеръ, который это на меня навелъ: онъ

какъ общался отъ меня пьянаго бѣса отставить, такъ его и свелъ, и я съ той поры никогда больше ни одной рюмки не пилъ. Очень онъ это крѣпко сдѣлалъ.

— Ну-съ, а какъ же вы съ княземъ-то своимъ за вылащенныхъ лебедей кончили?

— А я и самъ не знаю, какъ-то очень просто: какъ отъ этихъ цыгановъ доставился домой и не помню какъ легъ, но только слышу князь стучитъ и зоветъ, а я хочу съ коника встать, но никакъ края не найду и не могу сойти. Въ одну сторону поползу—не край, въ другую оборочусь и здѣсь тоже краю нѣтъ... Заблудилъ на коникѣ да и полю?... Князь кричитъ: «Иванъ Северьяныч!» А я откликаюсь «сейчасъ», а самъ лазаю во всѣ стороны и все не найду края, и, наконецъ, думаю: ну, если слѣзть нельзя, такъ я же спрыгну, и размахнуся, да какъ сигану какъ можно дальше и чувствую, что меня будто что по мордѣ ударило и вокругъ меня что-то звенитъ и сыпится, и сзади тоже звенитъ и опять сыпится, и голосъ князя говоритъ дешику: «давай огня скорѣй!»

А я стою, не трогаюсь, потому что не знаю, наяву или во снѣ я все это надъ собою вижу, и полагаю, что я все еще на коникѣ до края не достигъ; а на мѣсто того, какъ дешикукъ принесъ огонь, я вижу, что я на полу стою, мордой въ хозяйскую горку съ хрустальемъ запрыгнулъ и поколотилъ все...

— Какъ же вы это такъ заблудились?

— Очень просто: думалъ, что я, по всегдашнему своему обыкновенію, на коникѣ сплю, а я, вѣрно, придя отъ цыганъ, прямо на полъ легъ, да все и ползалъ, края искалъ, а потомъ сталъ прыгать... и допрыгалъ до горки. Блуждалъ, потому этотъ... магнетизеръ, онъ пьянаго бѣса отъ меня свелъ, а блуднаго при мнѣ поставилъ... Я тутъ же и вспомнилъ его слова, что онъ говорилъ: «какъ бы хуже не было, если питье бросить» и пошелъ его искать,—хотѣлъ просить, чтобы онъ лучше меня размагнетизировалъ на старое, но его не засталъ. Онъ тоже много на себя набралъ и самъ не вынесъ, и тутъ же напротивъ цыгановъ у шинкарки такъ напился, что и померъ.

— А вы такъ и остались замагнетизированы?

— Такъ и остался-съ.

— И долго же на васъ этотъ магнетизмъ дѣйствовалъ?

— Отчего же долго ли? онъ, можетъ-быть, и посейчасъ дѣйствуетъ.

— А все-таки интересно знать, какъ же вы съ княземъ-то?.. Неужто такъ и объясненія у васъ никакого не было за лебедей?

— Нѣтъ-съ, объясненіе было, только не важное. Князь тоже пріѣхалъ проигравшись и на реванжъ у меня сталъ просить. Я говорю:

— Ну, уже это оставьте: у меня ничего денегъ нѣтъ.

Онъ думаетъ шутка, а я говорю:

— Нѣтъ исправни, у меня безъ васъ большой выходъ былъ.

Онъ спрашиваетъ:

— Куда же, молъ, ты могъ пять тысячъ на одномъ вы-ходѣ дѣтъ?..

Я говорю:

— Я ихъ сразу цыганкѣ бросилъ...

Онъ не вѣритъ.

Я говорю:

— Ну, не вѣрьте: а я вамъ правду говорю.

Онъ было озлился и говоритъ:

— Запри-ка двери, я тебѣ задамъ, какъ казенныя деньги швырять,—а потомъ, это вдругъ отъѣинивъ, и говоритъ:— Не надо ничего: я и самъ такой же, какъ ты, безпутный.

И онъ въ комнатѣ легъ свою ночь досыпать, а я на сѣ-повалѣ тоже опять спать пошелъ. Опомился же я въ ла-заретѣ и слышу говорятъ, что у меня бѣлая горячка была и хотѣлъ будто бы я вѣшаться, только меня, слава Богу, въ длинную рубашку спеленали. Потомъ выздоровѣлъ я и явился къ князю въ его деревню, потому что онъ этимъ временемъ въ отставку вышелъ, и говорю:

— Ваше сіятельство, надо мнѣ вамъ деньги отслужить.

Онъ отвѣчаетъ:

— Пошелъ къ чорту.

Я вижу, что онъ очень на меня обиженъ, подхожу къ нему и нагибаюсь.

— Что, говорить,—это значить?

— Да отрешите же, прошу, меня, по крайней мѣрѣ, какъ слѣдуетъ!

А онъ отвѣчаетъ:

— А почему ты знаешь, что я на тебя сержусь, а мо-жетъ быть я тебя вовсе и виноватымъ не считаю.

— Помилуйте, говорю:—какъ же еще я не виновать, когда я этакую область денегъ расшвырялъ? Я самъ знаю, что меня, подлеца, за это повѣсить мало.

А онъ отвѣчаетъ:

— А что, братецъ, дѣлать, когда ты артистъ.

— Какъ, говорю,—это такъ?

— Такъ, отвѣчаетъ,—такъ, любезнѣйшій Иванъ Северьянычъ, вы, мой полупочтеннѣйшій,—артистъ.

— И понять, говорю,—не могу.

— Ты, говорить,—не думай что-нибудь худое, потому что и я самъ тоже артистъ.

— Ну, вотъ это, думаю,—понятно: видно не я одинъ до бѣлой горячки подвизался.

А онъ всталъ, ударилъ объ полъ трубку и говоритъ:

— Что тутъ за диво, что ты передъ ней бросилъ, что при себѣ имѣлъ, я, братецъ, за нее то отдашь, чего у меня нѣтъ и не было.

Я во всѣ глаза на него вылунился.

— Батюшка, молю, ваме сѣятельство: помилосердуйте, что вы это говорите, мнѣ это даже слушать страшно.

— Ну, ты, отвѣчаетъ,—очень не пугайся: Богъ милостивъ и авось какъ-нибудь выкручусь, а только я за эту Грушу въ таборъ полсотни тысячь отдашь.

Я такъ и ахнулъ:

— Какъ, говорю,—полсотни тысячь! за цыганку! да стодить ли она этого, асидка.

— Ну, вотъ это, отвѣчаетъ,—вы, полупочтеннѣйшій, глупо и не по-артистически заговорили... Какъ стодить ли? Женщина всего на свѣтѣ стодить, потому что она такую язву нанесетъ, что за все царство отъ нея не выльчишься, а она одна въ одну минуту отъ нея можетъ исцѣлить.

А я все думаю, что все это правда, а только самъ все головою качаю и говорю:

— Этакая, молю, сумма! цѣлья пятьдесятъ тысячь!

— Да, да, говорить,—и не повторий больше, потому что спасибо, что и это взяли, а то бы я и больше даль... все, что хочешь, даль бы.

— А вамъ бы, говорю,—плюнуть и больше ничего.

— Не могъ, говорить,—братецъ, не могъ плюнуть.

— Отчего же?

— Она меня красотою и талантомъ уязвила и мнѣ исцѣ-

ленья надо, а то я съ ума сойду. А ты мнѣ скажи: вѣдь правда: она хороша? А? правда, что ли? Есть отчего от нея съ ума сойти?..

Я губы закусилъ и только уже молча головой трясу.

— Правда, моль, правда!

— Мнѣ,—говорить князь:—знаешь, мнѣ вѣдь за женщину хоть умереть, такъ ничего не стѣить. Ты можешь ли это понимать, что умереть нипочемъ?

— Что же, говорю,—тутъ непонятнаго, краса, природы совершенство...

— Какъ же ты это понимаешь?

— А такъ, отвѣчаю,—и понимаю, что краса природы совершенство и за это восхищенному человѣку погибнуть... даже радость!

— Молодецъ, отвѣчаетъ мой князь;—молодецъ вы, мой почти-полу-почтеннѣйшій и премного-мало-значущій Иванъ Северьяновичъ! именно-съ, именно гибнуть-то и радостно, и вотъ то-то мнѣ теперь и сладко, что я для нея всю мою жизнь перевернулъ: и въ отставку вышелъ, и имѣніе заложилъ, и съ этихъ поръ стану тутъ жить, человѣка не вида, а только все буду одной ей въ лицо смотрѣть.

Тутъ я еще ниже спустилъ голосъ и шепчу:

— Какъ, говорю,—будете ей въ лицо смотрѣть? Развѣ она здѣсь.

А онъ отвѣчаетъ:

— А то какъ же иначе? разумѣется, здѣсь.

— Можетъ ли, говорю,—это быть?

— А вотъ ты, говорить,—постой, я ее сейчасъ приведу. Ты артистъ,—отъ тебя я ее не скрою.

И съ этимъ оставилъ меня, а самъ вышелъ за дверь. Я стою, жду и думаю:

— Эхъ, нехорошо это, что ты такъ утверждаешь, что на одно на ее лицо будешь смотрѣть! Наскучить! но въ подробности объ этомъ не разсуждаю, потому что какъ вспомню, что она здѣсь, сейчасъ чувствую, что у меня даже въ бокахъ жарко становится и въ умѣ мѣшаюсь, думаю: неужели я ее сейчасъ увижу? А они вдругъ и входятъ: князь впереди идетъ и въ одной рукѣ гитару съ широкою алой лентой несетъ, а другую Грушеньку, за обѣ ручки сжавши, тащить, а она идетъ понуро, упирается и не смо-

трить, а только эти рѣснички черныя по щекамъ какъ будто птичьи крылья шевелятся.

Ввелъ ее князь, взялъ на руки и посадилъ какъ дитя съ ногами въ уголь на широкій мягкій диванъ; одну бархатную подушку ей за спинку подсунулъ, другую — подъ правый локотокъ подложилъ, а ленту отъ гитары перекинулъ черезъ плечо, и персты руки на струны покладь. Потомъ сѣлъ самъ на полу у дивана и голову склонилъ къ ея алому сафьянному башмачку и мигъ киваетъ: дескать, «садись и ты».

Я тихонечко опустился у порожка на полъ, тоже подобралъ подъ себя ноги и сижу, гляжу на нее. Тихо настало такъ, что даже тощо дѣлается. Я сидѣлъ-сидѣлъ, индо колѣни разломило, а гляню на нее, она все въ томъ же положеніи, а на князя посмотрю: вижу, что онъ отъ томноты у себя весь усь изгрызъ, а ничего ей не говорить.

Я ему и киваю: дескать, что же вы, прикажите ей пѣть! А онъ обратно мигъ пантомину даетъ въ такомъ смыслѣ, что, дескать, не послушаетъ.

И опять оба сидимъ на полу, да ждемъ, а она вдругъ начала, какъ будто бредить, вздыхать, да похлипывать и по рѣсницѣ слезка струить, а по струнамъ пальцы какъ осы ползають и рокочуть... И вдругъ она тихо-тихо, будто плачетъ, зашла: «люди добрые, послушайте про печаль мою сердечную».

Князь шепчетъ: что?

А я ему тоже шопотомъ по-французски отвѣчаю:

— Пти-комъ-пѣ, говорю, и сказать больше нечего, а она въ эту минуту вдругъ какъ вскрикнетъ: «а меня съ красоты продадутъ, продадутъ», да какъ швырнетъ гитару далеко съ колѣнь, а съ головы сорвала косынку и пала ничкомъ на диванъ, лицо въ ладони уткнула и плачетъ, и я, глядя на нее, плачу, и князь... тоже и онъ заплакалъ, но взялъ гитару и точно не пѣлъ, а какъ будто службу служа, застоналъ: «Если бъ знала ты весь огонь любви, всю тоску души моей пламенной», да и ну рыдать. И поетъ, и рыдаетъ: «Успокой меня, беспокойнаго, осчастливь меня, несчастливаго». Какъ онъ такъ жестоко взволновался, она, вижу, внемлетъ смѣхъ его слезамъ и пѣвию и все стала тишать, усмиряться и вдругъ тихо ручку изъ-подъ своего лица вывела и, какъ мать, нѣжно обвила ею его голову...

Ну, тутъ мнѣ стало понятно, что она его въ этотъ часъ пожалѣла и теперь сейчасъ успокоитъ и исцѣлитъ всю тоску души его пламенной, и я всталъ потихоньку незамѣтно и вышелъ.

— И вѣрно тутъ-то вы и въ монастырь пошли?—вопросилъ нѣкто рассказчика.

— Нѣтъ-съ: еще не тутъ, а позже,—отвѣчалъ Иванъ Северьянычъ и добавилъ, что ему еще надлежало прежде много въ свѣтъ отъ этой женщины видѣть, пока надъ ней все, чему суждено было, исполнилось, и его зачеркнуло.

Слушатели, разумѣется, приступили съ просьбою хотя вратцѣ рассказать имъ исторію Груни, и Иванъ Северьянычъ это исполнилъ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

— Видите, — началъ Иванъ Северьянычъ: — мой князь былъ человѣкъ души доброй, но перемѣчивой. Чего онъ захочетъ, то ему сейчасъ во что бы то ни стало вынь да положи—иначе онъ съ ума сойдетъ, и въ тѣ поры ничего онъ на свѣтъ за это достиженіе не пожалѣетъ, а потомъ, когда получить, не дорожить счастьемъ. Такъ это у него и съ этой цыганкою вышло и ея, Грушинъ, отецъ, и всѣ тѣ ихніе таборные цыганы отлично сразу въ немъ это поняли и запросили съ него за нее не вѣсть какую цѣну, больше какъ все его домашнее состояніе позволяло, потому что было у него хотя и хорошее имѣніе, но разоренное. Такихъ денегъ, какія таборъ за Грушу назначилъ, у князя тогда на-лицо не было, и онъ сдѣлалъ для того долгъ и уже служить больше не могъ.

Знавши всѣ эти его привычки, я много хорошаго отъ него не ожидалъ и для Груши, и такъ на мое и вышло. Все онъ къ ней ластился, безотходно на нее смотрѣлъ и дышалъ и вдругъ зѣвать сталъ, и все меня въ компанію призывать началъ.

— Садись, говорить,—послушай.

Я беру стулъ, сажусь гдѣ-нибудь поближе къ дверямъ и слушаю. Такъ и часто доводилось: онъ, бывало, ее попроситъ пѣть, а она скажетъ:

— Передъ кѣмъ я стану пѣть! ты, говорить,—холодный сталъ, а я хочу, чтобы отъ моей пѣсни чья-нибудь душа горѣла и мучилась.

Князь сейчасъ опять за мною и посылаетъ, и мы съ нимъ двое ее и слушаемъ; а потомъ Груша и сама стала ему напоминать, чтобы звать меня, и начала со мною обращаться очень дружественно, и я послѣ ея пѣнія не разъ у нея въ покояхъ чай пилъ, вмѣстѣ съ княземъ, но только, разумѣется, или за особымъ столомъ, или гдѣ-нибудь у окошечка, а если когда она одна оставалась, то всегда попросту рядомъ съ собою меня сажала. Вотъ такъ прошло сколько времени, а князь все смутнѣе началъ становиться и одинъ разъ мнѣ и говорить:

— А знаешь что, Иванъ Северьяновъ, такъ и такъ, вѣдь, дѣла мои очень плохи.

Я говорю:

— Чѣмъ же они плохи? Слава Богу, живете какъ надо и все у васъ есть.

А онъ вдругъ обидѣлся.

— Какъ, говорить,—вы, мой полупочтеннѣйшій, глупы, «все есть»? что же это такое у меня *есть*?

— Да все, молъ, что нужно.

— Неправда, говорить,—я обидѣлъ, я теперь себѣ на бутылку вина къ обѣду долженъ разсчитывать. Развѣ это жизнь? Развѣ это жизнь?

— Вотъ, думаю,—что тебя огорчаетъ, и говорю:—ну, если когда вина недостача, еще не велика бѣда, потерпѣть можно, зато есть, что слаще и вина, и меду.

Но онъ понималъ, что я намекаю на Грушу, и какъ будто меня устыдился и самъ ходить, рукою машетъ, а самъ говорить:

— Конечно... конечно... разумѣется... но только... Вотъ я теперь полгода живу здѣсь и человѣка у себя чужого не видалъ...

— А зачѣмъ, молъ, онъ вамъ, чужой-то человѣкъ, когда есть душа желанная?

Князь вспыхнулъ.

— Ты, говорить,—братецъ, ничего не понимаешь: все хорошо одно при другомъ.

— А-га! думаю:—вотъ ты что, братъ, заплѣлъ? и говорю:—что же, молъ, теперь дѣлать?

— Давай, говорить,—станемъ лошадьми торговать. Я хочу, чтобы ко мнѣ опять ремонтеры и заводчики ѣздили.

Пустое это и не господское дѣло лошадьми торговать,

но, думаю, чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, абы не плакало, и говорю: «извольте».

И начали мы съ нимъ заводить ворокъ. Но чуть за это принялись, князь такъ и унесся въ эту страсть: гдѣ какія деньжонки добудеть, сейчасъ покупать коней и все беретъ, хватается зря; меня не слушаетъ... Накупили обельму, а продажи нѣтъ... Онъ сейчасъ же этого не стерпѣлъ и коней бросилъ, да давай что попало городить: то кинется необыкновенную мельницу строить, то шпорную мастерскую завелъ и все отъ всего убытки и долги, а болѣе всего разстройство въ характерѣ... Постоянно онъ дома не сидитъ, а летаетъ то туда, то сюда, да чего-то ищетъ, а Груша одна и въ такомъ положеніи... въ тягости. Скучаетъ. «Мало, говорить, его вижу», а перемагаетъ себя и великаится: чуть замѣтитъ, что онъ день-другой дома заскучаетъ, сейчасъ сама скажетъ.

— Ты бы, говорить, — изумрудъ мой яхонтовый, куда-нибудь поѣхалъ, прогулялся, что тебѣ со мною сидѣть: я проста, неученая.

Этихъ словъ онъ, бывало, сейчасъ застыдится и руки у нея цѣлуется и дня два-три крѣпится, а зато потомъ, какъ выкатить, такъ уже и завьется, а ее мнѣ заказываетъ:

— Береги, говорить, — ее, полупочтенный Иванъ Северьяновъ, ты артистъ, ты не такой, какъ я, свистунъ, а ты настоящій, высокой степени артистъ, и оттого ты съ нею какъ-то умѣешь такъ говорить, что вамъ обоимъ весело, а меня отъ этихъ «изумрудовъ яхонтовыхъ» въ сонъ клонить.

Я говорю:

— Почему же это такъ? вѣдь, это слово любовное.

— Любовное, отвѣчаетъ, — да глупое и надоедливое.

Я ничего не отвѣтилъ, а только сталъ отъ этого времени къ ней запросто вхожъ: когда князя нѣтъ, я всякій день два раза на день ходилъ къ ней во флигель чай пить и какъ могъ ее развлекалъ.

А развлекать было оттого, что она, бывало, если разговорится, все жалуется:

— Милый мой, сердечный мой другъ, Иванъ Северьяновичъ, возговорить: — ревность меня, мой голубчикъ, тягостно мучить.

Ну, я ее, разумѣется, уговариваю:

— Чего, говорю, — очень мучиться: гдѣ онъ ни побываетъ, все къ тебѣ воротится.

А она всплачетъ и руками себя въ грудь бьетъ, и говоритъ:

— Нѣтъ, скажи же ты мнѣ... не потай отъ меня, мой сердечный другъ, гдѣ онъ бываетъ?

— У господъ, говорю, — у сосѣдей, или въ городѣ.

— А нѣтъ ли, говорить, — тамъ гдѣ-нибудь моей съ нимъ разлучницы? Скажи мнѣ: можетъ, онъ допрежъ меня кого любилъ и къ ней назадъ воротился, либо не задумалъ ли онъ, лиходѣй мой, жениться? — А у самой при этомъ глаза такъ и загорятся, даже смотреть ужасно.

Я ее утѣшаю, а самъ думаю:

«Кто его знаетъ, что онъ дѣлаетъ», потому что мы его мало въ то время и видѣли.

Вотъ какъ вспало ей это на мысль, что онъ жениться хочетъ, она и ну меня просить:

— Свѣзди, такой-сякой, голубчикъ, Иванъ Северьяновичъ, въ городъ; свѣзди, доподлинно узнай о немъ все какъ слѣдуетъ и все мнѣ безъ потайки выскажи.

Пристаетъ она съ этимъ ко мнѣ все больше и больше и до того меня разжалобила, что думаю:

«Ну, была не была, поѣду. Хотя ежели что дурное объ измѣнѣ узнаю, всего ей не выскажу, но посмотрю и приведу все дѣло въ ясность».

Выбралъ такой предлогъ, что будто бы надо самому ѣхать лѣкарствъ для лошадей у травниковъ набрать и поѣхалъ, но поѣхалъ не просто, а съ хитрымъ подходомъ.

Грушѣ было неизвѣстно и людямъ строго-настрого наказано было отъ нея скрывать, что у князя, до этого случая съ Грушею, была въ городѣ другая любовь, — изъ благородныхъ, секретарская дочка Евгенья Семеновна. Извѣстная она была во всемъ городѣ большая на фортепьянахъ игрица и предобрая барыня, и тоже собою очень хорошая и имѣла съ моимъ княземъ дочку, но распонѣла и онъ ее, горючили, будто за это и бросилъ. Однако, имѣя въ ту пору еще большой капиталъ, онъ купилъ этой барынѣ съ дочкою домъ и онѣ въ томъ домѣ доходцами и жили. Князь къ этой къ Евгеньѣ Семеновнѣ, послѣ того какъ ее наградила, никогда не заѣзжалъ, а люди наши, по старой памяти, за ея добродѣтель помнили и всякій прїѣздъ все, бывало, къ

ней зааживали, потому что ее любили и она до всѣхъ до нашихъ была ужасно какая ласковая, и княземъ интересовалась.

Вотъ я прѣхалъ въ городъ прямо къ ней, къ этой доброй барынь, и говорю:

— Я, матушка Евгенья Семеновна, у васъ остановился.

— Она отвѣчаетъ:

— Ну, что же; очень рада. Только отчего же, говорить, ты къ князю не ѣдешь на его квартиру?

— А развѣ, говорю,—онъ здѣсь, въ городѣ?

— Здѣсь, отвѣчаетъ.— Онъ уже другая недѣля здѣсь и дѣло какое-то заводить.

— Какое, моль, еще дѣло?

— Фабрику, говоритъ,—сукопную въ аренду беретъ.

— Господи! моль, еще что такое онъ задумалъ?

— А что, говорю,—развѣ это худо?

— Ничего, говорю,—только что-то мнѣ это удивительно.

Она улыбается.

— Нѣтъ; а ты, говорить,—вотъ чему подивись, что князь мнѣ письмо прислалъ, чтобы я нынче его приняла, что онъ хочетъ на дочь взглянуть.

— И что же, говорю,—вы ему, матушка Евгенья Семеновна, разрѣшили?

Она пожала плечыи и отвѣчаетъ:

— Что же, пусть прѣдетъ, на дочь посмотритъ, и съ этимъ вздохнула и задумалась, сидитъ опустила головку, а сама еще такая молодая, бѣлая, да вальяжная, а къ тому еще и обращеніе совсѣмъ не то, что у Груши... та, вѣдь, больше ничего, какъ начнетъ свое «нзумрудный, да яхонтовый», а эта совсѣмъ другое... Я ее и взревновала.

«Охъ,—думаю себѣ,—какъ бы онъ на дитя-то какъ станетъ смотрѣть, то чтобы на самой на тебя своимъ несытымъ сердцемъ не глянулъ! Отъ сего тогда моей Грушенькѣ много добра не воспослѣдуетъ». И въ такомъ размышленіи сижу я у Евгеньи Семеновны въ дѣтской, гдѣ она велѣла нянькѣ меня чаемъ поить, а у дверей вдругъ слышу звонокъ и горничная прибѣгаетъ очень радостная и говоритъ нянюшкѣ:

— Князьинька къ намъ прѣхалъ!

Я, было, сейчасъ же и поднялся, чтобы на кухню уйти, но нянюшка Татьяна Яковлевна разговорчивая была ста-

рушка изъ московскихъ: страсть любила все высказать и не захотѣла черезъ это слушателя лишиться, а говорить:

— Не уходи, Иванъ Голованычъ, а пойдемъ вотъ сюда въ гардеробную за шкапу сидемъ, она его сюда ни за что не поведетъ, а мы съ тобою еще разговорцу проведемъ.

Я и согласился, потому что, по разговорчивости Татьяны Яковлевны, надѣялся отъ нея что-нибудь для Груши полезное свѣдать, и какъ отъ Евгеньи Семеновны мнѣ былъ лодиколодный пузырьчикъ рому къ чаю высланъ, а я самъ уже тогда ничего не пилъ, то и думаю: подпущу-ка я ей, божьей старушкѣ, въ чайкъ еще вотъ этого разговорцу изъ пузырька, авось она, по благодати своей, мнѣ тогда что-нибудь и совретъ, чего бы безъ того и не высказала.

Удалились мы изъ дѣтской и сидимъ за шкапами, а эта шкапная комнатка была узенькая, просто сказать — коридоръ, съ дверью въ концѣ, а та дверь какъ разъ въ ту комнату выходила, гдѣ Евгенья Семеновна князя приняла и даже къ тому къ самому дивану, на которомъ они сѣли. Однимъ словомъ, только меня отъ нихъ раздѣлила эта запертая дверь, съ той стороны матеріей завѣшанная, а то все равно будто я съ ними въ одной комнатѣ сижу, такъ мнѣ все слышно.

Князь какъ вошелъ и говорить:

— Здравствуй, старый другъ, испытанный!

А она ему отвѣчаетъ:

— Здравствуйте, князь! Чему я обязана?

А онъ ей:

— Объ этомъ, говорить, — послѣ поговоримъ, а прежде дай поздороваться и позволь въ головку тебя поцѣловать, — и мнѣ слышно, какъ онъ ее въ головку чмокнулъ, и спрашиваетъ про дочь. Евгенья Семеновна отвѣчаетъ, что она, молъ, дома.

— Здорова?

— Здорова, говорить.

— И выросла, небось?

Евгенья Семеновна разсмѣялась и отвѣчаетъ:

— Разумѣется, говорить, — выросла.

Князь спрашиваетъ:

— Надѣюсь, что ты мнѣ ее покажешь?

— Отчего же, отвѣчаетъ, — съ удовольствіемъ, — и встала съ мѣста, вошла въ дѣтскую и зоветъ эту самую няню, Татьяну Яковлевну, съ которою я угощаюсь.

— Выведите, говорить, — нянюшка, Людочку къ князю. Татьяна Яковлевна плюнула, поставила блюдо на столъ и говорить:

— О, пусто бы вамъ совѣмъ было, только-что сидишь, въ самый ашкетить съ человѣкомъ поговорить, непременно и тутъ отрываютъ и ничего въ свое удовольствіе сдѣлать не дадутъ! — и поскорѣ меня барыниними юбками, которыя на стѣнѣ висѣли, закрыла и говорить: — посиди, — а сама пошла съ дѣвочкой, а я одинъ за шкапами остался и вдругъ слышу князь дѣвочку разъ и два поцѣловалъ и потетешкалъ на колѣнахъ и говорить:

— Хочешь, мой анфанъ, въ каретѣ покататься?

Та ничего не отвѣчаетъ; онъ говорить Евгеньѣ Семеновнѣ.

— Же ву при, говорить, — пожалуйста, пусть она съ нянею въ моей каретѣ поѣздитъ, покатается.

Та, было, ему что-то по-французскому, дескать, зачѣмъ и пуркуа, но онъ ей тоже въ родѣ того, что, дескать, «непремѣнно надобно», и этакъ они раза три словами перебросились и потомъ Евгенья Семеновна нехотя говорить нянюшкѣ:

— Одѣньте ее и поѣзжайте.

Тѣ и поѣхали, а эти двоичкой себѣ остались, да я у нихъ подъ сокрытьемъ на послухахъ, потому что мнѣ изъ-за шкаповъ и выйти нельзя, да и самъ себѣ я думалъ: вотъ же когда мой часъ насталъ и я теперь настоящее изслѣдую, что у кого противъ Груши есть въ мысляхъ вреднаго?

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Пустившись на этакое рѣшеніе, чтобы подслушивать, я этимъ не удовольнился, а захотѣлъ и глазомъ, что можно, увидѣть и всего этого достигъ: сталъ тихонечко ногами на табуретку и сейчасъ вверху дверей въ пазу щелочку при-смотрѣлъ и жаднымъ окомъ прикикъ къ ней. Вижу, князь сидитъ на диванѣ, а барыня стоитъ у окна и, вѣрно, смотритъ, какъ ея дитя въ карету сажаютъ.

Карета отъѣхала и она оборачивается и говорить:

— Ну, князь, я все сдѣлала, какъ вы хотѣли: скажите же теперь, что у васъ за дѣло такое ко мнѣ?

А онъ отвѣчаетъ:

— Ну, что тамъ дѣло!.. дѣло не медвѣдь, въ лѣсъ не убѣжить, а ты прежде подойди-ка сюда ко мнѣ: сидемъ рядомъ, да поговоримъ ладомъ, по-старому, по-бывалому.

Барыня стоитъ, руки назадъ, объ окно опирается и молчитъ, а сама бровь сунить. Князь проситъ:

— Что же, говорить, ты: я прошу, — мнѣ говорить съ тобой надо.

Та послушалась, подходитъ; онъ сейчасъ, это видя, опять шутить:

— «Ну, ну, моль, посиди, посиди по-старому», и обнять ее хотѣлъ, но она его отодвинула и говоритъ:

— Дѣло, князь, говорите, дѣло: чѣмъ я могу вамъ служить?

— Что же это, — спрашиваетъ князь: — стало-быть, безъ разговора все на-чистоту выкладывать?

— Конечно, говорить, — объясняйте прямо, въ чемъ дѣло? мы, вѣдь, съ вами коротко знакомы, — церемониться нечего.

— Мнѣ деньги нужны, — говоритъ князь.

Та молчитъ и смотреть.

— И немного денегъ, — молвилъ князь.

— А сколько?

— Теперь всего тысячь двадцать.

Та опять не отвѣчаетъ, а князь и ну расписывать, что я, говоритъ, суконную фабрику покунаю, но у меня денегъ ни гроша нѣтъ, а если куплю ее, то я буду миллионеръ; я, говоритъ, все передѣлаю, все старое уничтожу и выброшу, и начну яркія сукна дѣлать да азіатамъ въ Нижній продавать. Изъ самой гадости, говоритъ, вытку, да ярко выкрашу и все пойдетъ, и большія деньги наживу, а теперь мнѣ только двадцать тысячь на задатокъ за фабрику нужно. Евгенія Семеновна говоритъ:

— Гдѣ же ихъ достать?

А князь отвѣчаетъ:

— Я и самъ не знаю, но надо достать, а потомъ расчетъ у меня самый вѣрный: у меня есть человекъ — Иванъ Голованъ, изъ полковыхъ конюсеровъ, очень не уменъ, а золотой мужикъ, — честный, и рачитель, и долго у азіатовъ въ плѣну былъ, и всѣ ихъ вкусы отлично знаетъ, а теперь у Макарія стоитъ ярмарка, я пошла туда Голована заподрядиться и образцовъ взять, и задатки будутъ... тогда... я, первое, сейчасъ эти двадцать тысячь отдамъ...

И онъ замолкъ, а барыня помолчала, вздохнула и начинаетъ:

— Расчетъ, говоритъ,—вашъ, князь, вѣренъ.

— Неправда ли?

— Вѣренъ, говоритъ,—вѣрентъ: вы такъ сдѣлаете: вы дадите за фабрику задатокъ, васъ послѣ этого станутъ считать фабрикантомъ; въ обществѣ заговорятъ, что ваши дѣла поправились...

— Да.

— Да; и тогда...

— Голованъ наберетъ у Макарія заказовъ и задатковъ, и я верну долгъ и разбогатѣю.

— Нѣтъ, позвольте, не перебивайте меня: вы прежде поднимете всѣмъ этимъ на фу-фу предводителя, и пока онъ будетъ почитать васъ богачомъ, вы женитесь на его дочери и тогда, взявши за ней ея приданое, въ самомъ дѣлѣ разбогатѣете.

— Ты такъ думаешь?—говоритъ князь.

А барыня отвѣчаетъ:

— А вы развѣ иначе думаете?

— А ну, если ты, говоритъ,—все понимаешь, такъ дай Богъ твоими устами да намъ медъ пить.

— *Намъ?*

— Конечно, говоритъ,—тогда всѣмъ намъ будетъ хорошо: ты для меня теперь домъ заложить, а я дочери за двадцать тысячъ десять тысячъ процента дамъ.

Барыня отвѣчаетъ:

— Домъ вашъ: вы ей его подарили, вы и берите его, если онъ вамъ нуженъ.

Онъ, было, началъ, что: «нѣтъ, дескать, домъ не мой, а ты ея мать, я у тебя прошу... разумѣется, только въ такомъ случаѣ, если ты мнѣ вѣришь...»

А она отвѣчаетъ:

— Ахъ, полноте, говоритъ,—князь: то ли я вамъ, говорить, вѣрила! Я вамъ жизнь и честь свою довѣряла.

— Ахъ, да, говоритъ,—ты про это... Ну, спасибо тебѣ, спасибо, прекрасно... Такъ завтра, стало-быть, можно прислать тебѣ подписать закладную?

— Присылайте, говоритъ,—я подпишу.

— А тебѣ не страшно?

— Нѣтъ, говоритъ,—я уже то потеряла, послѣ чего мнѣ нечего бояться.

— И не жаль? говори: не жаль? вѣрно, еще ты любишь меня немножечко? что? или просто сожалѣешь? а?

Она на эти слова только засмѣялась и говорить:

— Полноте, князь, пустяки болтать. Не хотите ли вы, лучше я велю вамъ моченой морошки съ сахаромъ подать? У меня она нынче очень вкусная.

Онъ, должно-быть, обидѣлся: не того, видно, совсѣмъ ожидалъ—встаетъ и улыбается.

— Нѣтъ, говорить,—кунай сама свою морошку, а мнѣ теперь не до сладостей. Благодарю тебя и прощай,—и начинаеть ей руки цѣловать, а тѣмъ временемъ какъ разъ и карета назадъ возвратилась.

Евгенья Семеновна и подаетъ ему на прощанье руку, а сама говорить:

— А какъ же вы съ вашей черноокой цыганкой сдѣлаетесь?

А онъ себя вдругъ рукой по лбу и вскрикнулъ:

— Ахъ, и виравду! кабая ты всегда умная! Хочешь вѣрь, хочешь не вѣрь, а я всегда о твоёмъ умѣ вспоминаю и спасибо тебѣ, что ты мнѣ теперь про этотъ яхонтъ напомнила!

— А вы, говорить,—будто про нее такъ и позабыли?

— Ей-Богу, говорить,—позабылъ. И изъ ума вошь, а ее, дуру, вѣдь, дѣйствительно, надо устроить.

— Устраивайте,—отвѣчаетъ Евгенья Семеновна:—только хорошенечко: она, вѣдь, не русская прохладная кровь съ парнымъ молокомъ, она не успокоится смиреніемъ и ничего не проститъ ради прошлаго.

— Ничего, отвѣчаетъ,—какъ-нибудь успокоится.

— Она любить васъ, князь? Говорятъ, даже очень любить?

— Страсть надоѣла; но, слава Богу, на мое счастье, они съ Голованомъ большіе друзья.

— Что же вамъ изъ этого? — спрашиваетъ Евгенья Семеновна.

— Ничего; домъ имъ куплю и Ивана въ купцы запишу, перевѣнчаются и стануть жить.

А Евгенья Семеновна покачала головою и, улыбувшись, промолвила:

— Эхъ, вы, князенька, князенька, безтолковый князенька: гдѣ ваша совѣсть?

А князь отвѣчаетъ:

— Оставь, пожалуйста, мою совѣсть! Ей-Богу, мнѣ теперь не до нея: мнѣ когда бы можно было сегодня Ивана Голована сюда вытребовать.

Барыня ему и сказала, что Иванъ Голованъ, говорить, въ городѣ и даже у меня и приставши. Князь очень этому обрадовался и велѣлъ какъ можно скорѣе меня къ нему прислать, а самъ сейчасъ отъ нея и уѣхалъ.

Вслѣдъ за этимъ пошло у насъ все живою рукою, какъ въ сказкѣ. Надавалъ князь мнѣ довѣренностей и свидѣтельствъ, что у него фабрика есть, и научилъ говорить, какія сукна вырабатываетъ, и услалъ меня прямо изъ города къ Макарью, такъ что я Груши и повидать не могъ, а только все за нее на князя обижался, что какъ онъ это могъ сказать, чтобы ей моею женой быть? У Макарья мнѣ счастье такъ повалило: набралъ я отъ азіатовъ и заказовъ, и денегъ, и образцовъ, и всѣ деньги князю выслалъ, и самъ пріѣхалъ назадъ и своего мѣста узнать не могу... Просто все какъ будто какимъ-нибудь волшебствомъ здѣсь перемѣнилось: все подновлено, словно изба, къ празднику убранная, а флигеля, гдѣ Груша жила, и слѣда нѣтъ: скрыть и на его мѣстѣ новая постройка поставлена. Я такъ и ахнулъ, и кинулся: гдѣ же Груша? а про нее никто и не вѣдаетъ; и люди-то въ прислугѣ все новые, наемные, и прегордые, такъ что и доступу мнѣ прежняго къ князю нѣтъ. Допрежь сего у насъ съ нимъ все было по-военному, въ простотѣ, а теперь стало все на политикѣ и что мнѣ надо князю сказать, то не иначе, какъ черезъ камердинера.

Я этого такъ терпѣть не люблю, что ни одной бы минуты здѣсь не остался и сейчасъ бы ушелъ, но только мнѣ очень было жаль Грушу и никакъ я не могу узнать: гдѣ же это она дѣлалась? Кого изъ старыхъ людей ни спрошу— всѣ молчатъ: видно, что строго заказано. Насилу у одной дворовой старушки добился, что Грушенька еще недавно тутъ была и «всего, говорить, день десять какъ съ княземъ въ коляскѣ куда-то отъѣхала и съ тѣхъ поръ назадъ не вернулась». Я къ кучерамъ, кои возили ихъ: сталъ спрашивать, и тѣ ничего не говорятъ. Сказали только, что князь, будто, своихъ лошадей на станціи смѣнялъ, назадъ отослалъ, а самъ съ Грушею куда-то на наемныхъ поѣхалъ. Куда ни метнусь, нѣтъ никакого слѣда, да и полно: погу-

билъ онъ ее, что ли, злодѣй, пожегъ, или пистолетомъ застрѣлить и гдѣ-нибудь въ лѣсу, во рву бросилъ, да сухою листовою призасыналъ, или въ водѣ утопилъ... Отъ страстнаго человѣка, вѣдь, все это легко можетъ статься; а она ему помѣха была, чтобы жениться, потому что, вѣдь, Евгенья Семеновна правду говорила: Груша любила его, злодѣя, всею страстной своею любовью цыганскою, каторжной, и ей было то не снести и не покориться, какъ Евгенья Семеновна сдѣлала, русская христіанка, которая жизнь свою передъ нимъ какъ лампаду истеплила. Въ этой цыганское пламенице-то, я думаю, дымнымъ костромъ вспыхнуло, какъ онъ ей насчетъ свадьбы сказалъ, и она тутъ, небось, невѣдомо что зачертила, вотъ онъ ее и покончилъ.

Такъ я все чѣмъ больше эту думу въ головѣ содержу, тѣмъ больше увѣряюсь, что иначе это быть не могло, и не могу смотрѣть ни на какіе сборы къ его вѣнчанью съ предводительскою дочкою. А какъ свадьбы день пришелъ и всѣмъ людямъ роздали цвѣтные платки и кому какое идетъ по его должности новое платье, я ни платка, ни убора не надѣлъ, я взялъ все въ конюшнѣ въ своемъ чуланчикѣ покинулъ и ушелъ съ утра въ лѣсъ и ходилъ, самъ не знаю чего, до самаго вечера, все думалъ: не попаду ли гдѣ на ея тѣло убитое? Вечеръ пришелъ, я и вышелъ, сѣлъ на крутомъ берегу надъ рѣчкою, а за рѣкою весь домъ огнями горитъ, свѣтится и праздникъ идетъ; гости гуляютъ и музыка гремитъ, далеко слышно. А я все сижу да гляжу уже не на самый домъ, а въ воду, гдѣ этотъ свѣтъ весь отразило и струями рябитъ, какъ будто столбы ходятъ, точно водяные чертоги открыты. И стало мнѣ таково грустно, таково тягостно, что даже, чего со мною и въ плѣну не было, началъ я съ невидимой силой говорить и, какъ въ сказкѣ про сестрицу Аленушку сказываютъ, которую братъ звалъ, зову ее, мою сиротинушку Грунюшку, жалобнымъ голосомъ:

— Сестрица моя, мой, говорю, Грунюшка! откликнись ты мнѣ, отзовись мнѣ; откликнись мнѣ; покажися мнѣ на минуточку! И что же вы изволите думать: простоналъ я такъ три раза и стало мнѣ жутко и зачало все казаться, что ко мнѣ кто-то бѣжитъ; а вотъ прибѣжалъ, вокругъ меня вѣтятся, въ уши мнѣ шепчетъ и черезъ плеча въ лицо засматриваетъ, и вдругъ на меня изъ темноты ночной

какъ что-то шаркнетъ!.. И прямо на мнѣ повисло, и колотится..

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Я отъ страха даже мало на землю не упалъ, но чувствъ совсѣмъ не лишился, и ощущаю, что около меня что-то живое и легкое, точно какъ подстрѣленный журавль, бьется и вздыхаетъ, а ничего не молвить.

Я сотворилъ въ умѣ молитву, и что же-съ?—вижу передъ своимъ лицомъ какъ разъ лицо Груши..

— Родная моя, говорю, — голубушка! живая ли ты, или съ того свѣта ко мнѣ явилася? Ничего, говорю, не пугайся, говори правду: я тебя, бѣдной сироты, и мертвой не испугаюсь.

А она глубоко-глубоко изъ глубины груди вздохнула и говоритъ:

— Я жива.

— Ну, и слава, молю, Богу.

— Только я, говоритъ, — сюда умереть вырвалась.

— Что ты, говорю, — Богъ съ тобой, Грунюшка: зачѣмъ тебѣ умирать. Пойдемъ жить счастливою жизнью: я для тебя работать стану, а тебѣ, сиротиночкѣ, особливую келѣйку учрежду, и ты у меня живи замѣсто милой сестры.

А она отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, Иванъ Северьянычъ, нѣтъ, мой ласковый, милъ-сердечный другъ, прими ты отъ меня, сироты, на томъ твоёмъ словѣ вѣчный поклонъ, а мнѣ, горькой цыганкѣ, больше жить нельзя, потому что я могу неповинную душу загубить.

Пытаю ее:

— Про кого же ты это говоришь? про чью душу жалѣешь?

А она отвѣчаетъ:

— Про ее, про лиходѣя моего жену молодую, потому что она — молодая душа, ни въ чемъ неповинная, а мое ревнивое сердце ее все равно стереть не-можетъ, и я ее и себя погублю.

— Что ты, молю, перекрестись: вѣдь, ты крещеная, а что душѣ твоей будетъ?

— Нѣ-ѣ-ѣ-тъ, отвѣчаетъ, — я и души не пожалѣю, пу-скай въ адъ идетъ. Здѣсь хуже адъ!

Вижу, вся женщина въ разстройствѣ и въ изступленіи

ума: я ее взялъ за руки и держу, а самъ вглядываюсь и дивлюсь, какъ странно она перемѣнилась и гдѣ вся ея красота дѣлась? тѣла даже на ней какъ нѣтъ, а только одни глаза среди темнаго лица, какъ въ ночи у волка, горятъ, и еще будто противъ прежняго вдвое больше стали, да нѣдро разнесло, потому что тягость ея тогда къ концу приходила, а личико въ кулачокъ сжало, и по щекамъ черныя космы трепяся. Гляжу на платьице, какое на ней надѣто, а платьице темное ситцевенькое, какъ есть все въ клочечкахъ, а башмачки на босу ногу.

— Скажи, говорю,—миѣ: откуда же ты это сюда взялась; гдѣ ты была и отчего такая неприглядная?

А она вдругъ улыбнулась и говоритъ:

— Что?.. чѣмъ я нехороша?.. Хороша! — Это меня такъ убрали миль-сердечный другъ за любовь къ нему за вѣрную: за то, что того, котораго больше его любила, для него позабыла, и вся ему предалась, безъ ума и безъ разума, а онъ меня за то въ крѣпкое мѣсто уприталъ и сторожей настановилъ, чтобы строго мою красоту стеречь...

И съ этимъ, вдругъ-съ, какъ захохочетъ и молвить съ гнѣвною:

— Ахъ ты, глухая твоя голова, княженецкая: развѣ цыганка—барышня, что ее запоры удержатъ? Да я захочу, я сейчасъ брошуся и твоей молодой женѣ горло переѣмъ.

Я вижу, что она сама вся трясется отъ ревнивой муки, и думаю: дай я ее не страхомъ ада, а сладкимъ воспоминаемъ отъ этихъ мыслей отведу, и говорю:

— А, вѣдь, какъ, молъ, онъ любилъ-то тебя! Какъ любилъ! Какъ ноги-то твои цѣловалъ... Бывало, на колѣняхъ передъ диваномъ стоитъ, какъ ты поешь, да алую туфлю твою и сверху, и снизу въ подошву обцѣлуетъ...

Она это стала слушать и вѣчищами своими черными водить по сухимъ щекамъ, и, въ воду глядя, начала гулкимъ тихимъ голосомъ:

— Любилъ, говоритъ,—любилъ, злодѣй, любилъ, ничего не жалѣлъ, пока не былъ самъ миѣ по-сердцу, а полюбила его—онъ покинулъ. А за что?.. Что она, моя разлучница, лучше меня, что ли, или больше меня любить его станетъ... Глупый онъ, глупый! Не грѣтъ солнцу зимой противъ лѣтняго, не видать ему вѣкъ любви противъ того, какъ я лю-

била; такъ ты и скажи ему: моль, Груша, умирая, такъ тебѣ ворожила и на рокъ положила.

Я тутъ и радъ, что она разговорилась, и присталь, спрашиваю:

— Да что это такое у васъ произошло и черезъ что все это сталося?

А она всплескиваетъ руками и говорить:

— Ахъ, ни черезо-что ничего не было, а все черезъ одно измѣнство... Нравиться ему я перестала, вотъ и вся причина; и сама, знаете, все это говорить, а сама начинать слезами хлестать. Онъ, говорить, платьевъ мнѣ, по своему вкусу, такихъ нашиль, какихъ тягостной не требуется: узкихъ да съ талиями; я ихъ надѣну, выстроюсь, а онъ сердится, говорить: «скинь; не идетъ тебѣ»; не надѣну ихъ, въ роспашнѣ покажусь, еще того вдвое обидится... говорить: «на кого похожа ты?» Я все поняла, что уже не воротить мнѣ его, что я ему опротивѣла...

И съ этимъ совсѣмъ зарыдала и сама впередъ смотреть, а сама шенчетъ:

— Я, говорить, — давно это чуяла, что не мила ему стала, да только совѣсть его хотѣла узнать, думала: — ничѣмъ ему не досажу и догляжусь его жалости, а онъ меня и пожалѣлъ...

И рассказала-съ она мнѣ насчетъ своей послѣдней съ княземъ разлуки такую пустяковину, что я даже не понять, да и посейчасъ не могу понять: на чемъ коварный чловѣкъ можетъ съ женщиною вѣковѣчно разстроиться?

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Рассказала Груша мнѣ, что какъ ты, говорить, — уѣхаль да пропаль, то-есть, это когда я къ Макарью отправился, князя еще долго домой не было; а до меня, говорить, слухи дошли, что онъ женится... Я отъ тѣхъ слуховъ страшно плакала и съ лица спала... Сердце болѣло и дитя подкатывало... думала: оно у меня умереть въ утробѣ. А тутъ, слышу, вдругъ и говорятъ: «онъ ѣдетъ!» Все во мнѣ затрепетало!.. Кинулась я къ себѣ во флигель, чтобы какъ можно лучше къ нему одѣться, изумрудныя серьги надѣла, и тану со стѣны изъ-подъ простыни самое любимое его голубое моревое платье съ кружевомъ, лифъ безъ горлышка... Спѣшу, одѣваю, а сзади сника не сходится... я эту

спинку и не застегнула, а такъ, поскорѣе, сверху алую шаль набросила, чтобы не видать, что не застегнуто, и къ нему на крыльцо выскочила... вся дрожу, и себя не помню какъ крикнула:

— Золотой ты мой, изумрудный, яхонтовый! — да обхватила его шею руками и замерла...

Дурнота съ нею сдѣлалась.

— А прочудилась я, говорить,—у себя въ горницѣ... на диванѣ лежу и все вспоминаю: во снѣ, или наяву я его обнимала; но только была, говорить, со мною ужасная слабость и долго она его не видала... Все посылала за нимъ, а онъ не ишелъ.

Наконецъ, онъ приходитъ, а она и говорить:

— Что же ты меня совсѣмъ бросилъ—позабылъ?

А онъ говорить:

— У меня есть дѣла.

Она отвѣчаетъ:

— Какія, говорить,—такія дѣла? Отчего же ихъ прежде не было? Изумрудъ ты мой брильянтовой!—да и протягиваетъ опять руки, чтобы его обнять, а онъ наморщился и какъ дернетъ ее изо всей силы крестовымъ шнуркомъ за шею...

— На счастье, говорить,—мое, шелковый шнурочекъ у меня на шеѣ не крѣпокъ былъ, перезнялъ и перервался, потому что я давно на немъ ладанку носила, а то бы онъ мнѣ горло передушилъ; да я полагаю такъ, что онъ того именно и хотѣлъ, потому что даже весь побѣлѣлъ и шипить:

— Зачѣмъ ты такіе грязные шнурки носишь?

А я говорю:

— Что тебѣ до моего шнурка; онъ чистый былъ, а это на мнѣ съ тоски почернѣлъ отъ тяжелого пота.

А онъ:

— Тьфу, тьфу, тьфу, заплевалъ, заплевалъ, и ушелъ, а передъ вечеромъ входитъ сердитый и говорить:

— Поѣдемъ въ коляскѣ кататься!—и притворился, будто ласковый и въ голову меня поцѣловать, а я, ничего не опасаясь, сѣла съ нимъ и поѣхала. Ъхали мы долго и два раза лошадей перемѣняли, а куда ѣдемъ—никакъ не доспрошусь у него, но вижу настало мѣсто лѣсное и болотное, непригодное, дикое. И пріѣхали среди лѣса на какую-то пчельню, а за пчельню—дворъ, и тутъ встрѣчаютъ насъ три молодья здоровыя дѣвки-однодворки въ мареновыхъ

красныхъ юбокъ и зовутъ меня «барыней». Какъ я изъ коляски выступила, онѣ меня подъ руки выхватили и прямо понесли въ комнату, совсѣмъ убранныю.

Меня что-то сразу отъ всего этого, и особливо отъ этихъ однодворокъ, замутило и сердце мое сжалось.

— Что это, — спрашиваю его, — какая здѣсь станція?

А онъ отвѣчаетъ:

— Это ты здѣсь теперь будешь жить.

Я стала плакать, руки его цѣловать, чтобы не бросалъ меня тутъ, а онъ и не пожалѣлъ: толкнулъ меня прочь и уѣхалъ...

Тутъ Грушенька умолкла и лично внизъ спустила, а потомъ вздыхаетъ и молвить:

— Уйти хотѣла; сто разъ порывалась — нельзя: тѣ дѣвки-однодворки стерегутъ и глазъ не спускаютъ... Томилась я, да, наконецъ, вздумала притвориться, и прикинулась беззаботною, веселою, будто гулять захотѣла. Онѣ меня гулять въ лѣсъ берутъ, да все за мной смотрять, а я смотрю по деревьямъ, по верхамъ вѣтвей да по кожурѣ примѣчаю — куда сторона на поденъ, и вздумала, какъ мнѣ отъ этихъ дѣвокъ уйти, и вчера то исполнила. Вчера, послѣ обѣда, вышла я съ ними на полянку, да и говорю:

— Давайте, говорю, — ласковыя, въ жмурки по полянкѣ бѣгать.

Онѣ согласились.

— А на мѣсто глазъ, говорю, — станемъ другъ дружкѣ руки назадъ вязать, чтобы задомъ ловить.

Онѣ и на то согласны.

Такъ и стали. Я первой руки за спину крѣико-накрѣико завязала, а съ другою за кустъ забѣжала, да и эту тамъ спутала, а на ея крикъ третья бѣжить, я и третью у тѣхъ въ глазахъ силкомъ скрутила; онѣ кричатъ, а я, хоть тигостная, ударила съ быстрѣй коня рѣзаго: все по лѣсу, да по лѣсу и бѣжала цѣлую ночь, и на утро упала у старыхъ бортей въ густой засѣкѣ. Тутъ подошелъ ко мнѣ старый старичокъ, говоритъ — неразборчиво шамкаетъ, а самъ весь въ воску и ото всего отъ него медомъ пахнетъ, и въ желтыхъ бровяхъ пчелки ворочаются. Я ему сказала, что я тебя, Ивана Северьяныча, видѣть хочу, а онъ говоритъ:

— Кличь его, молодка, разъ подъ вѣтеръ, а разъ супротивъ вѣтра: онъ затоскуетъ и пойдетъ тебя искать, — вы и

встрѣтитесь. Даль онъ мнѣ воды испить и медку на огурчикѣ подкрѣпится. Я воды испила и огурчикъ съѣла и опять пошла, и все тебя звала, какъ онъ велѣлъ, то по вѣтру, то противъ вѣтра—вотъ и встрѣтились. Спасибо!—и обняла меня и поцѣловала, и говоритъ:—ты мнѣ все равно, что милый братъ.

Я говорю:

— И ты мнѣ все равно, что сестра милая, а у самого отъ чувства слезы пошли.

А она плачетъ и говоритъ:

— Знаю я, Иванъ Северьянычъ, все знаю и разумѣю; одинъ ты и любилъ меня, милъ-сердечный другъ мой, ласковый. Докажи же мнѣ теперь твою послѣднюю любовь, сдѣлай, что я попрошу тебя въ этотъ страшный часъ.

— Говори, ты,—отвѣчаю:—что тебѣ хочется?

— Нѣтъ, ты,—говоритъ:—прежде поклянись чѣмъ страшнѣе въ свѣтѣ есть, что сдѣлаешь о чемъ просить стану.

Я ей своимъ спасеньемъ души поклялся, а она говоритъ:

— Это мало: ты это ради меня преступишь. Нѣтъ, ты,—говоритъ:—страшнѣй поклянись.

— Ну, уже я, моль, страшнѣе этого ничего не могу придумать.

— Ну, такъ я же,—говоритъ:—за тебя придумала, а ты за мной посидишь, говори, и не раздумывай.

Я сдуру пообѣщался, а она говоритъ:

— Ты мою душу прокляни такъ, какъ свою клялъ, если меня не послушаешь.

— Хорошо,—говорю:—и взялъ да ея душу проклялъ.

— Ну, такъ послушай же,—говоритъ:—теперь же стань поскорѣ душѣ моей за спасителя; моихъ,—говоритъ:—больше силъ нѣтъ такъ жить да мучиться, видочи его измѣну и надо мной надругательство. Если я еще день проживу, я и *его*, и *ее* порѣшу, а если ихъ пожалѣю, себя рѣшу, то навѣкъ убью свою душеньку... Пожалѣй меня, родной мой, мой миленький братъ: ударь меня разъ ножомъ противъ сердца.

Я отъ нея въ сторону, да крещу ее, а самъ нячуся, а она обвила ручками мои колѣни, а сама плачетъ, сама въ ноги кланяется и увѣщаетъ:

— Ты,—говоритъ:—поживешь; ты Богу отмолишь и за

мою душу, и за свою, не погуби же меня, чтобы я на себя руку подняла... Н... и... н... у...

Иванъ Северьянычъ странно наморщилъ брови и, покусавъ усы, словно выдохнулъ изъ глубины расхолодившейся груди:

— Пожъ у меня изъ кармана достала... розняла... изъ ручки лезвее выправила... и въ руки мнѣ суетъ... А сама... стала такое несть, что тергѣть нельзя...

— Не убьешь,—говорить:— мени, я всѣмъ вамъ въ отместку стану самою стыдной женщиной.

Я весь задрожалъ и велѣлъ ей молиться, и колоть ее не сталъ, а взялъ, да такъ съ крутизны въ рѣку и спихнулъ...

Всѣ мы, выслушавъ это послѣднее признаніе Ивана Северьяныча, впервые заподозрили справедливость его разсказа и хранили довольно долгое молчаніе, но, наконецъ, кто-то отъаплинулся и молвилъ:

— Она утонула?

— Залилась,—отвѣчалъ Иванъ Северьяновичъ.

— А вы же какъ потомъ?

— Что такое?

— Пострадали небось?

— Разумѣется-съ.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Я бѣжалъ оттолъ, съ того мѣста, самъ себя не понимая, а помню только, что за мною все будто кто-то гнался ужасно какой большой и длинный, и безстыжій, обвагощенный, а тѣло все черное и голова малая, какъ луновочка, а самъ весь обростенькій, въ волосахъ, и я догадался, что это если не Кантъ, то самъ губитель-объсъ, и все я отъ него убѣгалъ и звалъ къ себѣ ангела-хранителя. Опомнился же я гдѣ-то на большой дорогѣ, подъ ракиточкой. И такой это день былъ осенній, сухой, солнце свѣтитъ, а холодно, и вѣтеръ, и пыль несетъ, и желтый листь крутить; а я не знаю, какой часъ, и что это за мѣсто, и куда та дорога ведетъ, и ничего у меня на душѣ нѣтъ, ни чувства, ни опредѣленія, чтѣ мнѣ дѣлать; а думаю только одно, что Грушина душа теперь погибшая и моя обязанность за нее отстрадать и ее изъ ада выручить. А какъ это сдѣлать,— не знаю и объ этомъ тоскую, но только вдругъ меня за плечо что-то тронуло: гляжу — это хворостинка съ ракиты

пала и далекомъ такъ покатила, покатила и вдругъ Груша идетъ, только маленькая, не больше какъ будто ей всего шесть, или семь лѣтъ, и за плечами у нея малыя крылышки; а чуть я ее увидаль, она уже сейчасъ отъ меня какъ выстрѣль отлетѣла и только пыль да сухой листь вслѣдъ за ней воскурились.

Думаю я: это непременно ея душа за мной слѣдуетъ, вѣрно, она меня манитъ и путь мнѣ кажетъ. И пошелъ. Весь день я шелъ, самъ не знаю куда, и немоготу усталъ, и вдругъ нагоняютъ меня люди, старичокъ со старушкою на телѣгѣхъ парю, и говорятъ:

— Садись, бѣдный человекъ, мы тебя подвеземъ.

Я сѣлъ. Они вѣдутъ и убиваются:

— Горе, — говорятъ: — у насъ сына въ солдаты берутъ, а капиталу не имѣемъ, нанять не на что.

Я старичковъ пожалѣлъ и говорю:

— Я бы за васъ такъ, безъ платы, пошелъ, да у меня бумагъ нѣтъ.

А они говорятъ:

— Это пустяки: то уже наше дѣло; а ты только назовись, какъ нашъ сынъ, Петромъ Сердюковымъ.

— Что же, — отвѣчаю: — мнѣ все равно: я своему ангелу Ивану Предтечѣ буду молитвить, а называться я могу всячески, какъ вамъ угодно. Тѣмъ и покоячили, и отвезли они меня въ другой городъ и сдали меня тамъ вмѣсто сына въ рекруты, и дали мнѣ на дорогу монетою двадцать пять рублей, а еще общались во всю жизнь помогать. Я эти деньги, что отъ нихъ взялъ, двадцать пять рублей, сейчасъ положилъ въ бѣдный монастырь вкладъ за Грушину душу, а самъ сталъ начальство просить, чтобы на Кавказъ меня опредѣлить, гдѣ я могу скорѣе за вѣру умереть. Такъ и сдѣлалось, и я пробылъ на Кавказѣ болѣе пятнадцати лѣтъ и никому не открывалъ ни настоящаго своего имени, ни званія, а все назывался Петръ Сердюковъ и только на Ивановъ день Богу за себя молилъ, черезъ Предтечу ангела. И позабылъ уже я самъ про все мое прежнее бытiе и званiе, и дослуживаю такимъ манеромъ послѣднiй годъ, какъ вдругъ на самый на Ивановъ день были мы въ погонѣ за татарами, а тѣ наноскудили и ушли за рѣку Койсу. Тѣхъ Койсъ въ томъ мѣстѣ нѣсколько: которая течетъ по Андiи, такъ и зовется андiйская, которая по Аварiи — зовется ава-

рійская Койса, а то корикумуйская и кузкумуйская, и всё онѣ сливаются и отъ сливу ихъ зачинается Сулакь-рѣка. Но всё онѣ, и по себѣ сами, быстры и холодны, особливо андійская, за которую татарва ушли. Много мы ихъ тутъ безъ счету этихъ татаровъ побили, но кои перенравились за Койсу—тѣ сѣли на томъ берегу за камнями, и чуть мы покажемся, они въ насъ палятъ. Но палятъ съ такою сноровкою, что даромъ огня не тратятъ, а берегутъ зелье на вѣрный вредъ, потому что знаютъ, что у насъ снаряду не въ примѣръ больше ихняго, и такъ они намъ вредно чинятъ, что стоимъ мы всё у нихъ въ виду, они, шельмы, ни разу въ насъ и не пукнутъ. Полковникъ у насъ былъ отважной души и любилъ изъ себя Суворова представлять, все, бывало, «помилуй Богъ» говорилъ и своимъ примѣромъ отвагу давалъ. Такъ онъ тутъ сѣлъ на бережку, а ноги разулъ и по колѣни въ эту холоднищую воду опустилъ, а самъ хвалится:

— Помилуй Богъ, — говоритъ: — какъ вода тепла: все равно, что твое парное молочко въ доеночкѣ. Кто, благодѣтели, охотники на ту сторону переплыть и канать перетащить, чтобы мость навестъ?

Сидитъ полковникъ и такимъ манеромъ съ нами растабарываетъ, а татары съ того бока два ствола ружей въ цель выставили, а не стрѣляютъ. Но только-что два солдата-охотнички вызвались и поплыли, какъ сверкнетъ пламя, и оба тѣ солдата въ Койсу такъ и нырнули. Потянули мы канать, пустили другую пару, а сами тѣ камни, гдѣ татары спрятавшись, какъ роємъ, пулями осыпаемъ, но ничего имъ повредить не можемъ, потому что пули наши въ камни бьютъ, а они, анаемы, какъ плюютъ въ пловцовъ, такъ вода кровью замутилась, и опять тѣ два солдата юркнули. Пошли за ними и третья пара, и тоже середны Койсы не доплыли, какъ татары и этихъ утопили. Тутъ уже за третью парю и мало стало охотниковъ, потому что видимо всё, что это не война, а просто убійство, а наказать злодѣевъ надобно. Полковникъ и говоритъ:

— Слушайте, мои благодѣтели! Нѣтъ ли изъ васъ кого такого, который на душѣ смертный грѣхъ за собой знаетъ? Помилуй Богъ, какъ бы ему хорошо теперь своей кровью беззаконіе смыть!

Я и подумалъ:

«Чего же мнѣ лучше этого случая ждать, чтобы жизнь кончить? благослови Господи часъ мой!» и вышелъ, раздѣлся, «Отчу» прочиталъ, на всѣ стороны начальству и товарищамъ въ землю ударилъ и говорю въ себѣ: «ну, Груша, сестра моя названная, прими за себя кровь мою!» да съ тѣмъ взялъ въ ротъ тонкую бечеву, на которой другимъ концомъ былъ канатъ привязанъ, да, разбѣжавшись съ берегу, и юркнулъ въ воду.

Вода страсть была холодна: у меня даже подъ мышками закололо и грудь мреть, судорога ноги тянеть, а я плыву... Поверхъ наши пули летить, а вокругъ меня татарскія въ воду шлепають, а меня не касаются и я не знаю: раненъ я или не раненъ, но только достигъ берега... Тутъ татарамъ меня уже бить нельзя, потому что я какъ разъ подъ ущельемъ сталъ, и чтобы имъ стрѣлять въ меня, надо имъ изъ щели высунуться, а наши ихъ съ того берега пулями, какъ пескомъ, осыпають. Вотъ я стою подъ камнями и тяну канатъ, и перетянулъ его, и мостокъ справили, и вдругъ наши сюда уже идутъ, а я все стою и, какъ самъ изъ себя изъять, ничего не понимаю, потому что думаю: видѣлъ ли кто-нибудь то, что я видѣлъ? А я видѣлъ, когда плылъ, что надо мною Груша летѣла и была она какъ отроковица, примѣрно, въ шестнадцать лѣтъ и у нея крылья уже огромныя, свѣтлыя, черезъ всю рѣку, и она ими меня огораживала... Однако, вижу, никто о томъ ни слова не говорить: ну, думаю, надо мнѣ самому это рассказать. Какъ меня полковникъ сталъ обнимать и самъ цѣлуетъ, а самъ хвалить:

— Ой, помилуй Богъ,—говорить:—какой ты, Петръ Сердюковъ, молодецъ!

А я отвѣчаю:

— Я, ваше высокоблагородіе, не молодецъ, а большой грѣшникъ и меня ни земли, ни вода принимать не хочетъ.

Онъ вопрошаетъ:

— Въ чемъ твой грѣхъ?

А я отвѣчаю:

— Я, говорю, на своемъ вѣку много неповинныхъ душъ погубилъ, да и рассказалъ ему ночью подъ палаткою все, что вамъ теперь сказывалъ.

Онъ слушалъ-слушалъ и задумался, и говорить:

— Помилуй Богъ, сколько ты одинъ перенесъ, а главное, братецъ, какъ ты хочешь, а тебя надо въ офицеры произвести. Я объ этомъ представленіе пошлю.

Я говорю:

— Какъ угодно, а только пошлите и туда узнать: не вѣрно ли я показываю, что я цыганку убилъ?

— Хорошо,—говорить:—и объ этомъ пошлю.

И послали, но только ходила-ходила бумага и назадъ пришла съ невѣрностью. Объяснено, что никогда, говорить, у насъ такого происшествія ни съ какою цыганкою не было, а Иванъ-де Северьяновъ хотя и былъ, и у князя служилъ, только онъ черезъ заочный выкупъ на волю вышелъ и опосля того у казенныхъ крестьянъ Сердюковыхъ въ домѣ померъ.

— Ну, что тутъ мнѣ было больше дѣлать: чѣмъ свою вину доказывать?

А полковникъ говорить:

— Не смѣй, братецъ, больше на себя этого врать: это ты, какъ черезъ Койсу идешь, такъ ты отъ холодной воды, да отъ страху въ умѣ немножко помѣшался, и я, говорить, очень за тебя радъ, что это все неправда, что ты наговорилъ на себя. Теперь офицеромъ будешь: это, братъ, помилуй Богъ, какъ хорошо.

Тутъ я даже и самъ мыслями растерялся: точно ли я спихнулъ Грушу въ воду, или это мнѣ тогда все отъ страшной по ней тоски сильное воображеніе было?

И сдѣлалъ-съ меня за храбрость офицеромъ, но только какъ я все на своей истинѣ стоялъ, чтобы открыть свою запрошедшую жизнь, то чтобы отъ этого мнѣ больше безпокойства не имѣть, пустили меня съ Георгіемъ въ отставку.

— Поздравляемъ, говорить, — тебя, ты теперь благородный и можешь въ приказные идти; помилуй Богъ, какъ спокойно, и письмо мнѣ полковникъ къ одному большому лицу въ Петербургъ далъ: ступай, говорить, онъ твою карьеру и благополучіе совершить. Я съ этимъ письмомъ и добрался до Питера, но не посчастливилю мнѣ насчетъ карьеры.

— Чѣмъ же?

— Долго очень безъ мѣста ходилъ, а потомъ на онту попалъ, и оттого стало еще хуже.

— Какъ на онту? что это значить?

— Тотъ покровитель, къ которому я насчетъ карьеры былъ присланъ, въ адресный столъ справщикомъ опредѣлилъ, а тамъ у всякаго справщика своя буква есть, по какой кто справкѣ завѣдуетъ. Иныя буквы есть очень хорошия, какъ напримѣръ, буки, или покой, или како: много на нихъ фамиліевъ начинается и справщику есть доходъ, а меня поставили на ѳиту. Самая ничтожная буква, очень на нее мало пишется и то еще изъ тѣхъ, кои по всѣмъ видамъ ей принадлежатъ, все отъ нея отлыниваютъ и лукавятъ: кто чуть хочетъ благородиться, сейчасъ себя самовластно вмѣсто ѳиты черезъ фергъ ставить. Ищешь-ищешь его подь ѳитою—только пропащая работа, а онъ подь фертомъ себя проименовалъ. Никакой пользы нѣтъ, а сиди на службѣ; ну, я и вижу, что дѣло плохо, и сталъ опять наниматься, по старому обыкновению, въ кучера, но никто не беретъ, говорятъ: ты благородный офицеръ, и военный орденъ имѣешь, тебя ни обругать, ни ударить непристойно... Просто хотъ повѣситься, но я, благодаря Бога, и съ отчаянности до этого себя не допустилъ, а чтобы съ голоду не пропасть, взялъ да въ артисты пошелъ.

— Какимъ же вы были артистомъ?

— Роли представлялъ.

— На какомъ театрѣ?

— Въ балаганѣ на Адмиралтейской площади. Тамъ благородствомъ не гнушаются и всѣхъ принимаютъ: есть и изъ офицеровъ, и столоначальники, и студенты, а особенно сенатскихъ очень много.

— И понравилась вамъ эта жизнь?

— Нѣтъ-съ.

— Чѣмъ же?

— Во-первыхъ, разучка вся и репетиціи идутъ на Страстной недѣлѣ или передъ масленицей, когда въ церкви поютъ: «покаянія отверзи ми двери», а во-вторыхъ, у меня роль была очень трудная.

— Какая?

— Я демона изображалъ.

— Чѣмъ же это особенно трудно?

— Какъ же-съ: въ двухъ перемѣнахъ танцевать надо, и кувыркатся, а кувыркнуться страсть неспособно, потому что весь обшить лохматой шкурой сѣдого козла вверхъ шерстью; и хвостъ долгій на проволокъ, но онъ постоянно

промежъ ногъ путается, а рога на головѣ за что попало цѣпляются, а годы уже стали не прежніе, не молодые и легкости нѣтъ; а потомъ еще во все продолженіе представленія расписано меня бить. Ужасно какъ это докучаетъ. Палки этакія, положимъ, пустыя, изъ холстины сдѣланы, а въ срединѣ хлопья, но, однако, скучно ужасно это терпѣть, что все по тебѣ хлопъ да хлопъ, а иные къ тому еще съ холоду, или для смѣху изловчаются и бьютъ довольно больно. Особенно изъ сенатскихъ приказныхъ, которые въ этомъ опытные и дружные: все за своихъ стоять, а которые попадутся военные, они тѣмъ ужасно докучаютъ, и все это продолжительно начнутъ бить передъ всей публикой съ подня, какъ только полицейскій флагъ поднимается, и бьютъ до самой до ночи, и все, всякій, чтобы публику угѣшить, норовить громче хлопнуть. Ничего пріятнаго нѣтъ. А вдобавокъ ко всему со мною и здѣсь неприятное послѣдствіе вышло, послѣ котораго я долженъ былъ свою роль оставить.

— Что же это такое съ вами случилось?

— Принца одного я за вихоръ подраль.

— Какъ принца?

— То-есть не настоящаго-съ, а театрашнаго: онъ изъ сенатскихъ былъ, коллежскій секретарь, но у насъ принца представлялъ.

— За что же вы его прибили?

— Да стоило-съ его еще и не этакъ. Насмѣшникъ злой былъ и выдумщикъ и все надъ всѣми штуки выдумывалъ.

— И надъ вами?

— И надо мною-съ: много шутокъ стронлъ; костюмъ мнѣ портилъ; въ грѣльнѣ, гдѣ мы, бывало, надъ угольями грѣлися и чай пили, подкрадется, бывало, и хвостъ мнѣ къ рогамъ прицѣпить, или еще что глупое сдѣлаетъ на смѣхъ, а я не осмотрюсь, да такъ къ публикѣ выбѣгу, а хозяинъ сердится; но я за себя все ему спускалъ, а онъ вдругъ сталъ одну фею обижать. Молоденькая такая дѣвочка, изъ бѣдныхъ дворяночекъ, богиню Фортуну она у насъ изображала и этого принца отъ моихъ рукъ спасать должна была. И роль ея такая, что она вся въ одной блестящей толи выходитъ и съ крыльями, а морозы большіе, и у нея, у бѣдной, ручки совсѣмъ посинѣли, зашлись, а онъ ее допекаетъ, дѣзетъ къ ней, и когда мы втроемъ въ апотеозѣ

въ подноль проваливаемся, за тѣло ее щипеть. Миѣ ее очень жаль стало: я его и оттрепалъ.

— И чѣмъ же это кончилось?

— Ничего; въ провалѣ свидѣтелей не было, кромѣ самой этой феи, а только наши сенатскіе всѣ взбунтовались и не захотѣли меня въ трупѣ имѣть; а какъ они первые тамъ представители, то хозяйнѣ для ихъ удовольствія меня согнать.

— И куда же вы тогда дѣлись?

— Совсѣмъ безъ крова и безъ пищи, было, остался, но эта благодарная фея меня питала, но только миѣ совѣстно стало, что ей, бѣдной, самой такъ трудно достается, и я все думалъ - думалъ, какъ этого положенія избавиться? На ону не захотѣлъ ворочаться, да и къ тому на ней уже другой бѣдный человѣкъ сидѣлъ, мучился, такъ я взялъ и пошелъ въ монастырь.

— Отъ этого только?

— Да, вѣдь, что же дѣлать-съ? дѣться было некуда. А тутъ хорошо.

— Полюбили вы монастырскую жизнь?

— Очень-съ; очень полюбилъ,—здѣсь покойно, все равно какъ въ полку, много сходственнаго, все тебѣ готовое и одѣть, и обуть, и накормленъ, и начальство смотреть, и повиновенія спрашивать.

— А васъ это повиновеніе иногда не тяготитъ?

— Для чего же-съ? что больше повиноваться, то человѣку спокойнѣе жить, а особенно въ моемъ послушаніи и обижаться нечѣмъ: къ службамъ я въ церковь не хожу иначе, какъ развѣ самъ пожелаю, а исправляю свою должность по-привычному, скажутъ: «запрягай, отецъ Измаиль» (меня теперь Измаилью зовутъ),—я запрягу; а скажутъ: «отецъ Измаиль, отпрягай»—я откладываю.

— Позвольте,—говоримъ,—такъ это что же такое, выходитъ вы и въ монастырѣ остались... при лошадяхъ?

— Постоянно-съ въ кучерахъ. Въ монастырѣ этого моего званія офицерскаго не опасаются, потому что я хотя и въ маломъ еще постригъ, а все же монахъ и со всѣми сравненъ.

— А скоро же вы примете старшій постригъ?

— Я его не приму-съ.

— Это почему?

— Такъ... достойнымъ себя не почитаю.

— Это все за старые грѣхи или заблужденія?

— Д-д-а-съ; да и вообще зачѣмъ? я своимъ послушаніемъ очень доволенъ и живу въ спокойствіи.

— А вы рассказывали кому-нибудь прежде всю свою исторію, которую теперь намъ рассказали?

— Какъ же-съ; не разъ говорилъ; да что же, когда справокъ нѣтъ... не вѣрять, такъ и въ монастырь свѣтскую ложь занесъ, и здѣсь изъ благородныхъ числюсь. Да уже все равно доживать: старъ становлюсь.

Исторія очарованнаго странника, очевидно, приходила къ концу, оставалось полюбопытствовать только объ одномъ: какъ ему повелось въ монастырѣ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Такъ какъ нашъ странникъ доплылъ въ своемъ рассказѣ до послѣдней житейской пристани, — до монастыря, къ которому онъ, по глубокой вѣрѣ его, былъ отъ рожденія предназначенъ, и такъ какъ ему здѣсь, казалось, все столь благопріятствовало, то приходилось думать, что тутъ Иванъ Северьяновичъ болѣе уже ни на какія напасты не натѣкалъ; однакоже, вышло совсѣмъ иное. Одинъ изъ нашихъ спутниковъ вспомнилъ, что иноки, по всѣмъ о нихъ сказаніямъ, постоянно очень много страдаютъ отъ бѣса, и вопрошилъ:

— А скажите, пожалуйста, бѣсъ васъ въ монастырѣ не искушалъ? вѣдь, онъ, говорятъ, постоянно монаховъ искушаетъ?

Иванъ Северьяновичъ бросилъ изъ-подъ бровей спокойный взглядъ на говорящаго и отвѣчалъ:

— Какъ же не искушать? Разумѣется, если самъ Павелъ апостоль отъ него не ушелъ и въ посланіи пишетъ, что «ангелъ сатанинъ былъ данъ ему въ плоть», то могъ ли я, грѣшный и слабый человекъ, не претерпѣть его мучительства.

— Что же вы отъ него терпѣли?

— Многое-съ.

— Въ какомъ же родѣ?

— Все разные пакости, а сначала, пока я его не пересилилъ, были даже и соблазны.

— А вы и его, самого бѣса, тоже пересилили?

— А то какъ же иначе-съ? вѣдь, это уже въ монастырѣ

такое призваніе, но я бы этого, по совѣсти скажу, самъ не сумѣлъ, а меня тому одинъ совершенный старецъ научилъ, потому что онъ былъ опытный и могъ отъ всякаго искушенія пользоваться. Какъ я ему открылся, что мнѣ все Груша столь живо является, что вотъ словно ею одною вокругъ меня весь воздухъ дышитъ, то онъ сейчасъ кинулъ въ умъ и говорить:

— У Якова апостола сказано: «противустанте дьяволу и побѣдите отъ васъ», и ты, говорить, противустань. И тутъ наставилъ меня такъ дѣлать, что ты, говорить, какъ если почувствуешь сердцеразжиженіе, и ее вспомнишь, то и разумѣй, что это значить къ тебѣ приступаетъ ангель сатанинъ, и ты тогда сейчасъ простирайся противу его на подвигъ: перво-наперво стань на колѣни. Колѣни у чело-вѣка, говорить, первый инструментъ: какъ на нихъ па-дешь, душа сейчасъ такъ и порхнетъ вверхъ, а ты тутъ, въ семь возвышеній, и бей поклоновъ земныхъ елико мощно, до изнеможенія, и изнурай себя постомъ, чтобы заморить, и дьяволъ, какъ увидить твое протягновеніе на подвигъ, ни за что этого не стерпитъ и сейчасъ отбѣжить, потому что онъ опасается, какъ бы такого чело-вѣка своими кознями еще прямѣе ко Христу не привести, и помыслить: «лучше его оставить и не искушать, авось-де онъ скорѣе забудется». Я сталъ такъ дѣлать и, дѣйствительно, все прошло.

— Долго же вы себя этакъ мучили, пока отъ васъ ан-гель сатаны отступалъ?

— Долго-съ; и все однимъ изморомъ его, врага этакого, бралъ, потому что онъ другого ничего не боится: вначалѣ я и до тысячи поклоновъ ударялъ и дня по четыре ничего не вкушалъ и воды не пилъ, а потомъ онъ понялъ, что ему со мною спорить не ровно и оробѣлъ, и слабъ сталъ: чуть увидить, что я горшочекъ пици своей за окно выброшу и берусь за четки, чтобы поклоны считать, онъ уже понимаетъ, что я не шучу и опять простираюсь на подвигъ, и убѣжить. Ужасно, вѣдь, какъ онъ боится, чтобы чело-вѣка къ отрадѣ упованія не привести.

— Однакоже, положимъ... онъ-то... Это такъ: вы его преодолѣли, но, вѣдь, сколько же и сами вы отъ него перетерпѣли?

— Ничего-съ; что же такое, я, вѣдь, угнетать гнѣущаго, а себѣ никакого стѣсненія не дѣлать.

— И теперь вы уже совсѣмъ отъ него избавились?

— Совершенно-съ.

— И онъ вамъ вовсе не является?

— Въ соблазнительномъ женскомъ образѣ никогда-съ больше не приходится, а если порою еще иногда покажется гдѣ-нибудь въ уголкѣ въ кельѣ, но уже въ самомъ жалостномъ видѣ: визжитъ, какъ будто поросеночекъ издыхаетъ. Я его, негодая, теперь даже и не мучу, а только разъ перекрещу и положу поклонъ, онъ и перестанетъ хрюкать.

— Ну, и слава Богу, что вы со всѣмъ этимъ такъ справились.

— Да-съ; я соблазны большого бѣса осилилъ, но доложу вамъ,—хоть это противъ правила,—а мнѣ мелкихъ бѣсений пакости больше этого надокучили.

— А бѣсенята развѣ къ вамъ тоже приставали?

— Какъ же-съ; положимъ, что хотя они по чину и самые ничтожные, но зато постоянно лѣзутъ...

— Что же такое они вамъ дѣлаютъ?

— Да, вѣдь, ребятишки, и притомъ ихъ тамъ, въ аду, очень много, а дѣла имъ при готовыхъ харчахъ никакого нѣтъ, вотъ они и просятъ на землю поучиться смущать, и балуются, и чѣмъ человѣкъ хочетъ быть въ своемъ званіи солиднѣе, тѣмъ они ему больше досаждаютъ.

— Что же такое они, напримѣръ... чѣмъ могутъ досаждать?

— Подставятъ, напримѣръ, вамъ что-нибудь такое, или подсунуть, а опрокинешь, или расшибешь и кого-нибудь тѣмъ смутишь и разгнѣваешь, а имъ это первое удовольствіе, весело: въ ладоши хлопаютъ и бѣжатъ къ своему старшому: дескать, и мы «смутили, дай намъ теперь за то грошикъ». Вѣдь, вотъ изъ чего бьются... Дѣти.

— Чѣмъ же именно имъ, напримѣръ, удавалось васъ смутить?

— Да вотъ, напримѣръ, у насъ такой случай былъ, что одинъ жидъ въ лѣсу около монастыря удавился и стали все послушники говорить, что это Иуда, и что онъ ногами по обители ходитъ и вздыхаетъ и многіе были о томъ свидѣтели. А я объ немъ и не сокрушался, потому что думалъ: развѣ мало у насъ, что ли, жидовъ осталось; но только разъ ночью сплю въ конюшнѣ и вдругъ слышу кто-то подошелъ и морду въ дверь черезъ поперечную перекладину всунулъ и вздыхаетъ. Я сотворилъ молитву,—нѣтъ, все-таки

стоитъ. Я перекрестилъ: все стоитъ и опять вздохнулъ. Ну, что, моль, я тебѣ сдѣлаю: молиться мнѣ за тебя нельзя, потому что ты жидъ, да хоть бы и не жидъ, такъ я благодати не имѣю за самоубійцъ молить, а пошелъ ты отъ меня прочь въ лѣсъ, или въ пустыню. Положилъ на него этакое заклѣтіе, онъ и отошелъ, а я опять заснулъ, но на другую ночь онъ, мерзавецъ, опять приходитъ и опять вздыхаетъ... мѣшаетъ спать, да и все тутъ. Какъ ни терпѣль, просто силъ нѣтъ! тѣфу ты, невѣжа, думаю, мало ему въ лѣсу, или на панерти мѣста, чтобы еще непременно сюда въ конюшню ко мнѣ ломиться? Ну, нечего дѣлать, видно, надо противъ тебя хорошее средство изобрѣтать: взять и на другой день на двери чистымъ углемъ большой крестъ написалъ, и какъ пришла ночь, я и легъ спокойно, думаю себѣ: ужъ теперь не придетъ, да только-что съ этимъ заснулъ, а онъ и вотъ онъ, опять стоитъ и опять вздыхаетъ! Тѣфу ты, каторжный, ничего съ нимъ не поддѣлаешь! Всю какъ есть эту ночь онъ меня этакъ пугалъ, а утромъ, чуть ударили въ первый колоколъ къ заутренѣ, я поскорѣ вскочилъ и бѣгу, чтобъ пожаловаться настоятелю, а меня встрѣчаетъ звонарь, братъ Діомидъ, и говорить:

— Чего ты такой лужаный?

Я говорю:

— Такъ и такъ, такое мнѣ во всю ночь было безпокойство и я иду къ настоятелю.

А братъ Діомидъ отвѣчаетъ:

— Брось, говорить,—и не ходи, настоятель вчера себѣ въ носъ пивку ставилъ и теперь *пресердитый* и ничего тебѣ въ этомъ дѣлѣ не поможетъ, а я тебѣ, если хочешь, гораздо лучше его могу помогать.

Я говорю:

— А мнѣ совершенно все равно: только, сдѣлай милость, помоги,—я тебѣ за это старья теплыя рукавицы подарю, тебѣ въ нихъ зимою звонить будетъ очень способно.

— Ладно,—отвѣчаетъ.

И я ему рукавицы далъ, а онъ мнѣ съ колокольни старую церковную дверь принесъ, на коей Петръ апостоль написанъ и въ рукѣ у него ключи отъ царства небеснаго.

— Вотъ это-то, говорить,—и самое важное есть *ключи*: ты эту дверь только заставься, такъ уже черезъ нее никто не пройдетъ.

Я ему мало въ поги отъ радости не цоклопился и думаю: чѣмъ мнѣ эту дверь заставляться, да потомъ ее оставлять, я ее лучше фундаментально прилажу, чтобы она мнѣ всегда была огражденіемъ, и взялъ и учинилъ ее на самыхъ надежныхъ плотныхъ петляхъ, а для безопасности еще къ ней самый тяжелый блокъ приснастилъ изъ булыжнаго камня и все это исправилъ въ тишинѣ въ одинъ день до вечера и, какъ пришла ночная пора, легъ въ свое время и сплю. Но только, что же вы изволите думать: слышу—опять дышитъ! просто ушамъ своимъ не вѣрю, что это можно, анъ нѣтъ: дышитъ да и только! да еще мало этого, что дышитъ, а преть дверь... При старой двери у меня изнутри замокъ былъ, а въ этой, какъ я болѣе на святость ея располагался, замка не приладилъ, потому что и времени не было, то онъ ее такъ и пихаетъ, и все разъ отъ разу* смѣлѣе, и, наконецъ, вижу, какъ будто морда просунулась, но только дверь размахнулась на блокъ и его какъ свистнетъ со всей силы назадъ... А онъ отскочилъ, видно, почесался, да мало обождавши, еще смѣлѣе и опять морда, а блокъ ее еще жѣстче щелкъ... Больно, должно-быть, ему показалось, и онъ усмирѣлъ и больше не лѣзетъ: я и опять заснулъ, но только прошло мало времени, а онъ, гляжу, подлець, опять за свое взялся, да еще съ новымъ искусствомъ. Уже нѣтъ того, чтобы бодать и прямо лѣзть, а полегонечку рогами дверь отодвинулъ и какъ я былъ съ головою полусубкомъ закрытъ, такъ онъ вдругъ дерзко полусубокъ съ меня долой сорвалъ, да какъ лизнетъ меня въ ухо... Я больше этой наглости уже не вытерпѣлъ: спустилъ руку подъ кровать и схватилъ топоръ, да какъ тресну его, слышу—замычалъ и такъ и бѣкнулъ на мѣстѣ. Ну, думаю, такъ тебѣ и надо, а вмѣсто того, утромъ, гляжу никакого жида нѣтъ, а это они, подлецы, эти бѣсеныя, мнѣ вмѣсто его корову нашу монастырскую подставили.

— И вы ее поранили?

— Такъ и прорубилъ топоромъ-съ! Смущеніе ужасное было въ монастырѣ.

— И вы, чай, неприятности какія-нибудь за это имѣли?

— Получилъ-съ; отецъ игуменъ сказали, что это все оттого мнѣ представилось, что я въ церковь мало хожу, и благословили, чтобы я, убравшись съ лошадьми, всегда напередѣ у рѣшетки для возжиганія свѣчъ стоялъ, а они

туть, эти пакостные бѣсенята, еще лучше со мною подстроили и окончательно подвели. На самага на Мокраго Спаса, на всенощной, во время благословія хлѣбовъ, какъ надо по чину, отецъ игумень и іеромонахъ стоятъ посреди храма, а одна богомолочка старенькая подаетъ мнѣ свѣчку и говорить:

— Поставь, батюшка, празднику.

Я подошелъ къ аналою, гдѣ положена икона «Спасъ на Водахъ», и сталъ эту свѣчку лѣпить, да другую уронилъ. Нагнулся, эту поднял, сталъ прилѣпливать,—двѣ уронилъ. Сталъ ихъ вправлять, анъ, гляжу—четыре уронилъ. Я только головой качнуль, ну, думаю, это опять непремѣнно мнѣ пострѣляга досаждаютъ и изъ рукъ рвутъ... Нагнулся и поспѣшно съ упавшими свѣчами поднимаюсь, да какъ затылкомъ махну подъ низъ обѣ подсвѣчникъ... а свѣчи такъ и посыпались; ну, туть я разсердился да взялъ и веѣ остальные свѣчи рукой посбивалъ.—Что же, думаю, если этакая наглость пошла, такъ лучше же я самъ поскорѣе все это опрокину.

— И что же съ вами за это было?

— Подъ судъ меня за это хотѣли было отдать, да схимникъ, слѣпенькій старецъ Сысой, въ земляномъ затворѣ у насъ живеть, такъ онъ за меня заступился.

— За что, говорить,—вы его будете судить, когда это его сатанины служители смутили.

Отецъ игумень его послушались и благословили меня безъ суда въ пустой погребъ опустить.

— Надолго же васъ въ погребъ посадили?

— А отецъ игумень не благословили насколько именно времени, а такъ сказали только, что «посадить», я все лѣто до самыхъ до заморозковъ туть и сидѣлъ.

— Вѣдь это, надо полагать, скука и мученіе въ погребѣ, не хуже чѣмъ въ стени?

— Ну, нѣтъ-съ: какъ же можно сравнить? здѣсь и церковный звонъ слышно, и товарищи навѣщали. Придутъ, сверху надъ ямой стануть и поговоримъ, а отецъ казначей жѣрновъ мнѣ на веревкѣ велѣли спустить, чтобы я соль для поварни молотъ. Какое же сравненіе со стенью или съ другимъ мѣстомъ.

— А потомъ когда же васъ вынули? вѣрно, при морозѣхъ, потому что холодно стало?

— Нѣтъ-съ, это не потому, совсѣмъ не для холода, а для другой причины, такъ какъ я сталъ пророчествовать.

— Пророчествовать?

— Да-съ; я въ погребу, наконецъ, въ раздумье внялъ, что какой у меня самоничтожный духъ и сколько я черезъ него претерпѣваю, а ничего не усвоивъ, и послалъ я одного послушника къ оному учительному старцу спросить: можно ли мнѣ у Бога просить, чтобы другой болѣе соотвѣтственный духъ получить? А старецъ наказалъ мнѣ сказать, что «пусть, говоритъ, помолится, какъ должно, и тогда, чего нельзя ожидать, ожидаетъ».

Я такъ и сдѣлалъ: три ночи все на этомъ инструментѣ на колѣняхъ стоялъ въ своей ямѣ, а духомъ на небо молился и сталъ ожидать себѣ много въ душѣ совершенія. А у насъ другой инокъ Геронтій былъ, этотъ былъ очень начитанный и разные книги и газеты держалъ и далъ онъ мнѣ одинъ разъ читать житіе преподобнаго Тихона Задонскаго, и когда, случалось, мимо моей ямы идетъ, всегда, бывало, возьметъ, да мнѣ изъ-подъ ряски газету кинетъ.

— Читай,—говорить:—и усматривай полезное: во рву это тебѣ будетъ развлеченіе.

Я, въ ожиданіи невозможнаго исполненія моей молитвы, сталъ покаймѣть этимъ чтеніемъ заниматься: какъ всю соль, что мнѣ на урокъ назначено перемолотъ, перемелю, и начинаю читать, и начиталъ я сначала у преподобнаго Тихона, какъ посѣтили его въ келіи Пресвятая Владычица и святые апостолы Петръ и Павелъ. Писано, что угодникъ Божій Тихонъ сталъ тогда просить Богородицу о продленіи мира на землѣ, а апостолъ Павелъ ему громко отвѣтилъ знаменіе, когда не станетъ мира, такими словами: «егда, говорить,—всѣ рекутъ миръ и утвержденіе, тогда нападаетъ на нихъ внезапно всегубительство». И сталъ я надъ этими апостольскими словами долго думать и все вначалѣ никакъ этого не могъ понять: къ чему было святому отъ апостола въ такихъ словахъ откровеніе? Наконецъ того начитываю въ газетахъ, что постоянно и у насъ, и въ чужихъ краяхъ неумолчными усты вездѣ утверждается повсемѣстный миръ. И тутъ-то исполнилось мое прошеніе и сталъ я вдругъ понимать, что сблизается реченное: «егда рекутъ миръ, нападаетъ внезапно всегубительство», и я исполнился страха за народъ свой русскій и началъ молиться и всѣхъ дру-

гихъ, кто ко мнѣ къ ямѣ придетъ, сталъ со слезами увѣщевать: молитесь, моль, о покореніи подѣ нозѣ Царя нашего всякаго врага и супостата, ибо близъ есть намъ всегубительство. И даны были мнѣ слезы, дивно обильныя!.. все я о родинѣ плакалъ. Отцу игумену и доложили, что, говорятъ,—нашъ Измаилъ въ погребѣ сталъ очень плакать и войну пророчествовать. Отецъ игумень и благословили меня за это въ пустую избу на огородъ перевести и поставить мнѣ образъ, «*Благое Молчаніе*» пишется, Спасъ съ крылами тихими, въ видѣ ангела, но въ Саваоовыхъ чинахъ за мѣсто вѣнца, а ручки у груди смирно сложены. И приказано мнѣ было, чтобы я передъ этимъ образомъ всякій день поклоны клалъ, пока во мнѣ провѣщающій духъ умолкнетъ. Такъ меня съ этимъ образомъ и заперли, и я такъ до весны взаперти тамъ и пребывалъ въ этой избѣ, и все «*Благому Молчанію*» молился, но чуть человѣка увижу, опять во мнѣ духъ поднимается и я говорю. На ту пору игумень лѣкаря ко мнѣ прислали посмотреть: въ разсудкѣ я не поврежденъ ли? Лѣкарь со мною долго въ избѣ сидѣлъ, вотъ этакъ же, подобно вамъ, всю мою повѣсть слушалъ и плюнулъ:

— Экій,—говорить:—ты, братецъ, барабанъ: били тебя, били, и все никакъ еще не добьютъ.

Я говорю:

— Что же дѣлать? вѣрно, такъ нужно.

А онъ, все выслушавши, игумену сказалъ:

— Я,—говорить:—его не могу разобрать, что онъ такое: такъ просто, добрякъ, или помѣшался, или взаправду предсказатель. Это,—говорить,—по вашей части, а я въ этомъ не свѣдущъ, мнѣніе же мое такое: прогоните,—говорить:—его куда-нибудь подальше пробѣгаться, можетъ-быть, онъ засидѣлся на мѣстѣ.

Вотъ меня и отпустили, и я теперь на богомоленіе въ Соловки къ Зосиму и Савватію благословился и пробираюсь. Вездѣ былъ, а ихъ не видалъ и хочу имъ передъ смертью поклониться.

— Отчего же «передъ смертью»? Развѣ вы больны?

— Нѣтъ-съ, не боленъ; а все по тому же случаю, что скоро надо будетъ воевать.

— Позвольте: какъ же это вы опять про войну говорите?

— Да-съ.

— Стало-быть, вамъ *«Благое Молчаніе»* не помогло?

— Не могу знать-съ: усиливаюсь, молчу, а духъ одолеваетъ.

— Что же онъ?

— Все свое внушаетъ: «ополчайся».

— Развѣ вы и сами собираетесь идти воевать?

— А какъ же-съ? Непремѣнно-съ: мнѣ за народъ очень помереть хочется.

— Какъ же вы: въ клубкѣ и въ рясѣ пойдете воевать?

— Нѣтъ-съ; я тогда клубочокъ сниму, а амунничку надѣну.

Проговоривъ это, очарованный странникъ какъ бы вновь ощутилъ на себѣ наитіе вѣщательнаго духа и впалъ въ тихую сосредоточенность, которой никто изъ собесѣдниковъ не позволилъ себѣ прервать ни однимъ новымъ вопросомъ. Да и о чемъ было его еще больше спрашивать? повѣствованія своего минувшаго онъ исповѣдалъ со всею откровенностью своей простой души, а провѣщанія его остаются до времени въ рукѣ Сокрывающаго судьбы свои отъ умныхъ и разумныхъ, и только иногда открывающаго ихъ младенцамъ.

ШЕРАМУРЪ.

(Чрева-ради юродивый.)

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

По нѣкоторымъ, достаточно важнымъ причинамъ выставленная кличка должна замѣнять собственное имя моего героя—если только онъ годится куда-нибудь въ герои.

Если бы я не опасался выразиться вульгарно въ самомъ началѣ разсказа, то я сказалъ бы, что Шерамуръ есть *герой брюха*, въ самомъ тѣсномъ смыслѣ, какой только можно соединить съ этимъ выраженіемъ. Но все равно: я долженъ это сказать, потому что свойство матеріи лишаетъ меня возможности быть очень разборчивымъ въ выраженіяхъ,—иначе я ничего не выражу. Герой мой—личность узкая и однообразная, а эпопея его—бѣдная и утомительная, но, тѣмъ не менѣе, я рискую ее разсказывать.

Итакъ, Шерамуръ—*герой брюха*; его девизъ—*жрать*, его идеаль—*кормить другихъ*; въ этомъ настроеніи онъ имѣлъ похождения, достойныя нѣкотораго вниманія. Я опишу кое-что изъ нихъ въ короткихъ отрывкахъ: это единственная форма, въ которой можно передать что-нибудь о лицѣ, не имѣвшемъ никакой послѣдовательности и не укладывающемся ни въ какую форму.

Начинаю съ того самаго случая, какъ онъ показался первому человѣку, который обнаружилъ въ немъ нѣчто достойное наблюденія.

Лѣтомъ 187* года, въ Парижъ прибылъ изъ Петербурга литературный Немо. Онъ поселился въ небольшой комнаткѣ,

противъ рѣшетки Люксембургскаго сада, и жилъ тутъ тихо и смирно нѣсколько дней, какъ вдругъ однажды входитъ къ нему консьержъ и говорить, что пришелъ «нѣкто» и требуетъ, чтобы *monsieur* вышелъ къ нему— на лѣстницу.

Nemo имѣлъ основаніе не любить тайнственности, и съ неудовольствіемъ спросилъ:

— Кто это такой и что ему нужно?

— Я думаю, это нѣкто изъ вашихъ,—отвѣчалъ французъ.

— Это мужчина или женщина?

— Во всякомъ случаѣ мнѣ кажется, что *это* скорѣе мужчина.

— Такъ попросите его сюда.

— Да, но мнѣ кажется, что ему неудобно войти.

— Развѣ онъ пьянъ?

— Нѣтъ; онъ... раздѣтъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

На узенькой, спиральной лѣстницѣ, съ крошечнымъ окномъ въ безвоздушный каналъ, образовываемый тремя сходящимися острымъ угломъ стѣнами, стояла очень маленькая, но преоригинальная фигура. Первое, что бросилось въ глаза Nemo, были полудѣтскія плечи и курчавая голова съ длинными волосами, покрытая истасканною бандитскою шляпою.

Сначала казалось, что это костюмированный тринадцати или четырнадцати-лѣтній мальчикъ, но чуть онъ оборотился, видъ измѣняется: передъ вами, прежде всего, два яркіе, черные глаза, которые горятъ дикимъ, какъ бы голоднымъ огнемъ, и черная борода замѣчательной величины и расположенія. Она заросла по всему лицу, почти подъ самые глаза, и внизъ закрываетъ грудь до пояса. Такую бороду, по строгановскому лицевому подлиннику, указано писать только преподобному Моисею Мурину, вѣроятно ради особенноти его мадыарскаго происхожденія и мучительной пылкости темперамента этого святого, которому зато и положено молиться «отъ неистовой страсти».

Nemo подошелъ къ незнакомцу и спросилъ:

— Съ кѣмъ я имѣю честь...

— Никакой нѣтъ чести,—отвѣчалъ незнакомецъ не натуральнымъ, а искусственнымъ баскомъ, какъ во время дню считали обязанностью хорошаго тона говорить кадеты вы-

пускного класса. Немо понималъ нѣкоторый толкъ въ людяхъ и самъ перемѣнилъ манеру.

— Что же вамъ надо?—спросилъ онъ гостя.

— Имѣю дѣло.

— Такъ войдите въ комнату.

— У васъ нѣтъ никого?

— Никого.

— Могу.

И незнакомецъ пошелъ за хозяиномъ важно и неспѣшно, переставляя свои коротенькія ножки, а когда взошелъ, то сѣлъ и, не снимая шляпы, сейчасъ же спросилъ:

— Нѣтъ ли у васъ работы?

— Работы!

— Да, нѣтъ ли у васъ какой работы?

— Да какая же у меня работа?

— Развѣ я знаю какая?

— Вы мастеровой?

— Нѣтъ, не мастеровой, а мнѣ говорили, что вы романы пишете.

— Это правда.

— Такъ я—переписывать.

— Но теперь я ничего не пишу.

— Вотъ какъ! Значить — сыты. Онъ всталъ и, немного насупаясь, добавилъ:

— А деньги есть у васъ?

Хозяинъ невольно посторонился и спросилъ:

— Что это значить?

— Значить, что я три дня не жралъ.

— Сколько же вамъ нужно?

— Мнѣ нужно много, но я у васъ хочу взять два франка.

— Извольте.

Туристъ опустилъ руку въ портмонэ и подалъ своему гостю пятифранковую монету.

— Здѣсь больше,—сказалъ тотъ.

— Это все равно.

— Да, разумѣется,—вы сдачи получите.

Съ этимъ онъ завернулъ и вышелъ тѣмъ же ровнымъ шагомъ, съ тою же неизмѣнною важностью. Во время разговора можно было видѣть, что у него не крѣпко держатся рейтузы и подъ блузою нѣтъ рубашки.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Немо рассказал исторію землякамъ: тѣ сразу узнали.

— Это,—говорять:—Шерамуръ.

— Кто онъ?

— Неизвѣстно.

— Во всякомъ случаѣ онъ русскій.

— О, да! русскій: у него какая-то таинственная исторія.

— Политическая?

— Кто его разберетъ! но, кажется, политическая.

— По какому дѣлу онъ сюда сбѣжалъ?

— Право не знаю, да и знаетъ ли онъ самъ объ этомъ,— сомнѣваюсь.

— Онъ не сумасшедшій?

— Развѣ съ точки зрѣнія доктора Крупова.

— И не плутъ?

— Нѣтъ, онъ по-своему даже очень честенъ: да вотъ вы сами въ этомъ убѣдитесь.

— Какимъ образомъ?

— Онъ занялъ у васъ денегъ?

— А вы почему такъ думаете?

— Если онъ приходилъ, значить или долгъ принесъ, или умираетъ съ голоду и въ долгъ просить.

— Я ему очень мало далъ.

— Все равно: онъ принесетъ.

— Я этого вовсе не требую.

— Мало ли что! А вы если хотите у него заискать, то сведите его пожать.

— Онъ не обидится?

— Нимало; онъ человѣкъ натуральный; только не ведите въ хорошее мѣсто: этого онъ терпѣть не можетъ, а куда-нибудь погрязнѣе.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

На другое утро спитъ Немо и слышитъ:

— Проснитесь!

Тотъ открылъ глаза и увидаль передъ собою Шерамура. Онъ былъ по-вчерашнему въ блузѣ безъ рубашки и въ бандитской шляпѣ. Только яркій, голодный блескъ черныхъ глазъ его немножко смягчился и въ нихъ даже какъ будто мелькало что-то похожее на нѣкоторый признакъ улыбки. Онъ протянулъ къ хозяину руку и проговорилъ:

— Получайте.

— Что это?

— Три франка сдачи.

— Присядьте, — я сейчас встану и мы пойдемъ вмѣстѣ завтракать.

Шерамуръ сѣлъ и, положивъ деньги на стулъ, проговорилъ:

— Могу.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Они шли и ѣли именно такъ, какъ хотѣлъ того Шерамуръ, даже не у Дюваля, а пошли по самому темному изъ закоулковъ Латинскаго квартала и пріютились въ грязненькомъ кабачкѣ дородной богатырскаго сложенія нормандки, которую звали *Tante Grillade*. Это была единственная женщина въ Парижѣ, которую Шерамуръ зналъ по имени и при встрѣчахъ съ которою онъ кивалъ ей своею горделивою головою. Она этого стоила, потому что имѣла историческую репутацію высокой пробы. Если она не лгала, то она въ самомъ цвѣтѣ своей юности была предметомъ вниманія Луи Бонапарта и очень могла бы ему кое-что напомнить, но съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался Наполеономъ III, *Grillade* его презирала и жила, держа грязненькую съѣстную лавку.

Было ли это все правда, или только отчасти, — это оставалось на совѣсти Танти, но Шерамуръ ей вѣрилъ: ему нравилось, что она презираетъ «такого барина». За это онъ ее уважалъ и доказывалъ ей свое уваженіе, передъ ней одной снимая свою ужасную шляпу. Притомъ же она и ея темный закоулокъ составляли для Шерамура очень пріятное воспоминаніе. Здѣсь, въ этой трущобѣ, къ нему разъ спускалось небо на землю; здѣсь онъ испыталъ самое высокое удовольствіе, къ которому стремилась его душа: тутъ онъ, вѣчно голодный и холодный нищій, одинъ разъ давалъ пирь, — такой пирь, который можно было бы назвать «пиромъ Лазаря». Шерамуръ самыми удивительными путями получилъ по матери наслѣдство въ триста или четыреста франковъ и сдѣлалъ на нихъ «пирь Лазаря».

Онъ отдалъ всѣ эти деньги Тантѣ и велѣлъ ей «считать», пока онъ проѣстъ.

Съ того же дня онъ ежедневно водилъ сюда по нѣсколько

воюю и всѣхъ питаль до тѣхъ поръ, пока Танта подала ему счетъ, въ которомъ значилось, что *все съядено*.

Теперь онъ сюда же привелъ своего консоматера. Имъ подали скверныхъ котлетъ, сквернаго пюре и рагу изъ обрѣзковъ, да литръ кислаго вина. Шерамуръ ѣлъ все это сосредоточенно и не обращая ни на кого никакого вниманія, пока отвалился и сказалъ:

— Буде!

Съ этого у Немо и Шерамура завязалось знакомство, которое поддерживалось «жратвою» у Tante Grillade, и съ каждымъ днемъ выводило наружу все новыя странности этого Каинова сына.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Немо могъ опредѣлить, что Шерамуръ былъ чрезвычайно гордъ, потому что онъ былъ очень застычивъ, но понятія о самой гордости у него были удивительныя. Такъ, напримѣръ, кормъ онъ принималъ отъ всякаго безъ матѣйшаго стѣсненія и безъ всякой благодарности. Кормить — это, по его мнѣнью, для каждаго было не только долгъ, но и удовольствіе. Въ томъ, что его кормятъ, онъ не только не усматривалъ никакого одолженія, но даже находилъ, что это мало. И дѣйствительно, — самъ онъ при тѣхъ же средствахъ сдѣлалъ бы гораздо больше. При тѣхъ же средствахъ онъ накормилъ бы нѣсколько человѣкъ. Жратва была пунктъ его помѣшательства: онъ о ней думалъ сытый и голодный, во всякое время, — во дни и въ ночи.

Приходитъ онъ, напримѣръ, и видитъ банку съ одеколономъ. Тотчасъ намѣчаетъ ее своимъ сверкающимъ взглядомъ и, показывая на нее пальцемъ, съ презрѣніемъ спрашиваетъ:

— Это что?

— Одеколонъ.

— Зачѣмъ нуженъ?

— Обтираюсь имъ.

— Гмъ! Обтираетесь. Развѣ прѣлое мѣсто есть?

— Нѣтъ; прѣлага мѣста нѣтъ.

— Такъ зачѣмъ же такая низость!

— Кому же это вредно?

— Еще и спрашиваете: лучше бы сами пожрали, да другого накормили.

— Пойдемте,—накормлю.

— Что же одного-то кормить... сказали бы, такъ я бы еще человѣкъ пять позвалъ.

Другой разъ онъ застаеъ на комодѣ бѣлье, принесенное прачкою, и опять тычетъ пальцемъ:

— Чьи рубашки?

— Разумѣется, мои.

— Сколько тутъ?

— Кажется, четыре.

— Зачѣмъ столько?

— А по вашему сколько рубашекъ можно имѣть человѣку?

— Одну.

— И будто у васъ всего одна?

— Нѣтъ; у меня ни одной.

— Безъ шутокъ ни одной?

— Какія шутки, мы не такіе друзья, чтобы шутить шутки.

Съ этимъ онъ разстегнулъ блузу и показалъ нагое тѣло.

— Вотъ вамъ и шутки.

— Возьмите у меня рубашку.

— Могу.

Онъ взялъ поданную ему рубашку, пошелъ за занавѣсъ, а оттуда кричить:

— Ножъ!

— Вы не зарѣжетесь?

— Это не ваше дѣло.

— Какъ не мое дѣло! Я не хочу, чтобы вы здѣсь у меня напачкали кровью.

— Эка важность!

— Нѣтъ, не рѣжьтесь у меня.

— Не зарѣжусь,—я нынче пожравши.

— На-те вамъ ножъ.

Послышался какой-то трескъ и что-то шлепнуло.

— Что это вы сдѣлали?

Онъ вмѣсто отвѣта выбросилъ отрѣзанныя отъ обонхъ рукавовъ манжеты и появился самъ въ блузѣ, изъ-подъ обшлаговъ которой торчали обрѣзки безопадно оборванныхъ рукавовъ рубашки.

Этакъ ему казалось лучше, но тоже не надолго,—завтра онъ явился опять безъ рубашки и на вопросъ: гдѣ она?—отвѣчалъ:

— Скинуть.

— Для какой надобности?

— У другого ничего не было.

Таковъ онъ былъ въ безконечномъ числѣ разныхъ проявленій, которыя каждаго въ состояніи были убѣдить въ его полнѣйшей неспособности ни къ какому дѣлу, а еще болѣе возбудить самое сильное недоразумѣніе насчетъ того: какое онъ могъ сдѣлать политическое преступленіе? А между тѣмъ это-то и было самое интересное. Но Шерамуръ на этотъ счетъ былъ столь кратокъ, что сказанія его казались невѣроятны. По его словамъ, вся его исторія была въ томъ, что онъ однажды «на дворъ просился».

Какъ и что? Это всякаго могло удивить, но онъ очень мало склоненъ былъ это пояснять.

— Бунтъ, — говорить: — былъ. Мы всѣ техноложцы въ институтъ пришли, — ворота заперты, не пускаютъ. Мы стали проситься на дворъ пустить, — пихать начали. Меня взяли.

— Ну, а потомъ?

— А потомъ, — я ушелъ.

— Зачѣмъ?

— Да что же ждатель — неизвѣстно бы куда засудили.

И больше ничего не добьетесь, да и сомнительно, есть ли чего добиваться.

До сихъ поръ говорю съ чужихъ словъ — теперь перехожу къ личнымъ наблюденіямъ, которыя были счастливыѣ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Я о немъ въ мою послѣднюю поѣздку за границу слышался еще по дорогѣ, — преимущественно въ Вѣнѣ и въ Прагѣ, гдѣ его знали, и онъ меня чрезвычайно заинтересовалъ. Много странныхъ разновидностей этихъ Каиновыхъ дѣтей встрѣчалъ я на своемъ вѣку, но такого экземпляра не видывалъ. И мнѣ захотѣлось съ нимъ познакомиться, — что было и кстати, такъ какъ я ѣхалъ съ литературною работою, для которой мнѣ былъ нуженъ переписчикъ. Шерамуръ же, говорить, исполнялъ эти занятія очень изрядно.

Его адреса никто не зналъ, но я взялъ адресъ Tante Grillade и онъ мнѣ помогъ. По письму, оставленному въ этомъ кабацкѣ, Шерамуръ ко мнѣ явился, совершенно такимъ, какимъ я его описалъ выше: маленькій, коренастый,

сь крошечнымъ носикомъ и огромной бородой Черномора.

Здѣсь, кстати замѣчу, что кличка Шерамуръ была не что иное, какъ испорченное на французскій ладъ Черноморъ, а происхождение этой клички имѣеть свою причину, о которой будетъ упомянуто въ своемъ мѣстѣ.

Я не торопиль Шерамура сближеніемъ, а просто далъ ему работу, и въ первый визитъ онъ со мною не говорилъ почти ни слова, а только кивалъ въ знакъ согласія, но, принеся черезъ три дня назадъ переписанную тетрадь, разговаривался.

— Все ли вы, — спрашиваю: — разобрали въ моей рукописи — не трудно ли было?

— Ничего нѣтъ труднаго, а только одно трудно понять: зачѣмъ вы это пишете?

— Печатать буду.

— Очень нужно.

— Вамъ это не нравится?

— Не не нравится, а зачѣмъ всякую юрунду. (Онъ именно говорилъ юрунду).

— Добрые люди купягъ, прочтутъ, посмѣются и бросягъ.

— Ну, да; только и всего. Стоить того дѣло. Могли бы что-нибудь лучше написать.

— Да что лучше-то? — Не умѣю.

— Ну, да; не умѣете! Нѣтъ, вы, я вижу, не совсѣмъ глупый!

— Да не знаю, — говорю: — что же такое надо писать?

— Полезное что-нибудь.

— Напримѣръ?

— Я вѣдь не писатель, — что меня спрашивать. Если бы я былъ писатель, — я бы написалъ.

— Статью?

— Не знаю, можетъ-быть и статью.

— О чемъ?

— О томъ, чтобы всѣмъ было что жрать, — вотъ о чемъ.

— Какъ же это надо написать?

— Не знаю, — пишутъ.

— Гдѣ?

— Я не знаю; а пишутъ.

— Да все, говорю, — мало куда годится.

— Оттого, что не дописываютъ?

— А отчего не дописываютъ?

— А чортъ ихъ знаетъ.

— Ума мало, или смѣлости недостаетъ?

— Да я не знаю.

— Вы революціонеръ?

— Ну, вотъ еще! Жрать всѣмъ надо, вотъ революціи. Въ революцію хорошо,—кто большого роста.

— Это почему?

— Потому что маленькаго никто не послушаетъ.

— А вотъ Наполеоны-то, — вѣдь они оба были небольшого роста, а ихъ слушались.

— Такъ это у французовъ; они на ростъ не глядятъ; а у насъ надо, чтобъ дылда былъ и ругаться умѣлъ.

— А вы развѣ этого не можете?

— Нѣтъ, не могу.

— А жрать?

Онъ улыбнулся, но только удивительно странно, сначала однимъ, а потомъ другимъ глазомъ, точно онъ не смѣлъ сразу обоими улыбнуться, и отвѣчалъ:

— Могу.

— Ну, идемте.

И онъ ходилъ со мною разъ и два и, наконецъ, за обычай взялъ со мною питаться и освоился до того, что разъ сказалъ:

— А я еще и другую штуку могу.

— Какую?

— Подвыть.

— Какъ же это?

— Здѣсь нельзя—страшно.

Я объ этомъ и позабылъ, но потомъ мы съ нимъ какъ-то пошли за городъ къ Нелви. Это былъ хорошій вечеръ; мы все бродили, бродили, сѣли на бережку ручья и незамѣтно осмеркли.

Онъ такъ же незамѣтно отъ меня отлучился, и гдѣ-то исчезъ. Я задумался и совсѣмъ про него позабылъ, но вдругъ вдрогнулъ и вскочилъ въ ужасномъ испугѣ, и было чего: въ самомъ недалекомъ отъ меня разстояніи громко и протяжно провылъ голодный волкъ... И прежде чѣмъ я могъ оправиться—онъ завылъ снова.

Надо было опомниться, что я всего въ двухъ шагахъ отъ Парижа, котораго грохотъ слышенъ и котораго огни

отражаются заревомъ, чтобы понять, какъ трудно было появиться здѣсь волку.

И пока я это сообразилъ, предо мною предсталъ Шерамуръ.

— Каково?—говорить.

— Это вы выли?

— Я. Разобрали, въ чемъ дѣло.

— Какое же дѣло?

— Слушайте.

И онъ опять сѣлъ на корточки, сложилъ у рта ладошки и завылъ: уаа-уаа-уаа.

— Разобрали?

— Нѣтъ; но вы, дѣйствительно, воете какъ настоящій волкъ.

— Еще бы! Мы, бывало, всѣ этакъ хоромъ воемъ.

— Кто, гдѣ?

— Техноложцы-то, въ Петербургѣ, когда топить нечѣмъ и жрать нечего. Заводемъ, — хозяйка испугается и дастъ дровъ и поплеванникъ—чтобы замолчали. Вѣдь это слова.

Онъ опять опустился на корточки и еще разъ завылъ, но гораздо протяжнѣе; и въ этотъ разъ въ этомъ воѣ я разобралъ слова:

Холодно, странничекъ, холодно;
Голодно, родименькій, голодно!

И мнѣ стало жутко и больно, а онъ сталъ рассказывать: какъ имъ бывало холодно и какъ голодно и какъ они, вымоливъ полѣно дровъ и «поплеванникъ», потомъ разогрѣвались, прыгая вокругъ пустой комнаты и напѣвая:

А лягушки по дорожкѣ
Скачутъ, вытянувши ножки,
Ква-ква-ква-ква,
Ква-ква-ква-ква.

На него, кажется, дѣйствовала ночь, звѣзды и свобода открытаго пространства. Онъ былъ въ духѣ и въ какомъ-то порывѣ на откровенность. Я этимъ воспользовался.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

— Неужто вамъ, говорю, — когда вы такъ бѣдствовали, никто не помогаль?

— А кто мнѣ станетъ помогать? со мною все бѣдняки жили;—всѣ втроемъ рѣдко жрали.

— Не всё же технологи или по-вашему «техноложцы» такъ бѣдны.

— Да, у кого есть отцы, — не бѣдны, разумѣется — имъ помогали.

— А вашъ отецъ?

— У меня отца не было, — только родитель.

— Какая же тутъ разнища?

— Отецъ жалѣеть, а родитель — родить и бросить.

— Кто же былъ вашъ *родитель*?

— Мизантропъ.

— Чѣмъ онъ занимался?

— Дворянинъ; — развлекалъ свою ипохондрію.

— Ну, а мать, развѣ и она о васъ не заботилась?

— Чѣмъ ей заботиться? — она изъ крѣпостныхъ дѣвокъ была.

— Такъ вы, значить, изъ податного званія?

— Нѣтъ; изъ благороднаго, — мизантропъ ее за чиновника выдалъ.

— Вы все путаете.

— Ничего не путаю: родитель былъ одинъ, а отцомъ другой числился; мужъ материнъ въ казначействѣ служилъ.

— Да вы чью фамилію-то носите?

— Материнаго мужа.

— Ваша матушка вѣрно была очень красива.

— Ну вотъ... Разумѣется не такая, какъ я. А у него все равно были всякія: и красивыя, и некрасивыя, и всѣхъ замужь выдавалъ.

— И приданое давалъ.

— Матери пятьсотъ рублей далъ, за чиновника, а которыхъ за своихъ — тѣмъ не давалъ.

— Значить, онъ вашу матушку больше другихъ любилъ.

— Время такое пришло: эманципация. Крѣпостные не захотѣли безъ награжденія. А онъ разсудилъ, что если съ награжденіемъ, такъ ужъ все равно за благороднаго. Чиновникъ и взялся.

— Выходить, вы все-таки счастливѣе другихъ.

— Не вижу, тѣ надѣлы получили, а я нѣтъ.

— А чиновникъ васъ не обижалъ, воспитывалъ?

— Мы у него не жили, онъ съ матерью очень дрался; она назадъ убѣжала.

— Къ мизантропу?

— Да; меня швырнула ему, а сама утопиться хотѣла. Онъ новаго суда побоялся и взялъ насъ.

— Тутъ вамъ хорошо было?

— Ничего не было хорошаго: меня къ акушеркѣ на воспитаніе въ городъ отдали.

— Это добрая была женщина?

— Шельма; сама все съ землемѣромъ кофей пила, а мнѣ жрать не давала. И землемѣръ очень билъ.

— Зачѣмъ?

— Такъ; напьется и бьетъ по головешкѣ. Я оттого и роста пересталъ, — до двѣнадцати лѣтъ совсѣмъ не росъ. Въ училище отдали: тамъ началъ жрать и сталъ подниматься. А пуще въ пасалтырѣ морили.

— Что это такое за «пасалтырь»?

— Чуланъ, — землемѣръ такъ называлъ. «Бросить, скажетъ, его въ пасалтырь» — меня и бросать, да и позабудутъ безъ корму. А тамъ еще тѣсно, все стѣна передъ носомъ. Я отъ этого пасалтыря и зрѣніе испортилъ, что все въ стѣнку смотрѣлъ. Въ училище привели — за два шага доски не видѣлъ.

— Вы въ какомъ были училищѣ?

— Въ гимназій.

— Окончили курсъ?

— Нѣтъ; у меня отъ битья память глупая.

— А потомъ?

— Въ технологию.

— Что же тутъ больше учились или больше читали?

— Больше всего опять жрать было нечего, а иногда и читали.

— А что читали?

— Много, — не помню.

— Стихи или прозу?

— И стихи, и прозу.

— И ничего не помните?

— Одни стихи помню, потому что много списывалъ ихъ.

— Какіе?

— Начало божественное, а потомъ политическое:

«И вы подобно такъ падете,

«Какъ съ древъ увядшій листь падеть,

«И вы подобно такъ умрете,

«Какъ вашъ послѣдній рабъ умреть».

— Это, говорю,—«Властителямъ и Судиямъ».

— Вотъ, вотъ, оно самое.

— Зачѣмъ же вы его списывали?

— Всѣмъ правилось.

— Да вѣдь это Державинское стихотвореніе: оно есть печатное.

— Ну, рассказывайте-ка.

— Не вѣрите?

— Разумѣется.

— Ну, такъ знайте же, что это переложеніе псалма и оно было въ хрестоматіи, по которой мы, бывало, грамматическій разборъ дѣлали.

— Ну, а мы не дѣлали.

— Бѣдняжки.

— Ничего не бѣдняжки.

— А когда вы окончили свою технологію?

— Я ее не кончалъ.

— Почему?

— Политическая исторія помѣшала.

— А какая же это была исторія?

— Наши студенты на дворъ просились.

— Для какой надобности?

— Какъ для какой надобности? Безъ двора развѣ можно? дворъ заперли, и некуда дѣться: мы проситься. Бударь говорить нельзя на дворъ,—отъ начальства не велѣно, а мы его отпихнули и пошелъ бунтъ.

— Вѣрно прежде была какая-нибудь распря.

— Я тогда не ходилъ, у меня за ухомъ юрунда какая-то вспухла и ее въ тотъ день только распоролі.

— Какъ же вы этимъ не оправдались?

— А какъ это оправдаться, стали насъ показывать,—бударь на меня говорить: «вотъ и этотъ черномордый тоже на дворъ просился». Меня оставили, а ему велѣли изложить. Онъ говорить: «я не пушалъ, а онъ, какъ Спиноза, промежь ногъ проюркнулъ».—Меня за это арестовали.

— За Спинозу?

— Да.

— Долго же вы были подъ арестомъ?

— Нѣтъ; я скоро въ деревню уѣхалъ, — меня графиня выпросила.

Онъ, къ крайнему моему удивленію, назвалъ одно изъ

самыхъ великосвѣтскихъ именъ. Я впервые ему не повѣрилъ.

— Почему она васъ знала?

— Ничего не знала, а у насъ былъ директоръ Ермаковъ, котораго всѣ знали, и онъ былъ со всѣми знакомъ и съ этой съ графиней. Она прежде жила какъ всѣ,—экозесь танцевала, а потомъ съ однимъ англичаниномъ познакомилась и ей захотѣлось людей исправлять. Ермаковъ за насъ заступался, рассказывалъ всѣмъ, что насъ «исправить можно». А она услышала и говоритъ: «Ахъ, дайте мнѣ одного,—самаго несчастнаго». Меня и послали. Я и идти не хотѣлъ а директоръ говоритъ: «идите,—она добрая».

— И что же: вправду такъ вышло?

— Ничего не правда. Пустили къ ней скоро — у нея внизу особый залъ былъ. Тамъ люди какіе-то, — все молились. Потомъ меня спросила: читаль ли Евангеліе? Я говорю: нѣтъ. «Прочитайте, говорить, и придите». Я прочиталъ.

— Все прочитали?

— Все.

— Что же,—понравилось вамъ?

— Разумѣется, мистики много, а то бы ничего: есть много хорошаго. Почеркать бы надо по мѣстамъ...

— Вы такъ и графинѣ отозвались?

— Не помню, — да вѣдь еще раньше генераль Дубельтъ говорилъ... Я читалъ объ этомъ, а съ графиней... не помню... Все равно она была дура. Она мнѣ долбила все про спасеніе, только мнѣ спать захотѣлось, а ничего не понималъ.

— Что же такое было непонятное?

— «Надо придти ко Христу». Очень радъ,—только какъ это сдѣлать? Или будто я спасень... Почему я это знаю! Или про кровь тамъ и все этакое: ничего по настоящему нельзя понять. Я сказалъ, что я этого не понимаю, и мнѣ это не нужно. Она стала сердиться: «оставимъ, говорить, до деревни, — вы тамъ поймете». Дорогою хотѣла меня съ собой посадить и читать, а потомъ во второй классъ поехала; двѣ дѣвки, я да буфетчикъ. Мы и поессорились.

— Какое же вамъ до нихъ дѣло было?

— Подлости говорить и безстыдство: я это ненавижу; а потомъ съ мужикомъ скандалъ вышелъ, — все и пропало.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Вотъ въ чемъ заключается этотъ эпизодъ, — нелѣпый, курьезный и отрывочный, какъ всѣ эпизоды своеобразной эпопеи Шерамура.

— Мы поѣхали, — началъ онъ. — Графиня сама сѣла въ первый классъ и дѣтей, и старую гувернантку — англичанку тоже тамъ посадили, а двѣ дѣвки и я, да буфетчикъ во второмъ сѣли. Буфетчикъ мнѣ подавъ билетъ и говоритъ:

— Графиня вамъ тутъ велѣла.

Я говорю:

— Мнѣ все равно. — А какъ они стали разные глупости говорить, я и ушелъ въ третій классъ къ мужикамъ.

— Какія же такія нестерпимыя глупости они говорили?

— Всякія глупости, все важныхъ изъ себя передо мною представляли: одна говоритъ, что ее американскій князь соблазнить и увезть хотѣлъ, да она отказалась, потому что на пароходѣ ѣздить не можетъ, будто бы у нея отъ колтыханья морская свинка дѣлается. Противно слушать, а на первой станціи при насъ большая исторія вышла: мужика возлѣ нашего вагона бить стали. Я говорю: за что? А кондукторъ говоритъ: «вѣрно заслуживаетъ». — Я самого мужика спросилъ: за что? а онъ говоритъ: «ничего!» Я подскочилъ къ графинѣ, говорю: видите, безправіе! А она закричала: «ахъ, ахъ!» и окно закрыла. Буфетчикъ говоритъ: «развѣ можно безпокоить». Я говорю: если она христіанка, она могла за бѣднаго заступиться. А онъ: «съ какой стати этакъ можете? — вы ангелистъ». А я говорю: а ты дуракъ. И повздорили. Они и начали про студентовъ намеки. «Теперь, говоритъ, всѣ взялись за этотъ ангелизмъ. Коимъ и не стоило званія своего начкаты, и тѣ нынче счеты считаютъ. У насъ тоже теперь новый правитель — только вступилъ, сейчасъ счеты стали перемарывать. «Зачѣмъ, говоритъ, пельмени пять съ полтиной ставить, когда они по два рубля у Юлисева? — Это воровство». Ахъ ты, дрянъ юная! Мы при твоёмъ отцѣ не такіе счеты писали и ничего, потому что то былъ настоящій баринъ: самъ пользовался и другимъ не мѣшалъ; а ты вонъ что!»

«Дѣвки такъ и ахаютъ:

«— Ишь подлець! ишь каналья!

«А тотъ говоритъ:

«— Ну, такъ я ему сейчасъ и ввернулъ, чего онъ и не думалъ. — Мало ли что, говорю, у Юлисѣва, мы бокалейщика Юлисѣва довольно знаемъ, что эта одна лаферма, а продаетъ кто попало, — со всякаго званія особъ. «Къ чему мнѣ это знать?» говорить. — А къ тому-съ, что тамъ все продается для обыкновенной публики, а у насъ домъ, — мы домового поставщика имѣемъ — у него беремъ. «Впередъ, говорить, у Юлисѣва брать». — Очень хорошо, говорю, только если ихъ сѣятельство въ какомъ-нибудь фруктѣ отравлять, такъ я не буду отвѣчать.

«Дѣвки визжать: ловко, ловко! Ожегся?

«— Страфилъ! и весь ангелизмъ спустилъ: «бери, говорить, негодяй, у своего поставщика, а то ты и вправду за три цѣлковыхъ кого угодно отравишь».

«А дѣвки радостно подхватываютъ: очень просто, что такъ! — очень просто! И сами что-то ѣдятъ, а буфетчикъ мнѣ очистки предлагаетъ: «у васъ, говорить, желудокъ крѣпкаго характера, — а у меня съ фистулой. Купайте. А если не хотите, мы на балъ дешевымъ студентамъ за окно выбросимъ». А потомъ вдругъ всё: хи-хи, да ха-ха-ха и: «точно такъ какъ наше къ вашему». Я этого уже слушать не могъ и пересѣлъ къ мужикамъ.

— Что же васъ въ этихъ словахъ особенно возмутило?

— Ну какъ же: цинизмъ: «наше къ вашему». — Развѣ я не понимаю?

— Да я-то, говорю, не понимаю: что тутъ такого особенно циничнаго.

— Ну, оставьте, пожалуйста, — очень это понятно.

— Извольте; оставляю, но все-таки, гдѣ вы видите цинизмъ — не понимаю.

— Ну, а я понимаю: я даже въ Петербургъ хотѣлъ вернуться и сошелъ, но только денегъ не было. Начальникъ станціи велѣлъ съ другимъ поѣздомъ въ Москву отвезть, а въ Петербургъ, говорить, безъ билета нельзя. А поѣздъ подходитъ — опять того знакомаго мужика, котораго били, ведутъ и опять наколачиваютъ. Я его узналъ, говорю: за что тебя опять? А онъ говорить: «не твое дѣло». Я пріѣхалъ въ Москву, — въ ихъ домъ и все спалъ, а потомъ всталъ, а на дворѣ уже никого нѣтъ, — говорятъ: уѣхали.

— Васъ бросили?

— Не взбудили. Я проспалъ — пошелъ на станцію за

книгами — книги свои взять и — вижу опять поѣздъ подѣхаль и опять того знакомаго мужика бьютъ. Я думаю: вотъ, чортъ возьми! — и захотѣлъ узнать: за что! А онъ, какъ его отбили, съ платформы соскочилъ и прямо за ворота, — снялъ шапку и на всѣ сорокъ сороковъ раскрецивается. Я говорю: ты бы, дуракъ, чѣмъ башкой по пустякамъ кивать, — шель бы къ мировому. — «А мнѣ чего, говорить, безъ мирового недостаетъ?» — Шея-то, небось, болитъ? — «Такъ что же такое: у насъ шея всегда можетъ болѣть, мы мужики: а донесъ Господь, — я Ему и благодарствую». — А что били тебя — это ничего? — «А какая важность, господа лише дрались, да мы терпѣли, — и перетерпѣли: теперь они и сами обосѣли — стали смиренные». — Вотъ отъ этого, говорю, въ тебѣ и нѣтъ человѣческой гордости, а ты стала скотина. — «Черезъ что такое, отвѣчаешь, скотина, когда я своихъ родителей знаю». — Экое, говорю, животное: никакихъ чувствъ въ тебѣ нѣтъ. А онъ началъ сердиться: «Что ты, говорить, ко мнѣ вяжешься: какое еще чувство, если мнѣ такъ надобѣ». — Отчего же это такъ надобѣ, чтобы тебя на всякой станціи били? — «Анъ совсѣмъ, говорить, не на всякой». — Я, говорю, видѣлъ. — «А мнѣ, говорить, это еще лучше тебя извѣстно: всего четыре раза за пугину похлопали, только на большихъ станціяхъ, гдѣ билетъ провѣряютъ. Какое же тутъ чувство? потолкаютъ и вонъ, а я на другой поѣздокъ сяду, да вотъ, Богъ далъ, ничего не платя, и доѣхаль». — Понимаете, какой отличный народъ! Я его практическому смыслу подивился и какъ у меня полтора рубля было, я ему помочь хотѣлъ. Дальше, спрашиваю, куда-нибудь поѣдешь? — «Дальше мнѣ теперь все равно, что рукой подать — всего въ тульскую губернію: мы съ Москвой-то сусѣды». — А все же вѣдь и тутъ опять чугунка. — «Простое дѣло, что чугунка». — Такъ опять деньги надо. Онъ посмотрѣлъ и говорить: — «Это не твое расположеніе». — Да у тебя есть деньги или нѣтъ? — «Съ чего такъ нѣтъ: мы мужики, а не то что, — мы работаемъ, а не крадемъ, чтобы у насъ не было. У насъ, что надобѣ есть». — А то лучше, говорю, признайся: я тебѣ дамъ. — «Намъ чужого не надо: у насъ вотъ онѣ свои, кровныя». Вытащилъ кошель и хвалится: — «Видишь, говорить, что есть названье отъ Бога родителя, — вотъ я родитель: я побой претерпѣлъ, а на билетъ ничего не извелъ — безъ билета доѣхаль. Все, что заработалъ — вотъ

все оно цѣло, — дѣткамъ везу; а еще захочу, такъ и въ церкву дамъ за свое здоровье. Понимаешь?» — Глупо, говорю, въ церковь давать. — «Ну, этого говорить ты не смѣй, а то вотъ что»... — И кулакъ мнѣ къ носу. — Что за народъ! что за народъ! — воскликнулъ Шерамуръ и даже впотьмахъ весь расцвѣтился. — Я, говоритъ, не вытерпѣлъ: молодецъ, говорю: пойдемъ, я тебя угощу въ трактирѣ. А онъ сейчасъ кошель скорѣй прятать и сталъ уходить. Я за нимъ, а онъ отъ меня еще шибче, да на углу хлопъ, упалъ и растянулся. — Чего ты, говорю, дуракъ, бѣжишь? — «А ты чего, говоритъ, меня гонишь: я вѣдь твоего не прошу». — Чего же ты меня боишься? — «Ты деньги увидалъ и скрасть хочешь», и съ этимъ какъ дернетъ во всю мочь: «карррауль!» Насъ обоихъ и забрали.

— Куда?

— Въ часть.

— Выпустили?

— Да; на другой день приставъ пріѣхалъ, разспросилъ обо мнѣ и послалъ къ графинѣ: дѣйствительно ли я съ нею? Оттуда дворникъ ихъ знакомаго художника прислалъ, тотъ поручился, меня и отпустили. А у мужика тамъ въ части рубль пропалъ. Онъ послѣ сказалъ мнѣ: «это твоя вина, — я за тебя заключался, — ты долженъ мнѣ воротить», — и отдалъ...

— Вы, значить, на него не сердились?

— Нѣтъ, да вѣдь онъ уменъ, онъ мнѣ сказалъ: «я бы, говоритъ, отъ тебя и не бѣжалъ, да боялся, что у тебя вумствennyя книжки есть. А то, сдѣлай милость, буду на угощеніи благодаренъ». Чай съ нимъ вмѣстѣ пили. Отличный мужикъ. «А если еще остава есть, говоритъ, купи мимъ дѣткамъ пряничнаго конька да рыбку. Я свезу, — скажу: дядька прислалъ, — дѣтки малыя рады будутъ». Хорошій мужикъ. Мы поцѣловались.

— Значить, онъ васъ до грошника обобралъ?

— Я самъ отдалъ.

— А зачѣмъ?

— Отдалъ, да и все.

— А сами куда и съ чѣмъ пошли?

Шерамуръ только рукой махнулъ.

— Тутъ, говоритъ, — у меня началась самая тяжкая пора, я едва разсудокъ не потерялъ.

— Отчего же собственно?

— Отъ ужаснаго божества... бѣда, что такое было.

— Вѣрно опять графиня?

— Да; и другіе, — если бы англичанка моего этого спасенія вѣрою не подкургузила, такъ я погибъ бы отъ святости.

— Валяйте, валяйте, говорю, — развѣ можно на такомъ интересномъ мѣстѣ останавливаться: сказывайте, что такое было?

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Въ московскомъ домѣ графини, гдѣ она провела сутки и уѣхала далѣе, повидимому, совсѣмъ позабывъ о Шерамурѣ и не сдѣлавъ на его счетъ никакихъ распоряженій, онъ нашелъ того профессора живописи, который за него поручился.

Это былъ единственный человѣкъ, къ которому нашъ герой могъ обратиться въ своемъ положеніи. Онъ такъ и сдѣлалъ. Считаая имена недостойными человѣческаго вниманія пустяками, Шерамуръ не зналъ: какъ звали художника, но, по его словамъ, это былъ человѣкъ пожилой и больной. Онъ жилъ со своимъ семействомъ, занимая одинъ изъ флигелей въ домѣ графа, который считалъ себя покровителемъ какого-то московскаго художественнаго учрежденія. Остальной домъ былъ пустъ и оберегался однимъ старымъ лакеемъ. Лакей этотъ питалъ какія-то особенныя чувства къ профессору и свелъ къ нему Шерамура. Тотъ выслушалъ чу-дака и говорить:

— По-моему, вамъ не стоить за графиней ѣхать.

— Я, — говоритъ Шерамуръ: — спросилъ, отчего? А онъ не отвѣчаетъ. Большущее что-то пишетъ, и все помазикаетъ кистями и отскочить: высматриваетъ.

— Я, — говоритъ: — не совѣтую... И опять мазикаетъ. Графиня, я думаю... вами тяготится.

— Сама, — говорю: — пригласила.

— Это ничего. И опять помазикалъ, отскочилъ и смотритъ въ кулакъ на картину и говоритъ: это ей все равно; они люди особенные, у нихъ это ничего-съ.

И еще помазикалъ, помазикалъ, а потомъ положилъ свои снасти, закурилъ трубочку и сѣлъ противъ картины.

— Вы, — спрашиваетъ: — «Эмиля» Руссо читали?

— Не читаль, а слышаль: опыть какой-то дѣлали — воспитать человѣка.

— Вотъ, вотъ, вотъ! — вотъ и вы на этотъ опыть взяты: вы лучше удирайте.

— А что она мнѣ сдѣлаеть?

— Да нехорошо, — говорить: — съ ними возиться. Вѣдь ей дѣлать нечего — вотъ ей забота. Ея отецъ, бывало, для собственной потѣхи все лѣчилъ собственныхъ людей, а эта отъ нечего дѣлать для своей потѣхи всѣхъ ко спасенію зоветъ. Только жаль — собственныхъ людей у нихъ теперь нѣтъ, все искать надо, чтобы одной передъ другой похвастать: какая кого въ свою вѣру поймала. Всякая дрянь нынче ихъ этою глупою потѣхою пользуется: «я, дескать, увѣровалъ — дайте поѣсть», а вы студентъ, — вамъ это стыдно.

Я говорю:

— Мнѣ это все равно, — я религій не признаю; а если можете пять рублей мнѣ занять, такъ я поѣду, потому что она мнѣ сулила дать школу.

Онъ говорить:

— Натѣ вамъ пять рублей, а школы она вамъ не дастъ, а если дастъ, такъ васъ оттуда скоро выгонитъ.

А когда я хотѣлъ разспросить, отчего не дастъ? — онъ вдругъ закашлялся и говорить:

— Ну васъ совсѣмъ! — Если вы такой безтолковый, — ступайте куда хотите: у меня чахотка; а вы... ничего не понимаете.

Шерамуръ взялъ пять рублей и отправился къ мѣсту своего призванія, гдѣ его осѣтили траги-комическія случайности, которыя имѣли на него роковое вліяніе и довели его до эмиграціи.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Во-первыхъ, его не ждали и, какъ художникъ отгадалъ, — не желали видѣть въ имѣніи, куда онъ явился не то педагогомъ, не то Эмилемъ. Встрѣченъ онъ былъ сухо, какъ человѣкъ никому не нужный; даже помѣщенія ему не дали и благотѣльницы своей графини онъ не видалъ. Въ этомъ, по его словамъ, былъ виноватъ тотъ же врагъ студентовъ, буфетчикъ, способный за три цѣлковыхъ отравить кого угодно. Онъ сбѣлъ Шерамура сначала въ чуланъ при

конторѣ, а потомъ въ каморку при прачечной. У его выломаннаго порога была ямина, а подъ окномъ зольная куча, на которую выбрасывали изъ кухни всякую нечисть, и тутъ, какъ говорилъ Шерамуръ, постоянно «ходили пѣшкомъ три вороны и чьи-то птичьи кишки таскали». Въ самой же хранилѣ здѣсь была такая жара и духота, что Шерамуръ, къ великому своему удивленію и благополучію, — тяжело заболѣлъ: у него сдѣлался карбункулъ, который онъ называлъ: злой чирій. Ему не дали умереть и прислали къ нему фельдшера, — молодого еврея, который здѣсь тоже былъ и врачомъ, и религіознымъ Эмилемъ: графиня его второй годъ воспитывала къ христіанству. Главный трудъ обращенія его уже былъ оконченъ и по осени онъ назначался на короткое время на выставку въ религіозные салоны Петербурга, а оттуда къ отсылкѣ за границу для крещенія по наилучшему образцу какой-то изъ неизвѣстныхъ сектъ. Еврей былъ такой же горькій человѣкъ, какъ Шерамуръ, — онъ былъ вырванъ изъ солдатчины, благодаря тому, что рѣшился оказать склонность къ христіанству. Онъ уже второй годъ жилъ здѣсь неизвѣстно по какому праву и, чувствуя свое рискованное положеніе, пѣлъ стишки и читалъ «трактатцы», — но онъ былъ, разумѣется, гораздо находчивѣе Шерамура, и сдѣлалъ ему важную услугу, — спасъ ему жизнь.

Шерамуръ лежалъ безъ всякаго присмотра — его дверь часто некому было затворить и вороны заходили къ нему пѣшкомъ даже въ самую комнату, но фельдшеръ нашелъ, что случай этотъ достоинъ много вниманія. Онъ доложилъ о больномъ графинѣ и удостовѣрилъ ее, что болѣзнь опасна, но не заразительна. Онъ зналъ, что это былъ для нея бенефисный случай: она сейчасъ же пришла съ книжечками и флакономъ разведенной водою мадеры, и читала Шерамуру о спасеніи вѣрою. Онъ ничего не появлялъ; а она ушла, оставивъ ему трактатцы, но флаконъ унесла. Еврей ему сдѣлалъ выговоръ: «что вамъ такого, говорить, понимать, — спросить: «погибъ?» — говорите: «погибъ», — а если «спасенъ», такъ «спасенъ».

— А что это значитъ? — добивался Шерамуръ.

— Ничего не значитъ, — одинъ разговоръ, а зато вамъ будутъ хорошую пищу присылать и мадеры, — а вы еще слабы. Онъ взялъ оставленные трактатцы, посмотрѣлъ и

говорить: вотъ по этой погибѣ, а по этой спасенъ. Я скажу, что вы читали и пошли на спасенье.

Пріемъ оказался хорошъ. Въ тотъ день Шерамуру, наперекоръ всѣмъ проiscaмъ буфетчика, прислали супу и котлетъ, а послѣ обѣда пришла графиня и принесла новыхъ трактатцевъ и флаконъ. Еврей сказалъ, что больной слабъ, и графиня его не утруждала: она спросила его только: «видите, что вы погибли»... Онъ отвѣчалъ: «погибѣ». Она стала на колѣни и долго молилась. Шерамуръ изъ всей молитвы запомнилъ только: «еще молимъ тебя, Господи, и еще молимъ тебя». Она спросила: «имѣетъ ли онъ сколько-нибудь Христа?» Онъ поморщился, но сказалъ: «немножко имѣю». Она еще помолилась, а потомъ ушла, но флаконъ оставила. Съ тѣхъ поръ его стали отлично кормить и графиня къ нему приходила съ трактатами и флакономъ, а также приводила раза два англичанку и обѣ возлѣ него молились. Онъ велъ себя какъ учитель еврей: но все путалъ, говорилъ, то «погибѣ», то имѣетъ Христа.

Еврей замѣтилъ по своимъ примѣтамъ, что это долго стоитъ на лизисѣ,—вскрылъ Шерамуру нарывъ и сказалъ: «Ну, теперь скажите: спасенъ». Шерамуръ такъ и сдѣлалъ. Онъ былъ «спасенъ», графиня утѣшалась; она приобрѣла Христу перваго нигилиста, и велѣла Шерамуру по выздоровленіи приходиться къ ней, чтобы итѣ съ вѣрными и учить дѣтей писать и закону Божію. И какъ съ этихъ поръ лично ей онъ уже былъ не интересенъ, то она его бросила, а буфетчикъ опять сталъ ему посылать вмѣсто «куричьяго супу»—«свинячьи котлеты» и вмѣсто «кокайскаго вина»—«подматерный хересъ». Продолжали навѣщать Шерамура только фельдшеръ да англичанка, которая въ эту пору и явилась изобрѣтательницею его нынѣшней клички. Графиня при первомъ взглядѣ на него назвала его «Черноморъ»,— что ему и очень шло, графинины горничныя сдѣлали изъ этого «черномордый»,—но и это было кстати, а англичанка по-своему все перековеркала въ «Шерамуръ». Однако, впрочемъ, и это тоже имѣло свою статью, хотя въ смыслѣ ироніи.

Впрочемъ, началось это безъ ироніи. Никому не благодарный и ни на кого не жаловавшійся, Шерамуръ при воспоминаніи объ этой дамѣ морщилъ брови.

— Съ губкою, — говоритъ: — все приходила и съ теплой водичкой, — чиріи размывать. Я сяду на край кровати, а

она стоять,—на затылкѣ мнѣ мочить, а лицо мое себѣ въ грудь прижметъ — ужасно неприятно; она полная и какъ зажметъ лицо, совсѣмъ дышать нельзя, а она еще такіе вопросы предлагаетъ, что видно, какая дура.

— Какіе же вопросы, Шерамуръ?

— «Приятно ли?» Разумѣется, говорю, отъ теплой воды хорошо, а дышать трудно. Или: «ты ни о чемъ не думаешь?» Говорю: о чемъ мнѣ думать? — «А ти, говоритъ, дюмай, ти дюмай!» Послѣ было выдумала еще мнѣ лицо губкой обтирать, но это я сразу отбилъ—говорю: ужъ это, пожалуйста, не надо: у меня здѣсь не болитъ.

— Да она вѣрно въ васъ влюбилась?

— Ну, вотъ еще! Просто дура.

— А чѣмъ же у васъ съ нею все кончилось?

— Еще что скажете!

— А что?

— Да никогда ничего и не начиналось; а просто какъ я выздоровѣлъ и сунулся въ это божество,—сейчасъ пошли отовсюду неприятности.

— Вы не умѣли пѣть или не умѣли преподавать?

— Я не пѣлъ, а тамъ чай съ молокомъ давали, такъ я просто ходилъ сидѣть, чтобъ чаю дали.

— Вамъ не нравилось, какъ графиня говорить?

— Глупости.

— Однако, хуже поповъ, или лучше, толковѣе?

— У поповъ труднѣе.

— Чѣмъ?

— У нихъ, какъ тотъ мужикъ говорилъ, «вумствениѣе»,—они подите-ка какіе вопросы закатываютъ.

— Я,—говорю:—не знаю, о чемъ вы говорите.

— Ко мнѣ разъ попъ пришелъ, когда я ребятъ учу; «ну, говоритъ, отвѣчай, что хранилось въ ковчегѣ завѣта!» Мальчикъ говоритъ: «расцвѣтшій жезлъ Авароновъ, чашка съ манной кашей и скрыжи».—А что на скрыжахъ?—«Заповѣди», и все отвѣчала. А попъ вдругъ говорилъ, говорилъ о чемъ-то и спрашиваетъ: «А почему сіе важно въ-пятыхъ?» Мальчонко не знаетъ и я не знаю: почему сіе важно въ-пятыхъ. Онъ говоритъ: «Дѣтки! вотъ каковъ вашъ наставникъ, — самъ не знаетъ: почему сіе важно въ-пятыхъ?» Всѣ и стали смѣяться.

— Ученики ваши?

— Ребятишки отцамъ рассказали: «учитель, молъ, питерскій, а не знаетъ: почему сіе важно въ-пятыхъ? Батюшка спросилъ, а онъ и ничего». А отцы и рады: «какой это, подхватили, учитель, это — дуракъ. Мы дѣтей къ нему не пустимъ, а къ графинюшкѣ пустимъ: если покосецъ дастъ покосить — пусть тогда ребятки къ ней ходятъ, поютъ, ништо, худого нѣтъ». Я такъ и остался.

— Ни при чемъ?

— Да, такъ ходилъ, думалъ до осени, но тутъ... под-вернулось...

— Новая исторія?

— Да, изъ-за пустого лакомства.

Понятно, нетерпѣніе знать: какъ и какая сладость сей жизни соблазнила Шерамура? Почему сіе было важно въ-пятыхъ?

Дѣло это содержалось въ англичанкѣ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Пожилая дама, о которой заходитъ рѣчь, была особа, описанія которыхъ не терпитъ англійская литература, но которыхъ зато съ любовью разработываетъ французская. Смѣлѣйшіе изъ англійскихъ писателей едва касаются одной стороны — ихъ шокритства, но Тэнъ обнаружилъ и другія свойства этихъ тартюфокъ. Ихъ вкусъ мало разборчивъ, ихъ выборъ падаетъ на то, что менѣе афишируетъ. Въ большинствѣ случаевъ это бываетъ собственный кучеръ или собственный лакей. Вѣшняя фешіонабельность и гадкая связь идутъ ничего не нарушая и ничему не препятствуя. Если нѣтъ собственного кучера и лакея, тогда хорошъ и католическій монахъ. Эти лица пользуются очень хорошою репутаціею во многихъ отношеніяхъ, особенно со стороны скромности. Вообще англійскій культъ дорожить въ такихъ обстоятельствахъ скромностью субъекта и такимъ его положеніемъ, которое исключало бы всякое подозрѣніе. Шерамуръ былъ въ этомъ родѣ. Но тутъ дѣло было нѣсколько лучше: по тонкимъ навыкамъ старой эксцентрички, Шерамуръ ей даже нравился. Она была свободна отъ русскихъ предрасудковъ и не смотрѣла на него презрительными глазами, какими глядѣла «мизантропка», опрокидывающая свою ппохондрію, или ей камеристки, этотъ безвкуснѣйшій родъ женщинъ въ цѣлой вселенной. Крѣпкій, кругленькій,

точно выточенный торсъ маленькаго Шерамура, его античныя ручки, огневые черныя глаза и неимоверно сильная растительность, выражавшаяся смолевыми кудрями и волнистою бородою, производили на нее впечатлѣніе сколько томное, столько же и безпокоящее. Онъ представлялся ей маленькимъ гномомъ, который покинулъ темныя недра горъ, чтобы извѣдать привязанность, — и это ничего, что онъ малъ, но онъ крѣпокъ какъ молодой осленокъ, о которомъ въ Библии такъ хорошо рассказано, какъ упруги его ноги и силенъ его хребеть, — какъ бодро онъ несется и какъ неутомимо прыгаетъ. Она знала въ этомъ толкъ. Притомъ онъ былъ franc novice, — это возбуждало ея опытное любопытство, и, наконецъ, онъ молчаливъ и совершенно неподозрителенъ.

И вотъ, мало-по-малу, приучивъ его къ себѣ во время его болѣзни, англичанка не оставляла его своимъ вниманіемъ и тогда, когда онъ очутился безъ дѣла и безъ призора за то, что не зналъ: «почему сіе важно въ-пятыхъ?»

Она была терпѣливѣе графини и не покидала Шерамура, а какъ это дѣлалось на основаніи какого-то текста, то графиня не находила этого нимало страннымъ. Напротивъ: это было именно какъ слѣдуетъ, — потому что *они* не такъ, какъ мы — примемся, да и бросимъ, а *они* до конца держатся правила: *fais ce que tu dois*.

И та, дѣйствительно, держалась этого правила: она учила Шерамура по-французски, употребила его для переписки «стишковъ» и «трактатцевъ», и часто его подкармливала, спрашивая на его долю котлетку, или давая ему каштаны или фишашки, которые онъ любилъ и ѣлъ презабавно, какъ обезьяна.

Все это шло въ своемъ порядкѣ, пока не пришло къ развязкѣ, самой неожиданной, но вполне соответственной дарованіямъ и такту Шерамура. Но это замѣчательнѣйшее изъ его приключеній нельзя излагать въ моихъ сокращеніяхъ, оно должно быть передано въ дословной формѣ его собственнаго разсказа, насколько онъ сохранился въ моей памяти.

— Она, — говоритъ Шерамуръ: — разъ взяла меня за бороду, — и зубами заскрипѣла. Я говорю: чего это вы?

— Приходи ко мнѣ въ окно, когда все уснутъ.

Я говорю:

— Зачѣмъ?

— Я,—говорить:—тѣбѣ сладости дамъ.

— Какой?

Она говоритъ:

— Кисъ-ме-квиѣ.

Я говорю:

— Это пряникъ?

Она говоритъ:

— Увидишь.

Я и полѣзу. Изъ саду не высоко: она руку спустила и меня вздернула.

— Иди,—говорить:—за ширмы, чтобы тѣнь не видали.

А тамъ, за ширмой, серебряный подносъ и двѣ бутылочки: одна губастая, а одна такая.

Она спрашиваетъ:

— Чего хочешь: коньякъ или шартрезъ?

— Мнѣ,—говорю:—все равно.

— Пей, что больше любишь.

— Да мнѣ все равно, — а вотъ зачѣмъ вы такъ разодрѣты?

— А что такое?

— То,—говорю:—что мнѣ совѣстно—вѣдь вы не статуя, чтобъ много видно.

— А она,—вмѣшиваюсь,—какъ была разодрѣта?

— Какъ! скверно, совѣмъ вполдюда, рукава съ фибрами и декольте до самыхъ поръ, вездѣ тѣло видно.

— Хорошее тѣло?

— Ну, вотъ я будто знаю? Мерзость... по всѣмъ мѣстамъ вездѣ духами набрыськано и пудрой приляпано... какъ лишай... Зачѣмъ,—говорю:—такъ набрыськались, что дышать неприятно?

— Ты,—говорить:—глупый мальчикъ, не понимаешь: я тебя сейчасъ самого набрыськаю,—и стала черезъ рожокъ дуть.

Я говорю:

— Оставьте, а то уйду.

Она дуть перестала, а замѣсто того мокрую губку съ одеколономъ мнѣ прямо въ лицо.

— Это,—говорю:—еще что за подлость!

— Ничего,—говорить:—надо... личико чисто дѣлать.

— А, — говорю: — если такъ, то прощайте! Выскочилъ

изъ-за ширмы, а она за мною, стали бѣгать, что-то повалили; она испугалась, а я за окно и прыгнулъ.

— Только всего и было съ англичанкой?

— Ну, понятно. А буфетчикъ изъ этого вывелъ, что я будто духи красть лазилъ.

— Какъ духи красть? Отчего онъ это могъ вывести?

— Оттого, что когда поймалъ, отъ меня пахло. Понимаете?

— Ничего не понимаю: кто васъ поймалъ?

— Буфетчикъ.

— Гдѣ?

— Подъ самымъ окномъ: какъ я выпалъ, онъ и поймалъ.

— Ну-съ!

— Началъ кричать: «ангелиста поймалъ!» ну, тутъ, разумѣется, люди въ контору... стали графу писать: «пойманъ нигилистъ».

— Какъ же вы себя держали?

— Никакъ не держалъ, — сидѣлъ въ конторѣ.

— Сказали, однако, что-нибудь въ свое оправданіе?

— Что говорить, — отъ нигилиста какія оправданія.

— Ну, а далѣе?

— Убѣжалъ за границу.

— Изъ-за этого?

— Нѣтъ; пошъ подбавилъ: когда графиня его позвала сочинять, что нигилисты въ домъ врываются и чтобы скорѣе становой пріѣзжалъ, пошъ что-то приписалъ, будто я не признаю: «почему сіе важно въ-пятыхъ?» Фельдшеръ это узналъ и говоритъ мнѣ: что это такое — «почему сіе важно въ-пятыхъ?»

Я говорю: не знаю.

— Можетъ-быть это чего вышняго касается? Вамъ теперь лучше бѣжать.

Я и побѣжалъ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Какъ онъ бѣжалъ?—Это тоже интересно.

— Пѣшкомъ, — говоритъ: — до самой Москвы перъ, даже на подметкахъ мозоли стали. Пошелъ къ живописцу, чтобы сказать, что пять рублей не принесъ, а ухажу, а онъ со всѣмъ умираетъ, — съ кровати не вставалъ; — выслушалъ, что было, и хотѣлъ смѣяться, но поманулъ и изъ-подъ по-

душки двадцать рублей далъ. Я спросилъ:—на что? А онъ нагнулъ къ уху и безъ голоса шепнулъ:

— Ступайте!

Съ этимъ я ушелъ.

— Куда же?

— Въ Женевку.

— Тамъ были рады вамъ?

— Ругать стали. Говорять: «у англичанки вѣрно деньги были,—а вы—этого не умѣли. Дуракъ вы».

— Неужто даже не пріютили?

— Ничего не пріючали: я имъ не годился, — говорятъ: вы очень форменный,—намъ надо потаенные.

— Тогда вы сюда?

— Да: здѣсь вѣжливо.

Онъ сказалъ это съ такимъ облегченнымъ сердцемъ, что даже мнѣ легко стало. Я чувствовалъ, что здѣсь—*period*; что здѣсь замысловатая исторія Шерамура распадается и можно отдохнуть.

Я его спросилъ только: увѣренъ ли онъ, что ему въ Россіи угрожала какая-нибудь опасность? Но онъ пожалъ плечами, потянулъ носомъ, вздохнулъ и коротко отвѣчалъ:

— Все же уйти—безопаснѣе.

Мы встали съ края оврага, въ которомъ Шерамуръ началъ волчьимъ вытьемъ, а кончилъ божествомъ. Пора было вернуться въ Парижъ,—дать Шерамуру жрать.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Если бы я не имѣлъ передъ собою примѣра «старца Погодина», какъ онъ скорбѣлъ и плакалъ о нѣкоемъ блуждавшемъ на чужбинѣ соотчичѣ, то я едва ли бы рѣшился сознаться въ неодобрительномъ поступкѣ: мнѣ было жаль Шерамура и я даже положилъ себѣ имъ заняться и довести его до какого-нибудь предѣла. Словомъ: я велъ себя совсѣмъ какъ Погодинъ. Разбирая рапсодіи Шерамура, я готовъ былъ иногда подозрѣвать его въ сумасшествіи, но онъ не былъ сумасшедшій; другой разъ мнѣ казалось, что онъ лѣнивый негодяй и дармоѣдъ, но и это не такъ: онъ всегда ищетъ работы, и что вы ему поручите, — онъ сдѣлаетъ. Не плутъ онъ уже ни въ какомъ случаѣ, — онъ даже несомнѣнно честенъ. Онъ такъ какой-то заморухъ: точно цыпленокъ, который еще въ яйцѣ за-

чичкался. Такихъ самыя сурдобольныя хозяйки, какъ только замѣтятъ, — обыкновенно «притюкиваютъ» по головешкѣ и выбросятъ, — и это очень милостиво; но Шерамуръ былъ не куриный выводокъ, а человекъ. Родись онъ въ селѣ, его бы считали «ледащинькимъ», но приставили бы къ соответственному дѣлу — стадо пасты или гусей сгонять, и онъ все-таки пропитался бы и даже не былъ бы въ тягость; но среди культурнаго общества, — онъ никуда не годился.

Однако, все-таки его лучше увезть въ Россію, гдѣ хоть сытѣе и много дармоѣдовъ не умираетъ съ голоду. Поэтому самое важное было дознаться, тяготитъ ли надъ нимъ какое обвиненіе и нельзя ли ему помочь оправдаться?

Но какъ за это взяться? Къ счастью, однако, явился таковой случай. Но прежде, чѣмъ дойти до него, надо сказать два слова о томъ: какъ Шерамуръ жилъ въ Парижѣ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Съ перваго дня своего прибытія въ Парижъ онъ былъ такъ же обезпеченъ, какъ нынче. *Никогда* у него не было ни опредѣленнаго жительства, ни постоянныхъ занятій. Онъ иногда что-то зарабатывалъ, нося что-то въ гарѣ, иногда каталъ какія-то бревна. Что ему за это платили, — не знаю, но знаю, что имѣть столько денегъ, чтобы пообѣдать за 80 сантимовъ и выспаться въ ночлежномъ домѣ, — это было его высшее благополучіе. Въ большинствѣ же случаевъ у него не было никакой работы, тѣмъ болѣе, что, перекатывая бревна, онъ сломалъ ногу, а отъ носки тяжестей протиралъ свои очень хорошенькія, дамскія плечи, плѣшившія англичанку. Очевидно, въ работѣ у него ни на что не доставало сноровки. Отдыхалъ же онъ днемъ и ночью на будварахъ. Это трудно, но можно въ Парижѣ, а по привычкѣ Шерамуру даже не казалось трудно.

— Я, — говорилъ онъ: — ловко спать могу.

То-есть, онъ могъ спать сидя на лавочкѣ такъ, чтобы этого не замѣтилъ *sergent de ville*.

— А если онъ васъ замѣтитъ?

— Я на другую иду.

— Вѣдь и съ другой сгонять?

— Не скоро, — съ полчаса можно поспать. Надо только переходить на ту сторону, откуда онъ идетъ.

Но теперь обращаемся къ случаю.

Разъ, выйдя изъ русской церкви, я встрѣтился въ паркѣ Монсо съ моею давнею знакомою, г-жею Т. Мы сидѣли на скамеечкѣ и говорили о тѣхъ, кого знали и которыхъ теперь хотѣлось вспомнить. А намъ было о комъ побесѣдовать, такъ какъ знакомство наше съ этою дамою началось еще во дни восторговъ, пробужденныхъ псковскою исторіею Гемпеля съ Якушкинымъ и тверскою эпопеею «пяти дворянъ». Мы вмѣстѣ перегорали въ этихъ трепетаніяхъ, — потомъ разбились: она, тогда еще молодая дама, съ именемъ и обеспеченнымъ состояніемъ, переселилась на житье въ Парижъ, а я, — мелкая литературная сошка, остался на родинѣ испытывать тоску за различные мои грѣхи, и всего болѣе за то, чего во мнѣ никогда не было, т.-е. за какое-то *направленіе*.

Съ тѣхъ поръ минуло безъ малаго четверть столѣтія и многое измѣнилось, — однихъ не стало, другіе очутились слишкомъ далеко, а мы, которыхъ здѣсь свелъ случай послѣ долгой разлуки, могли не безъ интереса подвергнуть другъ друга провѣркамъ: что въ комъ изъ насъ испарилось, что осталось и во что преложилось и окрасилось. Она въ это время видѣла больше меня людей интересныхъ, и притомъ такихъ, о которыхъ я имѣлъ только одни книжныя понятія. Въ дни ея отъѣзда, я помню, что она горѣла однимъ постояннымъ и ни на минуту не охлажденнымъ желаніемъ стать близко къ Гарибальди и къ Герцену. О первомъ она писала, что ѣздила на Капреру, но Гарибальди ей не понравился: онъ не чуждался женскаго пола, но относился къ дамамъ слишкомъ реально. Онъ ей показался лучше издали, но почему и какъ, — я ее о томъ не спрашивалъ. Герценъ тоже не выдержалъ критики: онъ сдѣлался подъ старость «не интересенъ какъ тайный совѣтникъ», и очень капризенъ и придирчивъ. Дама весьма хорошо умѣла представлять, какъ она красилась за него въ одномъ женевскомъ ресторанѣ, — гдѣ онъ при множествѣ туристовъ «велъ возмутительную сцену съ горчицницей» за то, что ему подали не такую горчицу. Онъ былъ подвязанъ подъ горло салфеткою и кипятился совершенно какъ русскій помѣщикъ. Всѣ даже оборачивались... И это былъ тотъ, чьи остроумныя клички и прозвища такъ смѣнили либеральный Петербургъ шестидесятыхъ годовъ! Это невозможно было сне-

сти: дама махнула рукой на подвязаннаго салфеткою старца и даже въ видѣ легкой прони отыгралась съ нимъ на его же картахъ: она называла его «салфеточнымъ». Затѣмъ ея вниманіе занимали Клячко, Лангевичъ, Пустовойтова, наконецъ папа Пій IX, отъ котораго она тогда только-что возвратилась и была въ восторгѣ по причинѣ его «божественнаго лица».

— Кротость, ласковость и... какое обхожденіе,—говорила она:—всякому онъ что-нибудь... Пусть его бранятъ, что онъ выдумалъ непогрѣшимость и зачатіе, но какое мнѣ дѣло! Это все въ догматахъ... Боже мой! кто тутъ что-нибудь разбереть, а не все ли равно, какъ кто вѣритъ. Но какая прелесть... Въ одномъ представленіи было много русскихъ: одинъ знакомый профессоръ съ двумя женами, то-есть съ законной и съ романической,—и купецъ изъ Риги, раскольникъ—лѣчиться ѣздилъ съ дочерью, дѣвушкою... Всѣхъ приняли,—только раскольнику велѣли фракъ надѣть. Старикъ никогда фрака не надѣвалъ, но купилъ и во фракѣ пришелъ... И онъ со всѣми, со всѣми умѣлъ заговорить, — съ нами по-французски, а раскольнику черезъ переводчика напомнилъ что-то такое, будто государю говорили, что «въ его новизнахъ есть старизна», или «старина». Говорятъ — это, дѣйствительно, такъ было. Раскольникъ даже зарыдалъ: «батюшка, говоритъ: откуда износишь сіе, отколь тебѣ все вѣдомо?» упалъ въ ноги и вставать не хочетъ. «Старина, старина», говоритъ... Мнѣ это нравится: съ одной стороны находчивость, съ другой простота... Здѣсь теперь въ модѣ Берсье: онъ измѣнилъ католичеству, сдѣлался пасторомъ и все противъ папы... Я и его не осуждаю,—у него талантъ, но онъ не правъ и я ему прямо говорю: вы не правы; нану надо видѣть; надо на него глядѣть безъ предубѣжденія, потому что съ предубѣжденіемъ все можетъ показаться дурно,—а безъ предупрежденія...

Но только-что она это высказала, — на поворотѣ аллеи, какъ изъ земли вылутился Шерамуръ,—и какой,—въ какомъ видѣ и убранствѣ! Шершавый, включенный, тощій, весь въ пыли, какъ выскочившій изъ-подъ грязной застрѣхи котъ, съ желтымъ листомъ въ своей нечесаной бородѣ и прорѣхами на блузѣ и на обоихъ колѣнахъ.

При появленіи его я просто вздрогнулъ, перервалъ оживленный разговоръ моей дамы и, пользуясь правами короткаго знакомства, взялъ ее за руку и шепнуть:

— А вотъ, посмотрите-ка безъ предубѣжденія.

— На кого? Вотъ на этого монстра?

— Да; я послѣ разскажу вамъ, какое подъ этимъ заглавiемъ содержаніе.

Она прищурилась, разсмотрѣла и... тоже вздрогнула.

— Эта ужасно!—прошептала она вслѣдъ Шерамуру, когда онъ минулъ насъ, не удостоивъ ни единого взгляда, съ по-нурою, совершенно падающею головою. Надо было думать, что нынѣшнюю ночь, а можетъ быть и нѣсколько ночей кряду, его мало пожалѣлъ *sergent de ville*.

Моя дама схватила за карманъ, достала портмонэ и, вынимая оттуда десять франковъ, сказала:

— Вы можете ему передать это?..

— О, да, говорю, — съ удовольствіемъ. — Но, позвольте, вотъ что мнѣ пришло въ голову: вы вѣдъ вѣрно знакомы съ кѣмъ-нибудь изъ здѣшнихъ нашихъ дипломатовъ?

— Еще бы, — даже очень дружески.

— Помогите же этому бѣдняку.

— Въ чемъ?

— Надо узнать: преступникъ онъ или нѣтъ?

— Охотно, только если они знаютъ. Но они, кажется, о русскихъ никогда ничего не знаютъ.

— Они, — говорю: — могутъ узнать.

Она вызвалась поговорить съ однимъ изъ близкихъ ей людей въ посольствѣ и черезъ два дня пишетъ мнѣ, чтобы я прислалъ къ ней Шерамура: она хотѣла дать ему рекомендательную карточку, съ которою тотъ долженъ пойти къ г. N. N. Это былъ видный чиновникъ посольства, который обѣщаль принять и выслушать Шерамура и, если можно, помочь ему очистить возвратный путь въ отечество.

— А тогда, — прибавила дама: — я беру на себя собрать ему средства на дорогу, буду просить въ Петербургѣ и проч., и проч.

Думаю: чего же еще лучше надо?

Передаю все это Шерамуру и спрашиваю:

— Что вы на это скажете?

— Да я, — отвѣчаетъ: — не понимаю: зачѣмъ это?

— Вы развѣ не хотите въ Россію?

— Нѣтъ; отчего же, — могу; тамъ пищевареніе лучше.

— Такъ идите къ этой дамѣ.

— Хорошо. Она дура?

— Съ какой же стати она будетъ дурою?

— Аристократка.

— А они развѣ все дураки?

— Да я не знаю, я такъ спросилъ: какая она?

— Это вамъ все равно,—какая она,—она очень добрая, принимаетъ въ васъ участіе и въ силахъ вамъ помочь, какъ никто другой. Вотъ все, что вамъ достаточно знать и идти.

— И ничего изъ этого не будетъ.

— Почему не будетъ?

— Вѣдь я сказалъ.

— Нѣтъ, не сказали.

— Аристократка.

— Такъ вы не пойдете?

Онъ помолчалъ, поводитъ носомъ и протянулъ:

— Ну, чортъ съ ней,—пожалуй схожу.

Онъ это дѣлалъ совершеннымъ *grande signore*. — чтобы отвязаться. Ну, да и то слава Богу, что хоть мало на ладъ идетъ. Моя знакомая женщина съ душою,—она его пойметъ и на его невѣжество не обидится.

Другое дѣло,—какъ онъ аттестуетъ себя въ самомъ послѣдствіи передъ русскимъ дипломатомъ, котораго чувства, конечно, тоньше и который, по уставамъ своего уряда, «по поступкамъ поступаетъ», а не по движенію сердца.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Я ждалъ развязки дипломатическихъ свиданій Шерамура съ нетерпѣніемъ, тѣмъ болѣе, что все это затѣялось наканунѣ моего отъѣзда, и вотъ мнѣ не терпится: вечеркомъ въ тотъ день, какъ онъ долженъ былъ представиться своей патронессѣ, я ѣду къ ней и не могу отгадать: что застаю? Но застаю ее очень веселую и довольную.

— Вашъ Шерамуръ,—говоритъ:—презабавное существо. Какъ онъ ѣстъ!—какъ звѣренышъ.

— Вы его кормили?

— Да; я его брала съ собой...

— Вотъ какъ, я всегда знала, что у васъ предоброе сердце, но это еще шагъ впередъ.

— Отчего?

— Оборвышъ онъ этакой, а вы его водили и вмѣстѣ обѣдали.

— Ахъ, это-то! Ну, полноте, вѣдь здѣсь не Россія. Не беспокойтесь меня хвалить: въ Петербургѣ я бы этого ни за что не сдѣлала, а здѣсь что же такое... Я такая, какъ всѣ, и могу дѣлать чтò хочу. Гарсоны на него только все удивлялись. Я имъ сказала, что это дикій изъ русской Сибири, и они его все разсматривали и были къ нему очень вѣжливы. А кстати: вы замѣтили, какъ онъ кости грызеть?

— Нѣтъ,—говорю:—что-то не замѣтилъ.

— Ахъ, это прелестно: онъ ихъ грызеть какъ будто какую-нибудь жареную вермишель и чавкаетъ какъ поросеночекъ.

— Да,—говорю:—насчетъ изящества съ нимъ нужна снисходительность.

Но она и приняла это снисходительно, и даже рассказала оставшійся у меня въ памяти анекдотъ о другомъ, еще болѣе противномъ, способѣ обращаться съ костями. Дѣло шло объ-одномъ ея великосвѣтскомъ кузенѣ Вово и состояло въ томъ, что этотъ кузенъ, русскій консерваторъ, удостоился чести кушать за особымъ столикомъ съ нѣкоторою принцессою, ощутилъ неодолимое желаніе показать, какъ онъ чтитъ этотъ счастливый случай. Онъ остановилъ лакея, убравшаго тарелку съ косточками птички, которую скушала принцесса, выбралъ изъ нихъ двѣ или три, завернулъ въ свой бѣлый платокъ и сказалъ, что дѣлаетъ это съ тѣмъ, чтобы «сберечь ихъ какъ святыню». Но, къ сожалѣнію, все это было дурно принято: принцесса обидѣлась такою грубостью, и кузенъ Вово лишился впередъ приглашеній. Дама называла это «русскимъ великосвѣтскимъ бебезизмомъ», который ставила безъ сравненія ниже Шерамурова чавканья,—а я ее не оспаривалъ.

— Конечно,—говорю:—такой не деликатности Шерамуръ не сдѣлаетъ, но вотъ меня занимаетъ: какъ онъ поведетъ себя съ дипломатомъ? Предупредили ли вы того: какой это экземпляръ?

— Какъ же,—я все сказала.

— Ну, и что же онъ?

— Очень смѣялся.

Я покачалъ головою и сомнительно спросилъ:

— Зачѣмъ же онъ очень смѣялся?

— А что?

— Да такъ... Зачѣмъ это они всѣ нынче любятъ *очень*

смѣяться, когда слышать о страдающихъ людяхъ. Лучше бы *немножко* посмѣяться и *больше* о нихъ подумать.

И она вздохнула, и говоритъ:

— Правда, правда, правда.

— А когда, — спрашиваю, — ихъ rendez-vous?

— Завтра.

— Ну, хорошо. А Шерамуру вы не дали никакого наставленія, какъ ему себя держать?

— Нѣтъ.

— Это очень жаль.

— Да не могла, — говоритъ: — онъ такъ скоро убѣжалъ, что мы и не простились.

— Отчего же такъ?

— Не знаю; должна была на минуту выйти и предложила ему почитать книгу, а когда пришла опять въ комнату, — его уже не было; дѣвушка говоритъ: швырнулъ книгу и убѣжалъ, какъ будто за нимъ самъ дьяволъ гнался.

— Что за чудакъ!

— Да.

— Что же это можетъ значить?

— Я васъ могла бы объ этомъ спросить, вы его больше знаете.

— Такъ, говорю, — но надо знать: что передъ этимъ было?

— Передъ этимъ? — передъ этимъ онъ съѣлъ довольно много омета съ малиной.

— А, говорю, — это тоже не шутка.

И мы²оба, казалось намъ, *поняли* и разсмѣялись.

— Но, впрочемъ, — добавила она: — я надѣюсь, что все будетъ хорошо.

А я, признаться, на это не надѣялся, хотя и самъ не зналъ, — почему всѣ добрыя надежды на его счетъ были мнѣ чужды.

Затѣмъ, слѣдующій день я провелъ въ бѣготнѣ и въ сборахъ и не видалъ Шерамура. Консьержъ говорилъ, что онъ приходилъ, узналъ, что меня нѣтъ дома, и ушелъ, что-то написавъ на притолкѣ.

Я долго разбиралъ и прочиталъ нѣчто несообразное и не отвѣчавшее главному интересу минуты. Надпись гласила: «оставьте мнѣ пузырянку глазныхъ капель, что помогаютъ отъ зубной боли».

Я зналъ, что онъ одинъ разъ, когда у него болѣли зубы, взялъ въ ротъ бывшія у меня глазныя капли и тотчасъ исцѣлилъ. Это меня тогда удивило и насмѣшило, и я отдалъ консервѣ «пузырянку», чтобы передалъ Шерамуру, если онъ не застанетъ меня дома. Но онъ не приходилъ за глазами каплями, — вѣроятно, зубы его прошли сами собою.

На слѣдующій день онъ не явился, и еще день его тоже не было, а потомъ уже и наступилъ и день моего отъѣзда. Шерамуръ какъ въ воду канулъ.

Я былъ въ затрудненіи; мнѣ чрезвычайно хотѣлось знать: чѣмъ его Богъ черезъ добрыхъ людей обрадовалъ; но Шерамура нѣтъ и нѣтъ, — какъ сквозь землю провалился.

Хоть неловко было докучать моей дамѣ послѣ прощанія, но я урвалъ минутку и ѣду къ ней, чтобы узнать: не былъ ли у ней мой несмысль, или не слыхала ли о немъ чего-нибудь отъ того, къ кому его посылала.

Пріѣзжаю и не застаю ея дома: говорятъ, она на цѣлую недѣлю уѣхала къ пріятельницѣ за Сень-Клу.

Конечно, больше искать слуховъ было негдѣ, и я помирился съ той мыслью, что, вѣроятно, такъ завтра и уѣду, ничего не узнавъ о Шерамурѣ. А потомъ, — думаю, онъ, пожалуй, такъ и затеряется, и въ сознаниіи моемъ о немъ останется какой-то разсучившійся обрывокъ... Будетъ и жалко, и досадно всю жизнь воображать, что онъ попрежнему все голоденъ и холоденъ и блуждаетъ отъ одной скамьи до другой, не имѣя гдѣ выспаться.

Кто настоящей эгоистъ, кто съ толкомъ любитъ свой душевный комфортъ, тотъ долженъ тщательно избѣгать такихъ воспоминаній. Вотъ почему, между прочимъ, и слѣдуетъ знакомиться только съ порядочными людьми, у которыхъ дѣла ихъ всегда въ порядкѣ, и надо ихъ бросать, когда фортуна поворачивается къ нимъ спиною. Это подлое, но очень практическое правило.

И вотъ прошла послѣдняя ночь, прошло утро: я сбѣгаль позавтракать невозможными блюдами *m-me Grillade*, — все въ чайниі встрѣтитъ тамъ Шерамура, и, наконецъ, за часъ до отхода поѣзда, нанялъ фіакръ, взялъ мой багажъ и уѣхалъ.

Я зналъ, что пріѣду на амбаркадеръ рано; это мнѣ было нужно, чтобы встрѣтиться съ землякомъ, съ которымъ мы

условились ѣхать въ одномъ поѣздѣ, притомъ я хотѣлъ поправить свой желудокъ нѣскольکو лучшимъ завтракомъ.

О Шерамурѣ размышлять было уже некогда, но зато онъ самъ очутился передо мною въ самую неожиданную минуту, и притомъ въ особенномъ, мало свойственномъ ему настроеніи.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Передъ самымъ главнымъ подъѣздомъ амбаркадера сѣверной дороги есть небольшой ресторапъ съ широкимъ тротуаромъ, отѣненнымъ пятью густыми каштанами, подъ которыми разставлено множество бѣлыхъ мраморныхъ столиковъ. Здѣсь даютъ настоящее мясо и очень хорошее красное вино. Такихъ рестораниковъ тутъ нѣскольکو и всѣ они, главнымъ образомъ, существуютъ на счетъ отѣзжающихъ и провожающихъ; но самый лучший изъ нихъ это тотъ ресторапъ съ пятью каштанами, о которомъ я рассказываю. Тутъ мы условились встрѣтиться съ землякомъ, съ которымъ хотѣли держать путь, и какъ сговорились, такъ и встрѣтились. Комиссіонеръ избавилъ насъ отъ всякихъ трудовъ по сдачѣ багажа и покупкѣ билетовъ, и мы имѣли добрый часъ досужаго времени для послѣдняго завтрака подъ тѣнью парижскихъ каштановъ. Мы заняли одинъ столикъ, спросили себѣ бифштексы и вина, и не успѣли воткнуть вилки въ мясо, какъ на имперіалѣ выдвинувшагося изъ-за угла омнибуса появился Шерамуръ, котораго я издалека узналъ по его волнующейся черноморской бородѣ и бандитской шляпѣ. Онъ и самъ меня замѣтилъ и сначала закивалъ головою, а потомъ скоро соскочилъ съ имперіала и, взявъ меня за руку, сжалъ ее и не только подержалъ въ своей рукѣ, но для чего-то поводитъ изъ стороны въ сторону и даже промычалъ:

— Ну!

— Да, говорю: вотъ я и уѣзжаю, Шерамуръ.

Онъ опять пожалъ и поводитъ мою руку, опять что-то промычалъ и сталъ ѣсть бифштексъ, который я велѣлъ подать для него въ ту минуту, когда только его завидѣлъ.

— Пейте вино, Шерамуръ, — поднимайте прощальную чашу, — вѣдь мы съ вами прощаемся, пошутить я, заговоривъ in hoch romantische Stille.

— Могу, — отвѣчалъ онъ.

Я налилъ ему большой кубокъ, въ который входитъ почти полбутылки, и спросилъ еще вина и еще мяса. Мнѣ хотѣлось на разставаньи накормить его до отвала и, если можно, напоить влагою, веселящею сердце.

Онъ выпилъ, поднялъ другой кубокъ, который я ему налилъ, сказалъ «ну», вздохнулъ и опять поводитъ мою руку, и опять сталъ ѣсть. Наконецъ, все это было кончено, онъ выпилъ третій кубокъ, сказалъ свое «буде», закурилъ капоральную сигаретку и, опустивъ руку подъ столъ, сталъ держать меня за руку. Онъ, очевидно, хотѣлъ что-то сказать, или сдѣлать что-то теплое, дружественное, но не зналъ, какъ это дѣлается. У меня въ груди закипали слезы.

Я воспользовался его рукожатіемъ и тихо перевелъ въ его руку двадцати-франковый червонецъ, которымъ предварительно подавилъ его въ ладонь. Онъ почувствовалъ у себя въ рукѣ монету и улыбнулся, улыбнулся совершенно просто и отвѣчалъ:

— Могу, могу,—и съ этимъ зажалъ деньги въ ладонь съ ловкостью приказнаго старыхъ временъ.

— Ну, какъ же,—говорю:—разскажите, любезный Шерамуръ, каковъ вышелъ дебютъ вашъ въ большомъ свѣтѣ?

— Гдѣ это?

— Въ посольствѣ.

— Да, былъ.

— Что же... какой вы тамъ имѣли успѣхъ?

— Никакого.

— Почему?

— Я не знаю.

— Ну, шутки въ сторону: разсказывайте по порядку: вы нашли кого нужно?

— Нашелъ. Я сначала попалъ было куда-то, гдѣ написано: «извѣщаютъ соотечественниковъ, что здѣсь никакихъ пособій не выдаютъ». Тамъ мнѣ сказали, чтобы смотрѣть, гдѣ на дверяхъ заплата и на заплаткѣ его имя написано.

— Ну, вы нашли заплатку и позвонили?

— Да.

— Васъ приняли?

— Да, пустили.

— И вы разсказали этому дипломату всю вашу исторію?

Шерамуръ посмотрѣлъ на меня, какъ дѣлать всегда, когда ему не хотѣлось говорить, и отвѣчалъ:

— Ничего я ему не рассказывать.

Но я не могъ позволить ему такъ легко отъ меня отдѣлаться и присталь:

— Отчего же вы не рассказали? Вѣдь вы же съ тѣмъ пошли...

— Да что-жъ, какъ ему рассказывать, если онъ не вышелъ.

— Что это за мученіе съ вами: «приняли», «не вышелъ»,—говорите толкомъ!

— Лакей пустиль и велѣль пять минутъ подождать. Я подождать пять минутъ, а потомъ говорю: пять минутъ прошло. Лакей говоритъ: «что дѣлать, — monsieur вѣрно позабылъ». А я говорю: ну, такъ скажи же своему monsieur, что онъ свинья,—и ушелъ.

Я просто глаза вытаращилъ: неужто это и все, чѣмъ кончилась моя затѣя?

— А что же вамъ еще надо?

— Шерамуръ, Шерамуръ! Злополучное и бѣдное созданіе: да развѣ это такъ можно дѣлать?

— А какъ еще надо дѣлать?

— Да вы бы подумали,—вѣдь мы изъ-за этого подняли цѣлую исторію: впугали сюда свѣтскую даму...

— А ей что такое?

— Какъ что такое? Она васъ рекомендовала, за васъ старалась, просила, а вы пошли, обругали знакомаго ей человѣка въ его же домѣ и при его же слугѣ. Вѣдь это же такъ не водится.

— Отчего—не водится?

— Ну, вотъ еще: «отчего?»—не водится, а вдобавокъ ко всему можетъ-быть вы поступили не только грубо, но и совершенно несправедливо.

Шерамуръ сдѣлалъ видъ рѣзкаго недоумѣнія и вскричалъ:

— Какъ это... я несправедливо сдѣлалъ!

— Да; вы несправедливо сдѣлали; этотъ чиновникъ въ самомъ дѣлѣ могъ быть занятъ, могъ и позабыть.

— Ну, перестаньте.

— Отчего?

— Какія у нихъ занятія!

— У дипломатовъ-то?

— Да!

— А сношенія?

— Все глупости.

— Покорно васъ благодарю.

— Разумѣется; у нихъ жрать всегда готовое. Я, батюшка, проходилъ, самъ видѣлъ: внизу тамъ поварь въ колпакѣ и кастрюли кипѣли. Чего еще: жри пока не надо.

Я дольше не выдержалъ, разсмѣялся и приказалъ подать еще вина.

Шерамуръ освѣтился; онъ почувствовалъ, что его пытка кончилась: онъ опять изловилъ мою руку, помялъ ее, поводить, вздохнулъ и сказалъ:

— Бросимъ... не надо ничего.

— Это дѣло о вашей судьбѣ бросить?

— Да; какая судьба... Ну ее!..

— А мнѣ, говорю, — ужасно даже это ваше равнодушіе къ себѣ.

— Ну, вотъ, — есть о чемъ.

Русскій человѣкъ, — думаю себѣ: — одна у него жизнь, и та — бездѣлица. А онъ вдругъ оказываетъ мнѣ снисхожденіе.

— Вы, говорить, — можете, если хотите, лучше въ Петербургѣ?

— Что это такое?

— Да прямо Горчакову поговорите.

— А вы думаете, что я такая персона, что вижу Горчакова запросто и могу съ нимъ о васъ разговаривать и сказать, что въ Парижѣ проживаетъ второй Петръ Ивановичъ Бобчинскій.

— Зачѣмъ Бобчинскій, — сказать просто, такъ, что было?

— А вы думаете я знаю, что такое съ вами было?

— Разумѣется, знаете.

— Ошибаетесь: я знаю только, что васъ цыгане съ девятаго воза потеряли, что васъ землемѣръ въ тѣсный псалтырь запералъ, что вы на дворъ просились, проскользнули какъ Спиноза и ушли оттого, что не знали, почему сіе важно въ-пятыхъ.

— Вотъ, вотъ это все и есть, — больше ничего не было.

— Неужто это такъ — рѣшительно все?

— Да, разумѣется, такъ!

— И больше *ничего*?

— Ничего?

— Припомните?

Припоминалъ, припоминалъ и говорить:

— Я у одной дамы былъ, она меня къ одному мужчинѣ послала, а тотъ къ другому. Всѣ добры, а помогать не могутъ. Тогда одинъ мнѣ работу далъ и не заплатилъ — его арестовали.

— Вы писали, что ли?

— Да.

— Что же такое?

— Не знаю. Я середину писалъ, — безъ конца, безъ начала.

— И политичнѣ этого у васъ всю жизнь ничего не было?

— Не было.

— Ну, такъ вотъ же вамъ послѣдній сказъ: какъ вы себя дурно ни держали въ посольствѣ, ступайте опять къ этой дамѣ и расскажите ей откровенно все, что мнѣ сказали — и она сама съѣздитъ и попроситъ навести о васъ справки; вы вѣрно невинны и, можетъ-быть, никѣмъ не преслѣдуетесь.

— Нѣтъ; къ ней-то ужъ я не пойду.

— Почему?

Молчить.

— Что же вы не отвѣчаете?

Опять молчить.

— Шерамуръ! вѣдь мы сейчасъ расстаемся! говорите: почему вы не хотите опять сходить къ этой дамѣ?

— Она безстыдница.

— Что-о?

Я отъ нетерпѣнія и досады даже топнулъ и возвысилъ голосъ:

— Какъ, она безстыдница?

— А зачѣмъ она чортъ знаетъ что читать даетъ.

— Повторите мнѣ сейчасъ, что такое она дала вамъ безстыдное?

— Книжку.

— Какую?

— Нѣтъ-съ, я этого не могу назвать.

— Назовите, — я этого требую, потому что я увѣренъ, что она ничего безстыжаго сдѣлать не могла, вы это на нее выдумали.

— Нѣтъ, не выдумалъ.

А я говорю:

— Выдумали.

— Не выдумалъ.

— Ну, такъ назовите ея безстыдную книжку.

Онъ покраснѣлъ и засмѣялся.

— Извольте называть!— настаивалъ я.

— Такъ... вы по крайней мѣрѣ—того...

— Чего?

— Отвернитесь.

— Хорошо,—я на васъ не гляжу.

— Она сказала...

— Ну!

Онъ понизилъ голосъ и стыдливо пролепеталъ:

— Вы бы читали хорошіе англійскіе романы... и дала...

— Что-о та-акое?!

— «Попэнджой ли онъ»!

— Ну-съ!

— Больше ничего.

— Такъ что же тутъ дурного?

— Какъ что дурного?... «Попэнджой ли онъ»... Что за мерзость!

— Ну, и вы этимъ обидѣлись?

— Да-съ; я сейчасъ ушелъ.

Право, я почувствовалъ желаніе швырнуть въ него что попало, или треснуть его стаканомъ по лбу, — такъ онъ былъ мнѣ въ эту минуту досадителенъ и даже противенъ своею безнадежною безтолковостью и безпомощностью... И только тутъ я понялъ всю глубину и серьезность такъ называемаго «петровскаго разрыва»... Этотъ «Попэнджой» во-очію убѣждалъ, какъ люди другъ друга не понимаютъ, но спорить и разсуждать о романѣ было некогда, потому что появился комиссіонеръ и возвѣстилъ, что время идти въ вагонъ.

Шерамуръ все провожалъ насъ до послѣдней стадіи,— даже несъ мой пледъ и не разъ принимался водить туда и сюда мою руку, а въ самую послѣднюю минуту мнѣ показалось, какъ будто онъ хотѣлъ потянуть меня къ себѣ или самъ ко мнѣ потянуться. По лицу у него скользнула какая-то тѣнь и волненіе его стало несомнѣнно: онъ торопливо бросилъ пледъ и побѣжалъ, крикнувъ на бѣгу:

— Прощайте; я, должно-быть, муху сожралъ.

Такова была наша разлука.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Парижъ давно былъ за нами.

По мѣрѣ того, какъ я освобождался отъ нервной усталости въ вагонѣ, мнѣ стало припоминаться другое время и другіе люди, которыхъ положеніе и встрѣчи имѣли хотя нѣкоторое маленькое подобіе съ тѣмъ, что было у меня съ Шерамуромъ. Мнѣ вспомнулся дерзновенный «старецъ По-годинъ» и его просвѣтительныя паломничества въ Европу съ благородною цѣлю просвѣтить и наставить на истинный путь Искандера, нѣжныя чувства къ коему «старецъ» исповѣдалъ въ своей «Простой рѣчи о мудрыхъ вещахъ» (1874 г.). Потомъ представился Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, — тотъ даровитѣйшій изъ всѣхъ насъ писатель — и «мягкій человѣкъ»; пришелъ на умъ и тотъ рослый грѣшникъ, чьи черты Тургеневъ изображалъ въ Рудинѣ, — человѣкъ, котораго Тургеневъ видѣлъ и наблюдалъ здѣсь же, въ этомъ самомъ Парижѣ, и мнѣ стало не по себѣ. Это даже жалостно и жутко сравнивать. Тамъ у всѣхъ есть видъ и содержаніе, и свой нравственный обликъ, а это... именно что-то цыганами оброненное; какая-то затеръ, потерявшая признаки чекана. Какая-то бѣдная, жалкая изморина, которую остается хоть веретенкомъ встряхнуть, да выбросить... Что это такое? Или взаправду это уже черезчуръ хитро задуманная «загадочная картинка», изъ тѣхъ, которыми полны окна мелкихъ лавчонокъ Парижа? Глупыя картинки, а надъ ними прилежно трудятся головы очень не глупые люди. Изъ этихъ головоломокъ мнѣ особенно припоминалась одна: какой-то завитокъ, — сѣрая размазня съ подписью: «Qu'est ce que c'est?» Она болѣе всѣхъ другихъ интригуетъ и мучитъ любопытныхъ и сбиваетъ съ толку тѣхъ, которые выдаютъ себя за лучшихъ знатоковъ всѣхъ загадокъ. Они вертятъ ее на всѣ стороны, надѣясь при одномъ счастливомъ оборотѣ открыть: что такое сокрыто въ этомъ гіероглифѣ? и не открываютъ, да и не откроютъ ничего, потому что тамъ нѣтъ ничего, — потому что это просто пятно, — и ничего болѣе.

По возвращеніи въ Петербургъ, мнѣ приходилось говорить кое-гдѣ объ этомъ замѣчательномъ экземплярѣ нашей эмиграціи, и всѣ о немъ слушали съ любопытствомъ, иные съ состраданіемъ, другіе смѣялись. Были и такіе, которые

не хотѣли вѣрить, чтобы за видимымъ юродствомъ Шерамура не скрывалось что-то другое. Говорили, что «надо бы его положить, да поласкать каленымъ утюжкомъ по спинѣ». Конечно, — каждый судилъ по-своему, но была въ одномъ домѣ вальжная няня, которая положила ему судь особенный и притомъ прорекла удивительное пророчество. Это была особа фаворитная, которая пользовалась въ домѣ уваженіемъ и правомъ вступать съ короткими знакомыми въ разговоръ и даже дѣлать имъ замѣчанія.

Она, разумѣется, не принадлежала ни къ одной изъ ярко очерченныхъ въ Россіи политическихъ партій и хотя носила «панье» и соблюдала довольно широкую фантазію въ «шницѣ», но въ вопросахъ высшихъ мировыхъ coterie держалась взглядовъ Бѣжецкаго уѣзда, откуда происходила родомъ, и оттуда же вынесла запасъ русскихъ истинъ. Ей не понравилось легкомысліе и шутливость, съ которыми всѣ мы относились въ Шерамуру; она не стерпѣла и замѣтила это.

— Нехорошо, — сказала она: — человѣкъ ничевоинный, надъ нимъ грѣхъ смѣяться: у него есть ангелъ, который видитъ лицо.

— Да что же дѣлать, когда этотъ человѣкъ никуда не годится?

— Это не ваше дѣло: такъ Богъ его создалъ.

— Да онъ и въ Бога-то не вѣритъ.

— А Господь съ нимъ — глушь, такъ и не вѣритъ, и безъ него дѣло обойдется, ангелъ у него все-таки есть и о немъ убивается.

— Ну, ужъ будто и убивается?

— Конечно! Онъ къ нему приставленъ и соблюдеть. Вы какъ думаете: вѣдь чѣмъ плоше человѣкъ, тѣмъ ангелъ къ нему умнѣй ставится, чтобы довелъ до дѣла. Это и ему въ заслугу.

— Ну да, вы какъ заведете о дуракѣ, такъ никогда не кончите. Это у васъ самые милые люди.

Она слегка обидѣлась, начала тыкать пальцемъ въ рассыпанные дѣтми на скатерти крошки и съ дрожаніемъ въ голосѣ dokonчила:

— Что они вамъ мѣшаютъ, дурачки! ихъ Богъ послалъ, терпѣть ихъ надо, можетъ-быть онъ опредѣлится къ такой цѣли, какой всѣ вы ему и не выдумаете.

— А вы этому вѣрите?

— Я? почему же? вѣрю и уповаю... А вотъ вамъ тогда и будетъ стыдно!

Вотъ она, думаю,—наша мать Федорушка, распредобрая, распретолстая, что во всѣ края протянулася и всѣмъ ласково улыбулася.

Украшайся добротою, если другимъ нечѣмъ.

Няня казалась немножко разстроена и съ нею больше не спорили и теплой вѣры ея не огорчали, тѣмъ болѣе, что никто не думалъ, что всей этой исторіи еще не конецъ и что о Шерамурѣ, долго спустя, получатся новѣйшія и притомъ самыя интересныя извѣстія.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Прошло около двухъ лѣтъ; въ Герцеговинѣ кто-то встряхнулъ старые счеги и пошла кровь. Было и не до Шерамура. У насъ шли споры о томъ, какъ мы исполнили наше призваніе. Ничего не понимая въ политикѣ, я не принималъ въ этихъ спорахъ никакого участія. Но съ окончаніемъ войны я раздѣлялъ нетерпѣливыя ожиданія многихъ, чтобы скорѣе начинала дешевѣть страшно вздорожавшая провизія. Подъ вліяніемъ этихъ нетерпѣливыхъ, но тщетныхъ ожиданій, я, бывало, какъ возвращаюсь съ прогулки, сейчасъ же обращаюсь къ этажеркѣ, гдѣ въ завѣтномъ уголкѣ, на полочкѣ, поджидаетъ меня докучная книжка съ постоянно возрастающей «передержкой». И вотъ разъ, сунувшись въ этотъ уголокъ, я нахожу какую-то незнакомую мнѣ вещь, — свертокъ, довольно дурно завернутый въ бумагу,—очевидно книга. На бумагѣ нѣтъ ничего имени, но есть какія-то расплывшіяся письмена, писанныя въ самый край «подъ тѣсотку», какъ пишутъ неряхи. Начинаю дѣлать опыты, чтобы это прочесть и послѣ большихъ усилій читаю: «долгъ и за процентъ ж. в. х.». Больше ничего нѣтъ.

Снимаю бумагу и нахожу книгу Ренана «St. Paul», но прежде чѣмъ я успѣлъ ее развернуть, изъ нея что-то выпало и покатилося. Начинаю искать, шарить по всѣмъ мѣстамъ: что бы это такое вывалилось? Зову служанку, ищемъ вдвоемъ, втроемъ, все приподнимаемъ, двигаемъ тяжелую мебель и, наконецъ, находимъ... Но что?—Находимъ чистѣйшаго золота двадцати-франковую французскую монету! Не можетъ же быть, чтобы она валялась тутъ изстари: поль

могутъ, натираютъ и не могли бы ее не замѣтить... Нѣтъ; монета положительно сейчасъ только вышла изъ книги. Но что это такое? зачѣмъ и кто могъ сдѣлать мнѣ такое приношеніе? Ломаю голову, припоминаю, не положилъ ли я ее самъ, соображаю то и другое и не прихожу ни къ какому результату. Опять разыскиваю оберточную бумагу и разсматриваю письма, возлагая на нихъ послѣднюю надежду узнать: что это за явленіе? Ничего болѣе: «долгъ и за процентъ ж. в. х...» Характеръ почерка неуволнимъ, потому что писано на протекучкѣ, и все расплылось... Соображаю, что здѣсь *долгъ* и что — *процентъ*, или «за процентъ»: монета долгъ, а книга «за процентъ», или наоборотъ? И потомъ, что значать эти «ж. в. х.»? Нѣтъ сомнѣнія, что это не первыя буквы какого-либо имени, а совсѣмъ что-то другое... Что же это такое? Подбираю, думаю и сочиняю: — все выходитъ какъ-то странно и некстати: «жму вашу руку», — но послѣдняя буква не та; «жгу вашъ хохоль», тутъ всѣ буквы соотвѣтствуютъ словамъ, но для чего же кому-нибудь было бы нужно написать мнѣ такую глупость? Или это продолженіе фразы: посылаю «долгъ и за процентъ» еще вотъ что, напримѣръ: «желтый ватошный халатъ, или женскій ватошный халатъ»... Все никуда не годится. Глупый вдовильный случай, а интересуешь! Даже во снѣ соображаю и подбираю: «желаю вамъ хорошаго». Вотъ, кажется, это пошло на дорогу! Еще лучше: «живу весьма хорошо»; или... наконецъ, батюшки мои! батюшки, да это такъ и есть: не надлежитъ ли это читать... «жру всегда хорошо»? Рѣшительно это такъ и не можетъ быть иначе. Но тогда, что же это значитъ: неужто здѣсь былъ Шерамуръ? Неужто онъ появился въ Петербургѣ именно теперь, въ это странное время, и проскользнулъ ко мнѣ. Какова отчаянность! Или, можетъ-быть, его простили и разрѣшили и онъ ходитъ смѣло по вольному паспорту... Вѣдь, говорятъ, все возможно въ природѣ.

Я припомнилъ, что дѣвушка мнѣ дня три-четыре назадъ сказывала о какомъ-то незнакомомъ ей господинѣ, который приходилъ, спрашивалъ, просилъ позволенія «обождать» и ждалъ, но не дождался, ушелъ, сказавши, что опять придетъ, но до сихъ поръ не приходилъ.

Разспрашивалъ: каковъ былъ приходившій ростомъ, родствомъ, лицомъ — красотою? — ничего не добился. Всѣ

примѣты описываютъ точно на русскомъ паспортѣ: къ кому хочешь приложи—всѣмъ одинаково впору будетъ.

Остается одно: книгу поставить на полку, золото спрятать, а незнакомца ждать. Я такъ и сдѣлалъ, и ждалъ его терпѣливо, съ надеждою, что авось онъ и совсѣмъ не придетъ. Такъ минулъ день, два, недѣля и мѣсяцъ, и, наконецъ, когда я совсѣмъ пересталъ ждать, — онъ вдругъ и явился.

Звонокъ; дѣвушка отпираетъ дверь и спѣшно бѣжитъ впередъ гости шепнуть:

— Это тотъ, который ждалъ.

Легкое волненіе и выхожу навстрѣчу.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Входитъ человекъ среднихъ лѣтъ, совершенно мнѣ незнакомый, и называетъ себя незнакомымъ же именемъ.

Прошу садиться и освѣдомляюсь: чѣмъ могу служить.

— Я, говоритъ,—недавно изъ-за границы; жилъ два мѣсяца въ Парижѣ и часто видѣлся тамъ съ однимъ страннымъ землякомъ, котораго вы знаете. Онъ далъ къ вамъ порученіе,—доставить посылочку. Я ее тутъ у васъ и оставилъ, чтобы не носить, но позабылъ сказать прислугѣ.

— Я, отвѣчаю, — нашелъ какую-то посылочку; но отъ кого это?

Онъ назвалъ Шерамура.

— Какъ же, говорю:—очень его знаю. Ну, что онъ, какъ, гдѣ живетъ и все такъ же ли бѣдствуетъ, какъ бѣдствовалъ?

— Онъ въ Парижѣ, но что касается бѣдствованія, то въ какомъ смыслѣ вы это берете... Если насчетъ жены...

— Какъ, говорю, — жены!.. Какая жена! Я спрашиваю: есть ли у него что ѣсть?

— О, разумѣется,—онъ вовсе не бѣдствуетъ: онъ «пропріетеръ», женатъ, сидитъ *grand mangeur*’омъ въ женскомъ ресторанѣ, который называетъ «обжорной лавкой», и вообще, говоря его языкомъ, «жретъ всегда хорошо»,—впрочемъ, онъ это даже обозначить начальными буквами, въ полной увѣренности, что вы поймете.

— Понять-то я понялъ, но что же это... какъ же это могло случиться... Ангель... конечно, много значить... но все-таки...

Всматриваюсь въ моего собесѣдника, — думая, коего онъ духа, — не вышучиваетъ ли онъ меня, сообщая такія нестаточныя дѣла о Шерамурѣ? Нѣтъ; насколько мнѣ дано наблюдательности и проникновенія, господинъ этотъ производитъ хорошее впечатлѣніе, — повидимому, это экземпляръ изъ новой, еще не вполне обозначившейся, но очень пріятной породы бодрыхъ людей, не страдающихъ нашимъ нервическимъ раздраженіемъ и безпредметною мнительностью, — «человѣкъ будущаго», который умѣетъ смотрѣть впередъ безъ боязни и не таятъ въ бесплодныхъ негодованіяхъ ни на прошлое, ни на настоящее. Люди прошлаго ему представляются большими съ похмелья; онъ на нихъ не сердитъ и даже совсѣмъ ихъ не судитъ, а словно провожаетъ на кладбище, приговаривая: вамъ гнить, а намъ жить.

Я люблю эту породу за то, что въ ней есть нѣчто свѣжее, нѣчто уже не наше, нѣчто намъ несвойственное, но живучее и сильное. Они выросли, какъ осотъ на межахъ между грядъ, и ихъ уже не выкопешь. Русь будетъ скоро не такая, какъ мы, а такая — какъ они, и слава Богу, слава Богу!

Понявъ, что мой гость относится къ этому сорту, я сейчасъ же усадилъ его въ болѣе покойное кресло, велѣлъ подать чай и безцеремонно (какъ слѣдуетъ съ такими людьми) попросилъ его рассказать мнѣ все, что ему извѣстно о моемъ Шерамурѣ, — какъ онъ женился и сдѣлался парижскимъ «пропріетеромъ».

Гость любезно согласился удовлетворить мое любопытство.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Шерамуру помогла славянская война въ Турціи. Но какъ онъ могъ вздумать воевать? Не противно ли это всей его натурѣ и всѣмъ доводамъ его бѣднаго разсудка? И противъ кого и за кого онъ мужествовалъ и сражался? Все это было, какъ вся его жизнь, — безтолково.

Вотъ какъ шло дѣло: онъ *начиталъ* въ газетахъ, что турки обижаютъ *бѣдныхъ* славянъ, отнимая у нихъ урожай, стада и все, что надо «жрать». Этого было довольно: долго не разсуждая, онъ возсталъ и пошелъ по образу пѣшаго хожденія въ Черногорію. Онъ попалъ въ «Волдавію» или «Молдахію», гдѣ соединился съ «доброходцами», и явился въ Сербію, образцовые порядки которой дѣлали нелишними

здѣсь даже Шерамура. Онъ поступилъ куда-то, во что-то, о чемъ, по своему обыкновенію, не умѣлъ дать никакого резоннаго отчета. На войнѣ онъ «барабанилъ», чего я даже не могъ ожидать отъ него, но потомъ нашелъ, что въ Сербіи у всѣхъ жратвы больше, чѣмъ онъ видѣлъ во весь свой вѣкъ. «Даже виномъ прихлебываютъ». Никакихъ иныхъ интересовъ, достойныхъ борьбы на жизнь и смерть, Шерамуръ, разумѣется, не признавалъ, но въ этомъ его нельзя винить, потому что онъ не могъ ихъ чувствовать.

И вотъ онъ духомъ возмущенъ: за что онъ сражается: если у нихъ есть что жрать, то чего же имъ еще надо? «Черти проклятые!.. съ жиру бѣсятся! къ намъ бы ихъ спровадить, чтобы въ черныхъ избахъ пожили, да мягины пожевали!» Славянскія претензіи Шерамуръ всѣ считалъ пустяками, которые Аксаковъ въ Москвѣ выдумалъ вмѣстѣ съ Кокоревымъ, и Шерамуръ разсердился и «вышелъ», то-есть пересталъ барабанить. Нѣкоторое время онъ слонялся безъ дѣла, но ощущалъ себя въ полномъ довольствіи: «вездѣ, говорить, есть кукуруза и даже виномъ заливаетъ, какъ въ царствѣ небесномъ». Таково его понятіе о царствѣ небесномъ. Но вотъ, переходя туда-сюда, съ плохими и безтолковыми разспросами, онъ былъ, наконецъ, приведенъ своимъ ангеломъ куда ему слѣдовало; попалъ на такихъ людей, которые тоже подобно ему подвывали:

Холодно, странничекъ, холодно,
Голодно, родименькій, голодно.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Шерамуръ здѣсь сейчасъ «опредѣлился». Опять какъ и подъ какимъ заглавіемъ? это онъ, по непримиримой враждѣ ко всякой опредѣленности, излагалъ не ясно; но можно было понять, что онъ въ качествѣ человѣка черномордаго и съ «сербскимъ квитомъ» былъ въ числѣ санитаровъ. Кому-то гдѣ-то его отрекомендовалъ какой-то, по его словамъ, «очень добрый и вполне невѣрующій монахъ». Прозорливый инокъ увѣрилъ кого-то, что лучше Шерамура нѣтъ, чтобы «приставить къ пищѣ». И вотъ надъ чудакъ въ первый разъ во всю жизнь попалъ на мѣсто по своему настоящему призванію. И зато, говорятъ, какъ же онъ дѣйствовалъ: крошкѣ не позволялъ пропасть, все больнымъ тащилъ. Самъ только «хлѣбково» ѣлъ, а свою порцію котлетъ солдатамъ дробилъ,

выбирая, который ему казался «замореннѣй». Начальство, «сестры» — всѣ имъ были довольны, а солдатики цѣны не слагали его «добродѣтели».

— Даже котораго, говорятъ, монахъ на смерть отысповѣдуетъ, онъ и тому, мимо лдя, еще кусочекъ котлетки въ ротъ сунетъ, — утѣшаетъ: «жри». Тотъ и помирать остановится, а за нимъ глазомъ поведетъ.

И кончилось все это для Шерамура чѣмъ же? тѣмъ, что онъ самъ не замѣтилъ, какъ, при его спартанствѣ, у него къ концу службѣ собралась отъ жалованья «пригоршня золота». Сколько его тамъ было, — онъ не считалъ, но повезъ все въ свою метрополию, къ «швейцарцамъ» — чтобы дѣлать. Привезъ къ одному изъ митрополитовъ и «высыналъ». Стали говорить и поспорили: тотъ «все» хотѣлъ взять на «дѣло», но Шерамуръ не далъ. Онъ настаивалъ, чтобы прежде всего «сотворить какую-то вселенскую жратву», т. е. «пожрать и другихъ накормить», и ограничился на этомъ такъ твердо, что «*тотъ* цапнулъ съ краю и ушелъ». Сколько именно онъ у него взялъ — Шерамуръ не зналъ: «цапнулъ съ краю», да и баста. Деньги были не считанныя, да и считать ихъ не зачѣмъ: «все равно не воротить».

Шерамуръ увидалъ, что здѣсь дѣлать неладно, и уѣхалъ въ Парижъ. Здѣсь, онъ зналъ честную душу, способную войти во всѣ его многопитательные виды и оказать ему самое непосредственное содѣйствіе; драгоценный человѣкъ этотъ была Tante Grillade.

Она приняла Шерамура и его золото совѣмъ не такъ, какъ «швейцарскіе митрополиты».

Tante Grillade ввела Шерамура въ своей *arrière boutique*, что составляетъ своего рода «святая святыхъ» еврейской скинии, и пригласила его всыпать тамъ все золото въ комода, запереть и ключъ взять съ собою. *Voilà* положили пока не собирать. Tante сказала, что знаетъ нѣчто лучшее, — и назначила Шерамуру придти къ ней вечеромъ, когда она будетъ свободна. Они вмѣстѣ должны были обдумать, какъ лучше распорядиться такимъ богатствомъ, которое въ практичныхъ рукахъ нѣчто значило.

Шерамуръ, которому до сихъ поръ никакія комбинаціи никогда не приходили, думалъ просто: оставить деньги у Танты и водить къ ней голодныхъ, пока она подастъ счетъ и скажетъ: *tout est fini*. Но Tante Grillade была гораздо

дальнозорче и умѣе Шерамура, а притомъ, на счастье его, она имѣла на него планы.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Вечеромъ, когда Шерамуръ пришелъ къ Тантѣ, онъ встрѣченъ былъ необыкновенно: «кормежная» зала, дальше которой и во дни благополучій не заходила Шерамуръ, теперь была свободна отъ гостей, подметена и убрана. Въ ней еще было влажно и пахло «картофелемъ и маркофелемъ», но въ углѣ, шипя и потрескивая, горѣла маленькая угольная печечка и очищала воздухъ. Зато чрезъ открытую дверь видѣлось настоящее чудо декоративнаго устройства. *Arrière boutique*, которая днемъ казалась отвратительнымъ колодезнымъ днищемъ, куда никогда не проникалъ свѣтъ и гдѣ *Tante Grillade* едва поворачивалась какъ черепаха въ шайкѣ, теперь представляла очень пріютный уголокъ. Сѣрая стѣна, которая заслоняла весь свѣтъ широкаго, но совершенно бесполезнаго окна, теперь была заслонена пышною бѣлою драпировкою съ фестонами, подхваченными розовыми лентами. Въмѣсто слабыхъ, тщедушныхъ рефлексовъ вишняго свѣта комната была до избытка освѣщена и согрѣта огнемъ двухъ лампъ, стоявшихъ по угламъ неизбежнаго мраморнаго камина. Вся эта комната была такъ мала, что представляла какой-то клубочекъ, въ которомъ ничто не расходилось, а все сматывалось. На пространствѣ какихъ-нибудь четырехъ квадратныхъ аршинъ тутъ были и двуспальная кровать *Tante Grillade*, и комодъ, гдѣ теперь хранилось Шерамурово золото, и каминъ съ веселымъ огонькомъ, и круглый столъ, на которомъ прекрасно дымилась чистая вазочка съ бульономъ изъ настоящаго мяса. Кромѣ этого, тутъ же стояли литръ краснаго вина и корзинка съ лакомствомъ «четырехъ нищихъ».

Сама *Grillade* тоже была въ авантажѣ: сѣдые крендели на ея вискахъ были загнуты какъ-то круче и крѣпче обыкновеннаго и придавали ея опытному лицу внушительность и въ то же время нѣчто пикантное.

Здѣсь у мѣста сказать, что Шерамуръ въ этотъ разъ *впервые* вкушалъ хлѣбъ и пилъ сокъ винограда *tête-à-tête* съ женщиной. И онъ не разсуждалъ, но чувствовалъ истину догмата, что для счастья недостаточно достать кусокъ хлѣба, но нужно имѣть съ кѣмъ его пріятно съѣсть.

Затрапезный разговор ихъ никакъ не записать, но онъ былъ очень серьезенъ и шелъ исключительно о деньгахъ. Tante доказала Шерамуру, что если держать его деньги въ ея комодѣ и кормить на нихъ *voiron*, то этихъ денегъ хватить не надолго; онѣ выйдутъ и *voiron* опять будетъ не на что кормить.

Шерамуръ согласился и задумался, а Tante Grillade показала выходъ, который состоялъ въ томъ, чтобы пустить деньги въ оборотъ. Тогда эти деньги дадутъ на себя другія деньги, и явится неистощимая возможность всегда жрать и кормить другихъ.

Шерамуръ захопалъ въ ладоши:

— *Voilà*, говорить, — *voilà*, это и нужно! Одна бѣда: какъ пустить деньги, кому доверитъ; кто не обманетъ?

Шерамуръ закивалъ головою: ему вспомнились его швейцарскіе митрополиты, и онъ какъ перепелъ забилъ: вуй, вуй, мадамъ, вуй, вуй, вуй.

А потомъ, когда влѣдъ затѣмъ Tante встала, чтобы подать *compte de pommes*, Шерамуръ, глядя ей стыдливо въ спину, вымолвилъ:

— Да возьмите вы эти деньги, Танта!

— На какой предметъ, *monsieur*?

— Да дѣлайте чтò знаете, наживайте.

Но Танта нашла это невозможнымъ.

— Я наживу и умру, а васъ выгонять.

— Гм... Да... подлость... А сколько бы человѣкъ можно постоянно кормить?

— Можно человѣка два кормить раза по два въ недѣлю, или, еще лучше, троихъ каждое воскресенье. И, кромѣ того, разъ въ годъ можно сдѣлать особый пиръ, на которомъ никого не будетъ, кромѣ бездомныхъ *voiron*.

У Шерамура даже сердце забилося отъ такой мысли, и когда Tante Grillade, вооружась щипчиками, принялась за *poisettes*, онъ застѣнчиво приступилъ къ ней:

— Ну, такъ какъ же, Tante, — какъ это сдѣлать? — а Tante, надавливая крѣпкой орѣхъ, посмотрѣла на него и дружески отвѣтила:

— Надо жениться.

— Ну, вотъ! Зачѣмъ?

— Затѣмъ, что у васъ тогда все будетъ общее и если жена наживетъ — это принадлежить и мужу. Тогда, напри-

мѣрь, будь это я: я отдаю вамъ весь мой ресторанъ, и мы никого сюда больше не пустимъ.

— Да, да, вотъ... это самое: никого, никого не пустимъ!— вскричалъ Шерамуръ и въ сладостномъ изступленіи ума и чувствъ онъ схватилъ Tante за обѣ руки и мялъ ихъ, и водилъ изъ стороны въ сторону, пока та, глядя на него, расхохоталась и напомнила ему, что пора убираться.

На другой день вечеромъ его опять повлекли сюда и мысль о пирѣ нищихъ, и, можетъ-быть, пріютный уголокъ при каминѣ, чего онъ, по своей непрактичности, не зналъ какъ устроить даже съ деньгами.

И вотъ онъ опять явился и говорилъ:

— Можно ли, чтобы опять... здѣсь... по-вчерашнему?

— Ага, я понимаю: ты, плутишка, вѣрно нашелъ себѣ жену и хочешь со мной говорить? Хорошо, хорошо, — садись: вотъ вино и баранина.

— Да; а жены нѣтъ. Вотъ если бы вы... захотѣли...

— Найти тебѣ невесту?

— Нѣтъ, если бы... вы... сами...

— Что это? ужъ не хочешь ли ты сдѣлать позднюю поправку къ проступку третьяго Наполеона?

— Именно это!

— Но едва ли *это* будетъ тебѣ по силамъ, мой бѣдный мальчикъ. Вѣдь тебѣ съ чѣмъ-нибудь тридцать, а мнѣ сорокъ восемь.

Видя простоту Шерамура, Tante Grillade рѣшилась на этотъ случай сократить свою хронологію болѣе чѣмъ на пятнадцать лѣтъ, но это было совершенно не нужно. Ни лѣта, ни наружность Танти не имѣли въ глазахъ Шерамура никакого значенія.

— Это ничего.

— А если такъ, то вотъ тебѣ моя рука и дружба до гроба.

Они обнялись, поцѣловались и обвѣнчались, при чемъ Танта безмѣрно возросла въ глазахъ мужа черезъ то, что получила какія-то деньги съ какого-то общества, покровительствующаго бракамъ.

Вечеромъ у нихъ былъ «пиръ нищихъ» — пиръ удивительный. Гости пришли даже изъ Бельвиля, и всѣ одинъ голоднѣе другого и одинъ другого оборваннѣе. Шерамуръ, пріодѣтый Тантой въ какую-то куртку, былъ между ними

настоящій король, и они съ настоящею деликатностью нищихъ устроили ему королевское мѣсто.

Безъ всякихъ ухищреній съ нимъ совершился святой обычай родной стороны: Шерамуръ былъ княземъ своего брачнаго вечера. Имъ занимались всѣ: жена, гости и полиція, которая могла заподозрить здѣсь нѣкоторое движеніе въ пользу наполеонидовъ.

Особенно возбудителенъ былъ одинъ моментъ, когда подали *biegnots aux rommons* и три человѣка, подученные *Tante Grillade*, вынули изъ-подъ стола незамѣтно туда спрятанную корзинку; въ корзинкѣ оказался большой, немного увядшій вѣнокъ, дешево купленный Тантою у какого-то капельдинера. Въ вѣнкѣ были стоптаны нѣсколько цвѣтковъ, но зато его освѣжили яркимъ пучкомъ румяныхъ вишенъ и перевязали длиннымъ пунсовымъ вуалемъ съ надписью: «*Von oncle Grillade*».

Вѣнокъ возложили на голову Шерамура и этимъ актомъ навсегда лишили его клочки, данной ему англичанкою: съ сей поры онъ сдѣлался «теткинъ мужъ», и очень много утрачивалъ въ своей непосредственности. Но онъ объ этомъ не думалъ. Къ тому же, историческая точность обязываетъ сказать, что добрый «*oncle Grillade*» въ настоящую торжественнѣйшую минуту его жизни былъ пьянъ, и это не его вина, а вина доброй Танти, которая всѣми мѣрами позаботилась облегчить всѣ предстоящія ему задачи.

И, къ чести ея, она съ первыхъ же шаговъ показала, что знаетъ и тактику, и практику. Когда *sergent de ville* постучалъ въ дверь, чтобы честная компанія разошлась, и довольные необыкновеннымъ угощеніемъ *voeux* разсыпались, а *jeunes mariés* остались одни, *Tante Grillade*, ни слова не говоря, взяла своего маленькаго мужа на руки, повѣсила его вѣнокъ надъ кроватью, а самого его раздѣла, умыла губкою и положила къ стѣнкѣ. Шерамуръ все выдержалъ съ стоицизмомъ своего званія и потребовалъ только одно, чтобы ему дали оставшійся въ вѣнкѣ пучокъ вишенъ. И когда *Tante* его удовлетворила, онъ ихъ немедленно «сожралъ» и покорился своей долѣ.

Но не была ли эта доля слишкомъ сурова? Вотъ небольшія свѣдѣнія, которыя позволяютъ кое-что умозаключать объ этомъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Tante не злоупотребляла своими преимуществами: она была великодушна, какъ настоящая дочь бульвара. Единственное, что отравляло покой Шерамура, — опять-таки *губка*, — это страшное орудіе, которымъ повсюду ему угрожали женскія руки. Но зато онъ изъ этого научился извлекать нѣкоторыя выгоды въ пользу бѣдныхъ. Если ему встрѣчалась надобность помочь ближнему, не въ счетъ абонементна, и Танта этому противилась, — онъ «не давался умывать» и всегда успѣвалъ настоять на своемъ.

Повѣствователь видѣлъ его въ такой борьбѣ и уловилъ кое-что изъ ея сути. Онъ говоритъ, какъ они многіе сообража хотѣли кому-то помочь, и какъ къ этому стремился дядя Грилядь, но ничего не принесть и самъ пропасть. А потомъ, когда рассказчикъ зашелъ къ нему вечеромъ, чтобы увести его на прощальную пирушку, онъ засталъ дядю въ стиркѣ: Танта только-что вытерла ему лицо губкою и обтирала его полотенцемъ.

Здороваясь съ гостемъ, онъ сейчасъ же сунулъ ему въ руку золотой и сказалъ:

— Передайте, я только сейчасъ у нея выпросилъ.

— Но я за вами, чтобы вмѣстѣ попить.

— Это теперь невозможно.

— Отчего?

— Я занятъ, — видите: меня уже губкой вытерли.

— Тѣмъ лучше идти въ гости.

— Нѣтъ, — какъ же въ гости, — я говорю вамъ, что я занятъ. Надо же честно нести свой сакрификъ.

И онъ остался въ пользу бѣдныхъ при своей Омфалѣ.

Сообщилъ я объ этомъ толстой нянѣ въ «панье» и со шпинномъ. Хлопнула себя она обѣими руками по крутымъ бедрамъ и расхохоталась.

— Видишь, говоритъ, — какое ему вышло опредѣленіе.

— А какъ полагаете: счастливъ онъ этимъ или нѣтъ?

— А отчего же не быть счастливымъ: какъ она женщина степенная и въ виду, такъ и очень, можетъ-быть, счастливъ.

И впрямь, — все же это лучше, чѣмъ было ему во всю его прошлую жизнь.

Я боюсь, что мой Шерамуръ вамъ не совѣмъ понятенъ,

читатель, но это не моя вина; я его записалъ вѣрно. Лично я, по долгому навыку съ нимъ обращаться, все въ немъ нахожу простымъ и понятнымъ. Это видовая, а не родовая особенность: онъ сынъ своего родителя и мнѣ въ немъ видны крупныя родственныя черты, сближающія его даже съ обрацавшюю его въ христіанство графинюю. Это не новая новинка, а только остатки давняго худосочія. Шерамуръ такой же «мизантропъ, развлекающій свою фантазію», какъ его родитель и графиня; только онъ, разумѣется, ихъ безъ сравненія сердечнѣе; но это взято имъ не отъ нихъ, а принесено оттуда, откуда духъ дышитъ — приходитъ и уходитъ, но никто его не узнаетъ. Шерамуръ чловѣкъ ни на что не нужный, точно такъ же, какъ и тѣ, и онъ благополучно догниетъ въ одно съ ними время. Вся разница будетъ въ томъ, что о первыхъ скажутъ: «они скончались», а о Шерамурѣ, что онъ—«околѣлъ». Но, можетъ-быть, это не такъ серьезно, какъ нѣкоторые полагаютъ или, по крайней мѣрѣ, не составляетъ самаго рѣшительнаго для вѣчности съ ея безконечнымъ путемъ.

Пьеса кончена и читатель можетъ меня теперь спросить: зачѣмъ она попала въ одну книгу съ разсказами о трехъ праведникахъ, съ которыми у Шерамура, повидимому, нѣтъ ничего общаго въ природѣ?

Такой вопросъ очень возможенъ, и я, предвидя его, спѣшу дать мой отвѣтъ. Шерамуръ поставленъ здѣсь по двумъ причинамъ: во-первыхъ, я опасался, что безъ него въ этой книгѣ не выйдетъ опредѣленнаго числа листовъ, а во-вторыхъ, если самъ Шерамуръ не годится къ праведнымъ даже въ качествѣ *юродиваго*, то тутъ есть русская няня, толстая баба съ шиномъ, судъ которой, по моему мнѣнію, можетъ служить выраженіемъ праведности всего нашего умнаго и добраго народа.

Оглавление

V ТОМА.

	СТР.
Очарованный странник.	3
Шерамурь.	136

**INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA**
90-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 72
Tel. 26-68-63

F

24.124/3-5

Рисунокъ утвержд. Правительствомъ.